

Pyypin, Aleksandr N. Kotoevich

"

ИСТОРІЯ

СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

Istoriya slavyanskikh literatur

А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

Izd 2

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

ДВА ТОМА

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание типографіи М. М. Слассовича.

1879.

(419)

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	1— 45
1. Данные этнографическія и статистическія.	4— 17
2. Славянскія нарѣчія	17— 20
3. Историческая судьба славянскаго племени. Вопросъ о національномъ единствѣ.	21— 35
4. Христіанство и грамота.	35— 45
ГЛАВА ПЕРВАЯ. БОЛГАРЫ	47—137
Историческія замѣчанія	47— 53
1 Древнія времена Литература церковно-византійская; литература повѣстей; богомилство, ложныя книги; попъ Геремія, историческія книги. Второе болгарское царство; патріархъ Евѣимій и его школа	53— 96
2. Вѣка турецкаго ига и начало возрожденія. Турецкое иго; паденіе народа и литературы; фанариоты; признаки возрожденія; Пансій, іеромонахъ хилендарскій; Софроній Врачанскій; Венелинъ; начатки литературы; церковный вопросъ Новѣйшіе писатели; литературный языкъ	96—128
3. Народная поэзія Болгаръ. Сборники пѣсенъ; болгарскій эпосъ	128—137
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЮГО-СЛАВЯНЕ	138—303
I. СЕРВО-ХОРВАТЫ.	
Историческія замѣчанія	138—150
1 Собственная Сербія въ древнемъ и среднемъ періодахъ. Сербскія редакціи старо-славянскихъ церковныхъ произведеній. Древніе писатели: Стефанъ Первовѣщанный; св. Сава, Доменгяць. Писатели средняго періода, сербскія летописи, „Закопникъ“ царя Стефана Думана, сербскія редакціи византійско-болгарскихъ повѣстей; ложныя книги. Состояніе книжности во времена турецкаго ига	150—164

2. Дубровникъ и сербо-хорватское Приморье. Историческое положеніе Дубровника и Далмаціи; элементы римско-итальянскій и славянскій; господство венгерское, венеціанское. Старая книжность; четыре азбуки: кириллица и ея памятники; глаголическія книги; букваца; латинское письмо. Литература Дубровника, съ XV вѣка: Марко Маруличъ; Менчетичъ и проч. Цвѣтушая пора этой литературы; Златаричъ, Гундуличъ, Пальмотичъ. Землетрасеніе 1667 года. Упадокъ съ XVIII вѣка. Андрей Качичъ-Миошичъ. Славонскіе писатели. Рельковичъ. Катанчичъ . . . 164—197
3. Литература собственно-хорватская. Собственно-хорватское нарѣчіе; первыя попытки литературы въ эпоху реформациі; католическая реакція; новое движеніе съ половины XVII вѣка. Новѣйшее время: Тома Миклушичъ и др. 197—201
4. Новая сербская литература. Начатки возрожденія съ XVIII вѣка; славено-сербская школа; Ранчъ. Новое направленіе: Досиоей Обрадовичъ. Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Дѣятельность писателей въ сербскихъ земляхъ Австріи,—въ княжествѣ. Черногорія: Владыка Петръ II Петровичъ Нѣгошъ. Дѣятельность православныхъ Сербовъ въ Далмаціи. Босна. Научная дѣятельность . . . . . 201—238
5. Иллирское возрожденіе. Его происхожденіе, политическій и панславистскій характеръ. Людевитъ Гай и другіе дѣятели того времени: Станко Вразъ, Мажураничи и др. Иллирское движеніе въ Далмаціи. Поэгическіе писатели. Научная дѣятельность: Рачкій, Ягичъ и пр. . . . . 238—261
6. Народная поэзія Сербовъ. Историческія указанія и извѣстія о сербской народной поэзіи. Сербско-хорватскіе сборники эпическихъ пѣсень, XVII—XVIII вѣка. Качичъ-Миошичъ. Аббатъ Фортисъ. Собраніе Караджича. Характеристика сербской народной поэзіи. Новѣйшіе сборники . 261—282

II. ХОРУТАНЪ.

Историческія замѣчанія. Христіанство. Древніе памятники: Фрейзингенскіе отрывки. Дѣятельность времени реформациі. Труберъ, баронъ Унгнадъ, Антонъ Далматинъ, Юрій Далматинъ, Адамъ Богоричъ. Католическая реакція и упадокъ въ XVII—XVIII вѣкахъ. Шёнлебенъ и Вальвазоръ. Новое движеніе. Поглинъ. Водникъ. Новѣйшіе писатели: Прешернъ, Блейвейсъ, Весель-Косескій.—Копитаръ и Миклошичъ.—Штирскіе Словенцы; Резьяне.—Народная поэзія 283—303

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РУССКОЕ ПЛЕМЯ . . . . . 304—447

Частныя литературы Русскаго языка.

Вѣтви русскаго языка . . . . . 304—306

- I. Южноруссы. . . . . 306—388
- Историческія замѣчанія. Судьба Южной Руси въ древности; состояніе языка. Татарское нашествіе; литовское завоеваніе. Соединеніе Южной и Западной Руси съ Польшею; униѣ.

	Стр
Присоединеніе Малороссіи къ Московскому царству; новѣйшія времена. Двѣ русскія народности	306—316
Три періода южнорусской литературы. Какому племени принадлежатъ памятники древняго періода? (средній періодъ. Книжная дѣятельность въ Бѣлой или Западной Руси. Южная Русь. Національная борьба съ Польшей и католицизмомъ. Братства и типографіи въ Южной и Западной Руси; князь Курбскій; Константинъ Острожскій; Христофоръ Бронскій; Мелетій Смотрицкій; Іоаннъ Вишевскій. Писатели XVII—XVIII вѣка. Сочиненія историческія. Мистеріи. Историческое значеніе средневѣковой южнорусской литературы	316—350
Новое движеніе съ конца прошлаго вѣка. Историческія книги. Сковорода. Котляревскій; Гулакъ-Артемовскій; Квишка-Основьяненко. Псевдо-Конисскій. Новая школа. Шевченко; Костомаровъ; Кулишъ; Кирилло-Меѳодіевское братство. Изданіе „Основы“. Украинфильство. Новѣйшіе писатели	350—388
II. Народная поэзія.	
Историческія извѣстія о малорусской народной поэзіи. Новѣйшіе собиратели. Изученія бѣлорусской народности	388—405
III. Галицкіе Русины.	
Историческія замѣчанія. Древняя связь Галицкой Руси съ кievскою. Отдѣльная исторія съ XIII вѣка. Присоединеніе къ Польшѣ въ 1387. Участіе въ народномъ движеніи Южной Руси въ XVI—XVII вѣкахъ. Упадокъ. Присоединеніе къ Австріи. Новѣйшее возрожденіе Маркіанъ Шашкевичъ и его кружокъ. 1848-й годъ. Вліяніе украинской литературы. Галицкія партіи—„старо-русская“ и народная. Современные писатели.—Національное возрожденіе въ Руси Угорской—Народная поэзія.	405—447

Настоящая книга предположена была какъ второе издание „Обзора исторіи славянскихъ литературъ“ (1865), давно уже вышедшаго изъ продажи; но приступивъ къ пересмотру его, я увидѣлъ необходимость значительно его расширить: надо было пополнить пробѣлы, зависѣвшіе, въ первомъ изданіи, между прочимъ просто отъ недостатка книгъ—теперь въ этомъ отношеніи я былъ болѣе обезпеченъ; надо было внести изслѣдованія, появившіяся съ того времени, и дать во многихъ случаяхъ болѣе полныя историческія объясненія и библиографію; наконецъ, надо было дать мѣсто новѣйшимъ фактамъ самой литературы. Въ результатѣ—книга была написана почти вновь, и объемъ ея увеличился до двухъ томовъ. Назначеніе настоящей книги остается то же: не входя въ частныя изслѣдованія, для которыхъ нѣтъ мѣста въ подобной рамкѣ, дать общій обзоръ для читателей неспеціалистовъ, и вмѣстѣ руководство, указаніе основныхъ фактовъ и пособій изученія, для желающихъ познакомиться съ предметомъ ближе.

Во 2-мъ томѣ (печатаніе котораго начато), глава о польской литературѣ такимъ же образомъ переработана вновь В. Д. Спасовичемъ.

Относительно русской литературы, я счелъ нужнымъ сдѣлать перемѣну. Издавая въ первый разъ свою книгу, я имѣлъ въ виду только русскихъ читателей и потому ограничился лишь скатымъ очеркомъ русской литературы, — такъ какъ читатель могъ найти подробности въ существующихъ изложеніяхъ ея исторіи и въ массѣ частныхъ изслѣдованій. Но, какъ я впоследствии увидѣлъ, книга имѣла и славянскихъ читателей: они были въ иномъ положеніи и короткій очеркъ не могъ быть для нихъ достаточенъ. По этимъ основаніямъ, я помѣстилъ здѣсь только „частныя литературы Русскаго Языка“, имѣющія связь съ славянскимъ „Возрожденіемъ“ и отчасти ему параллельныя; но выдѣлилъ совсѣмъ изложеніе русской литературы, которое имѣю въ виду сдѣлать, въ завершеніе моего настоящаго труда, въ особой книгѣ.

Вслѣдствіе другихъ работъ, отнимающихъ мое время, печатаніе настоящаго тома затянулось на цѣлый годъ: поэтому я не могъ воспользоваться для первыхъ главъ книги нѣкоторыми изданіями, явившимися за послѣдніе мѣсяцы. Въ концѣ 2-го тома будутъ помѣщены дополнительныя библиографическія замѣтки; кромѣ того прибавлены будутъ: подробный указатель въ обоимъ томамъ, и предисловіе къ цѣлому сочиненію.

А. Пыпинъ.

Ноябрь, 1878.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РУССКОЕ ПЛЕМЯ.

Частныя литературы Русскаго Языка.

Русскій языкъ представляетъ въ настоящее время обширную литературу, собственно русскую (великорусскую), и двѣ частныя вѣтви южнорусскія: одну, развившуюся въ предѣлахъ нынѣшней Малороссіи; и другую, въ нынѣшней австрійской Галиціи. Отлагая до особой части своего труда изложеніе русской литературы, по обширности предмета и еще болѣе по его историческому значенію,—здѣсь остановимся на частныхъ литературахъ южнорусскихъ.

Выше было говорено о разселеніи русскаго племени, его численности и этнографическомъ распредѣленіи. Русское племя, уже съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ его исторически, не было сплошной національной массой; раздѣленное на мелкія племена, оно не успѣло въ старину объединиться въ національную цѣльную массу. Древній лѣтописецъ помнитъ борьбу частныхъ племенъ, какъ борьба Полянъ съ Древлянами; объединеніе, начатое въ Кіевѣ, совершалось покореніемъ и завоеваніемъ. Кіевское объединеніе осталось неполнымъ, и дѣленіе удѣловъ соотвѣтствовало дѣленію земель. Древняя Русь достигла однако сознанія племенной цѣльности. Языкъ древняго времени, хотя не былъ вполне тождественъ въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, но и не былъ такъ видоизмѣненъ, какъ послѣ, и выдѣлялся отъ языка сосѣдняго Славянства. Греческое христіанство стало общимъ достояніемъ русскаго племени и дало частямъ его сознаніе общности, въ противоположность не только языческому и магомеданскому населенію сѣвера, востока и юго-востока, но и католическому польскому западу. Князья изъ одного рода съ своей стороны поддерживали понятіе объ единствѣ русской земли. Такъ, напр., это понятіе сказалось въ древнихъ памятникахъ русской литературы, въ лѣтописи Нестора, въ Хожденіи игумена Даниила, въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Еще съ древняго періода русское племя начало колонизироваться на сѣверъ и востокъ. Чтоъ случилось съ его старыми частными отгѣнками, еще не выяснила историческая этнографія; но если они на югѣ сгладились въ кievскомъ объединеніи, то въ среднемъ періодѣ русское племя снова варьируется подѣ влияніемъ колонизаціи и исторіи. Разселяясь на громадныя пространства (уже въ XVII вѣкѣ до Амура), оно видоизмѣнялось въ различные типы уже отъ одного различія климатовъ, почвы и труда; новыя видоизмѣненія вносились поглощеніемъ инородцевъ, какъ, напр., въ сѣверной долѣ русскаго народа еще въ старомъ періодѣ началось поглощеніе финскихъ племенъ въ нынѣшней средней Россіи; различное сосѣдство налагало свой отпечатокъ на типъ, бытъ и нравы; племена, раздѣленные пространствомъ, отдалялись естественнымъ развитіемъ ихъ особенностей. Наконецъ, громадное влияніе оказала политическая судьба всего племени. Ранѣе, чѣмъ оно сплотилось въ одно цѣлое, нашествіе азіатскихъ варваровъ нанесло южной Руси ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла оправиться. Политическій центръ русской народности окончательно перешелъ на сѣверъ, а югъ и западъ были подчинены чужому господству, Литвѣ и Польшѣ. Крайняя югозападная отрасль русскаго племени, Галичъ, послѣ татарскаго нашествія, еще имѣлъ свою эпоху политическаго значенія съ князьями изъ дома Владиміра, но поставленной между сильными сосѣдями, въ концѣ XIV вѣка подчинился окончательно Польшѣ. Южная и западная Русь, связанная съ Литвой и Польшей, стали въ условія, сильно подѣйствовавшія на ихъ политическій бытъ. Высшіе классы мало-по-малу отдѣлились отъ народа, приняли католичество, или унию, и стали польскими.

Такимъ образомъ уже съ древняго періода существовали условія, порождавшія этнографическое разнообразіе. Когда затѣмъ въ течение нѣсколькихъ вѣковъ южная и западная Русь вели совѣмъ отдѣльную отъ сѣвера политическую жизнь (а крайній западный уголъ, Галиція и Венгерская Русь ведутъ ее и донинѣ), естественно, что племенные вѣтви еще отдалились. Въ Московской Россіи образовался окончательно типъ великорусскій, которому принадлежитъ объединеніе средней и сѣверо-восточной Руси и созданіе крѣпкаго деспотическаго государства, которое только съ Петра Великаго сближается съ европейскою образованностью. На Руси юго-западной русскій типъ сложился, подѣ влияніемъ козачества, въ патріархально-демократическомъ духѣ. и борьба съ Польшей, вызвавшая всю энергію народа, заслонила въ воспоминаніи южнаго русскаго народа старыя преданья, хранившіяся между тѣмъ на сѣверѣ, и ввела новыя бытовыя черты.

Въ такихъ этнографическихъ вариантахъ русское племя существуетъ въ настоящую минуту. Они выразились и въ литературѣ. Когда

главное теченіе русской образованности совершается нынѣ въ литературѣ, созданной всего болѣе (хотя, какъ увидимъ, вовсе не исключительно) великорусскимъ племенемъ, вѣтвь южно-русская, имѣвшая въ прошедшемъ свои періоды самобытной дѣятельности, также стремится найти выраженіе своимъ племеннымъ особенностямъ. Это явленіе, со стороны великорусской, встрѣчено было недружелюбно въ администраціи, и многими даже въ литературѣ, возбуждивъ опасеніе, какъ разъединеніе національныхъ силъ, идущее отъ личнаго произвола одного кружка, неблагоприятнаго или даже неблагонамѣреннаго. Другіе думаютъ, что оно не только не представляетъ никакой опасности, но напротивъ ищетъ только болѣе широкаго развитія національныхъ силъ. Взглянувъ на дѣло съ точки зрѣнія чисто исторической, нельзя не увидѣть, что южно-русское движеніе, по своему источнику и содержанію, совершенно параллельно съ тѣми фактами въ жизни другихъ славянскихъ народностей, которые мы называемъ національнымъ *возрожденіемъ*: слѣдовательно, это — явленіе историческое и необходимос.

І. ЮЖНОРУССЫ.

Новѣйшее развитіе южнорусской литературы, нашедшей много своихъ одушевленныхъ дѣятелей, подняло и у насъ спорный національный вопросъ, который возникалъ и въ другихъ областяхъ славянскаго возрожденія. Споръ возникъ о степени отдѣльности малорусскаго племени и языка отъ господствующаго великорусскаго, о правѣ малорусской литературы на существованіе, и принялъ особенно острую форму въ послѣдніи десятилѣтія: когда одни настаивали на всей полнотѣ южнорусской литературы, другіе оспаривали ее съ крайней нетерпимостью. Литературному вопросу была наконецъ придана политическая окраска, и обстоятельства уже не разъ прерывали (какъ и теперь) спокойное литературное и научное разъясненіе предмета ¹⁾.

1) Труды по статистикѣ и этнографіи Южной Руси:

— Шафарикъ, *Slovanský Narodopis*. 3 е изд. Прага, 1849.

— Кулишъ, *Записки о Южной Руси*. Сиб. 1856—57, 2 тома.

— Мих. Лебединъ, въ *Зап. Геогр. Общества*, 1861, 3, — цифры населенія въ девяти западныхъ губерніяхъ.

— *Записки Юго-Зап. Отдѣла Геогр. Общества*. 2 тома. Кіевъ, 1874—1875.

— Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ Западно-русскій край, снаряженной Рус. Геогр. Обществомъ. Изд. П. Чубинскимъ. Сиб. 1872—1877. Томы I, II—VII.

— Отдѣльныя изслѣдованія указаны далѣе въ текстѣ.

По исторіи:

— Общіе труды по русской исторіи:—Соловьевъ, *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. М., 1851—1878, 27 томовъ; П. Костомаровъ, *Историч. Монографіи и Изслѣдованія*, Сиб. 1863—1870, 11 томовъ. Славянскимъ читателямъ,

Вопросъ объ отдѣльности и давности южнорусской народности рѣшался на почвѣ исторіи, филологіи, этнографіи и литературы; онъ еще далеко не выясненъ, и къ сожалѣнію упомянутыя обстоятельства затруднили самое разбирательство.

которые затруднились бы имѣть дѣло со столь обширными трудами, мы указали бы: Соловьева, Учебная книга русской исторіи, 7-е изд. Спб. 1867; Костомарова, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. Спб. 1873—1876; или всего короче: П. Павлова, Тысячелѣтіе Россіи. Спб. 1863.

— Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. Археогр. Коммиссіею подъ ред. Костомарова. Спб. I, 1863; II, 1865; III, 1861; IV, 1863; V, 1867; VI, 1869; VII, 1872. (Особенно богаты для эпохи Хмельницкаго и его первыхъ преемниковъ-гетмановъ).

— Архивъ югозап. Россіи, изд. временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. 6 частей, во многихъ томахъ. Кіевъ, 1859—71.

— Памятники, изд. временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1847—59, 4 тома.

— М. Судіенко, Матеріалы для отечественной исторіи. Кіевъ, 1853—55, 2 тома.

— Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ. Спб. 1865.

— Дневникъ Люблинскаго Сейма 1569 г. Соединеніе великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Спб. 1869.

— Н. Загребскій, Лѣтопись и описаніе города Кіева. М. 1858.

— Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Изд. Временною Коммиссіею и пр. Кіевъ, 1874.

— О малорусскихъ *лѣтописяхъ* и старыхъ историческихъ сочиненіяхъ (Самовида, Величка, Грабянки, Симоновскаго и пр.) сказано далѣе въ текстѣ.

— Кіевскій Синописисъ, или краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцовъ о началѣ Славенороссійскаго народа и первоначальныхъ князехъ Богоспасаемаго града Кіева и пр. Второе изданіе кіевское исправнѣйшее. Кіевъ, 1823.

— В. Рубанъ, Краткая лѣтопись Малыя Россіи, съ 1506 по 1776 годъ, и пр. Спб. 1777.

— Д. Бятышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, со времени присоединенія оной къ Росс. государству при царѣ Алексѣѣ Мих., съ краткимъ обзорнѣмъ первобытнаго состоянія сего края. М. 1822, 4 части; 2-е изд., 3 ч., М. 1842.

— Н. Маркевичъ, Исторія Малороссіи. М. 1842—1843, 5 томовъ.

— А. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша Залорожскаго. Изд. 2-е. Одесса, 1846.

— М. Колядовичъ, Литовская церковная унія. Спб. 1859—1861 (съ обзоромъ литературы предмета), 2 тома; Лекціи по исторіи Западной Россіи (изъ газеты «День»). М. 1864.

— В. Шульгинъ, Югозападный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, 1838—1863. Кіевъ, 1864.

— П. Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси. 2 тома. Спб. 1874; Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси. Спб. 1877.

— О. Левицкій, Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка. Кіевъ, 1875. I.

— О трудахъ В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова—въ текстѣ.

По языку:

— Ал. Павловскій, Грамматика малоросс. нарѣчія, или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малоросс. нарѣчье отъ чистаго Россійскаго языка, и пр. Спб. 1818.

— Я. Головацкій, Розирава о языкѣ южнорусскомъ и его нарѣчїяхъ. Львовъ, 1819.

— Н. Срезневскій, Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1850.

— П. Лавровскій, Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго, сравнительно съ великорусскимъ и другими слав. нарѣчїями, въ Ж. Мин. Н. Пр. 1859, № 6.

— О нѣкоторыхъ фонетическихъ и граммат. особенностяхъ южнорусскаго (ма-

Споръ начинался съ основного вопроса: кому принадлежала древнѣйшая Русь, какой народъ дѣйствовалъ въ древнѣйшей русской исторіи? Одни считали этотъ народъ за чистыхъ Южноруссовъ; другіе въ Кіевской Руси видѣли тотъ же народъ, который создалъ потомъ русское государство въ Москвѣ, и считали нынѣшнихъ Южноруссовъ племенемъ новѣйшей формаціи, позднѣйшими пришельцами. Ошибка спорившихъ была въ томъ, что обѣ стороны переносили на старину *современныя* этнографическія отношенія.

Уже одно то, что обѣ отрасли племени приписываютъ себѣ Кіевскую древность (обѣ онѣ дѣлаютъ это въ сущности справедливо), показываетъ, что онѣ исторически одна къ другой ближе, чѣмъ кажется теперь по нынѣшнимъ отличіямъ народностей, накопившимся у каждой въ теченіе тысячелѣтней жизни, изъ которой много вѣковъ они прожили совершенно врозь. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію какъ этнографическая разница древняго сѣвера и юга (хотя гораздо менѣе рѣзка, чѣмъ потомъ), такъ и то, что историческая дѣятельность древняго Кіева принадлежала южной отрасли.

Начальный лѣтописецъ, — со временъ Шлѣпера вызывавшій столько похвалъ своей разумности, — оставилъ недомолвки, которыя донынѣ составляютъ *срux commentatorum*, какъ напр. вопросъ о Варягахъ; но лѣтописецъ сообщил и важные факты этнографическіе. На мѣстѣ расселенія нынѣшняго южнорусскаго народа, мы находимъ въ IX вѣкѣ цѣлый рядъ племенъ, которые лѣтописецъ счелъ нужнымъ пересчитать отдѣльно: на Волини и въ Подолиі — Дулѣбы, Волиняне, къ морю — Уличи и Тиверцы, въ Галиціи — Хорваты, въ Полѣсьѣ — Дрвляне, по Днѣпру — Поляне, въ Черниговскомъ краѣ — Сѣверяне и др.; на сѣверѣ жили Новгородцы, специально названные у Нестора „Словенами“; по Двинѣ, Нѣману, верхнему Днѣпру — Кривичи, или Полочане, родоначальники нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ; на востокѣ жили Радимичи и Вятичи, которымъ лѣтописецъ даетъ ляхское происхожденіе; еще

лорусскаго) языка, несходныхъ съ великорусскимъ и польскимъ, — тамъ же, 1863, г. СХІХ, науки, 45—56.

— А. Потебня, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій. Воронежъ, 1871 (изъ «Филологическихъ Записокъ», Хованскаго).

— П. Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчій (съ обзоромъ мнѣній о предметѣ). Кіевъ, 1876.

— Ф. Пискуновъ, Словница української (або югової руської) мови. Одесса, 1873 (брошюра, 152 стр.).

— М. Левченко, Опытъ русско-украинскаго словаря. Кіевъ, 1874.

По лигатурѣ:

— Разныя статьи въ «Основѣ», Спб. 1861—62.

— П. Прыжковъ, Малороссія (Южная Русь) въ исторіи ея литературы съ XI по XVIII вѣкъ. Воронежъ, 1869 (Изъ «Филол. Записокъ», 1869, вып. I—III, 51 стр.). По поводу этой книги, статья П. Т—ева, въ «Вѣстн. Евр.» 1870, кн. 6.

— Н. Костомаровъ, о малорусской литературѣ, въ «Познн Славянъ», 1871, стр. 157—163. (Другія указанія въ текстѣ).

далѣе на востокъ и сѣверъ или финско-тюркскія племена, которыя уже рано стали подчиняться колонизаціи и власти Русскихъ Славянъ.

Съ началомъ государственной жизни, въ IX вѣкѣ, земля Полянъ и ея столица Кіевъ заняла господствующее мѣсто среди племенъ и сохранила это положеніе до половины XII вѣка. Именно этотъ южный союзъ княженій, съ Кіевомъ во главѣ, въ тѣ вѣка и носилъ специфическое названіе *Руси*, которое въ XI вѣкѣ распространялось на Волинь и Галицію, но еще не переходило ни въ Новгородъ, ни къ Бѣлоруссамъ, ни на сѣверо-востокъ.

Несторъ не называетъ никакого отдѣльнаго племени, которое можно было бы счесть родоначальникомъ собственныхъ Великоруссовъ. Очевидно, что здѣсь происходили новыя формаціи какъ и на югѣ, гдѣ древнія племенные названія замѣнились именемъ Руси. Съ теченіемъ времени образовались три главные отѣнка русской народности: Южноруссы, Бѣлоруссы и Великоруссы. Обособленіе юга отъ сѣвера обнаружилось въ половинѣ XII вѣка и въ политической формѣ, основаніемъ и возростаніемъ княжества суздальско-владимірскаго, прямымъ продолженіемъ котораго стала Москва. Новѣйшіе историки вообще признаютъ, что великорусская отрасль племени организовалась уже позднѣе южно-русской въ процессѣ завоеваній и колонизаціи сѣверо-востока.

Окончательный разрывъ юга и сѣвера, историческій и этнографическій, произвело татарское нашествіе. Татары взяли и разрушили древнюю столицу Кіевъ, опустошили и обезлюдили страну. Кіевъ никогда уже не могъ возвратитъ своего прежняго значенія и богатства, хотя и послѣ остался центромъ южной Руси. Въ началѣ XIV вѣка послѣдовало новое завоеваніе: южная и западная Русь подпали подъ власть Литвы, и это имя осталось специфическимъ названіемъ западно-русскаго края или Бѣлоруссіи; югъ сохранялъ названіе Руси.

На этомъ историческомъ пунктѣ въ особенности шли споры относительно южно-русской народности. Историки южно-русскіе, приписывая древнюю Кіевскую Русь исключительно своему племени, считаютъ современныхъ Южно-руссовъ непосредственными потомками Кіевской Руси, и современный языкъ южно-русскій прямымъ потомкомъ древне-русскаго, — языка Нестора, южныхъ и западныхъ лѣтописцевъ, „Слова о полку Игоревѣ“. Историки великорусскіе (и особенно рѣзко Погодинъ) утверждали, что малорусская народность — явленіе новое, что жители Южной Руси въ древности были тѣ же Великоруссы, которымъ принадлежитъ и характеръ древне-русской исторіи, и древнія кіевскія преданія, сохранившіяся въ эпосѣ, извѣстномъ имъ однимъ. Происхожденіе новѣйшей малорусской народности и ея языка онъ объяснялъ тѣмъ, что нынѣшніе Малоруссы — потомки карпатскихъ Русиновъ, пришедшихъ сюда послѣ татарскаго нашествія и заселившихъ земли,

опустошенны Татарами. Другіе ученые съ филологической стороны полагали, что малорусскій языкъ есть вообще только позднее мѣстное нарѣчіе.

Чѣмъ разъяснилось это противорѣчіе? Единственнымъ средствомъ къ его рѣшенію могло быть ближайшее изслѣдованіе древнихъ этнографическихъ отношеній, а въ то время такого изученія сдѣлано еще не было; но и то, что было извѣстно, не допускало отрицанія давняго и непрерывнаго бытія южно-русской народности. Первые лѣтописныя извѣстія указываютъ уже на различіе мѣстныхъ племенъ, имѣвшихъ „каждо свой правъ“. Предполагаемый перерывъ старой кievской народности въ татарское нашествіе едва ли можетъ быть доказанъ—населеніе не было же все истреблено; изъ тѣхъ, кто бѣжалъ, вѣроятнo большинство вернулось по минованіи бѣды (какъ это бывало обыкновенно), а тѣ новыя колонисты, которые могли прибавиться, были тѣ же Южно-руссы галиціе — они и доннынѣ отличаются лишь немногими легкими вариантами отъ другихъ, а въ старину составляли одну племенную и политическую группу съ Киевскою Русью. Съ другой стороны, современное различіе южно-русской народности отъ сѣверной далеко превышаетъ всѣ другія мѣстныя отличія русскаго племени, и указываетъ, что дѣленіе этихъ двухъ вѣтвей восходитъ къ очень давнему времени.

Относительно малорусскаго языка шли также споры. Въ преемное время въ малорусскомъ языкѣ видѣли просто русскій языкъ, испорченный польскимъ вліяніемъ (такъ судили напр., когда грамотѣйство Греча считалось за науку) и самый языкъ называли даже польско-русскимъ; потомъ, противъ мнѣнія, считавшаго южно-русскій языкъ независимымъ и самобытнымъ (Максимовичъ), высказывалось другое, что этотъ языкъ не былъ языкомъ древней Руси, а пришлымъ нарѣчіемъ (Погодинъ), или что онъ есть нарѣчіе вторичной формации, вѣдѣвшееся изъ древне-русскаго языка не ранѣе XIII—XIV вѣка, что русскіе памятники до названныхъ вѣковъ не представляютъ никакихъ признаковъ его исконности и самобытности (Срезневскій). Но съ другой стороны, рядъ филологовъ бoльшаго или меньшаго авторитета, считали южно-русскій языкъ самостоятельнымъ языкомъ, на ряду съ главными славянскими нарѣчіями: такъ думали Миклошичъ, Шлейхеръ. и съ нѣкоторыми вариантами Бодянскій, Лавровскій, Ламанскій и др. ¹⁾

¹⁾ Въ полемику о южнорусской народности и языкѣ въ 1850-хъ годахъ и позднѣе приняли большее или меньшее участіе Погодинъ, Максимовичъ, Срезневскій (въ «Мысляхъ объ исторіи русск. языка»; но иначе говорилъ онъ въ «Обзорѣнн главн. чертъ сродства въ слав. нарѣчіяхъ», Ж. Мин. Нар. Пр. XI), Лавровскій, Когларевскій и др., въ «Москвитининѣ», «Р. Вѣстѣ», академич. «Извѣстіяхъ», «Основнѣ». Въ послѣдніе годы полемика, въ другихъ рукахъ, превратилась въ политическое заподозриваніе украинофильства.

Мнѣнія Миклошича въ *Vergleichende Gramm.* I, IX; Шлейхера въ *Beiträge zur vergl. Sprachforsch.* I, 22; Лавровскаго въ «Обзорѣ», указ. выше, стр. 263;

Въ послѣднее время вопросъ поставленъ всего шире въ трудахъ Потбни и Житецкаго, именно на почву историческаго изученія формъ и звуковъ, въ связи съ изученіемъ частныхъ южнорусскихъ нарѣчій и съ этнографической исторіей племени. Житецкій исходитъ изъ положенія, что древній русскій языкъ или пра-языкъ, который долженъ считаться источникомъ всѣхъ позднѣйшихъ вѣтвей, не былъ единообразнымъ цѣлымъ во всемъ племени, но уже заключалъ въ себѣ извѣстное разнообразіе, которое отражало собой разрозненный бытъ племень, но покрывалось общимъ характеромъ цѣлаго языка. Изъ этой неустановленности стараго языка шло въ разныхъ направленіяхъ развитіе нарѣчій. Гнѣздомъ восточнаго Славянства были земли между Карпатами и верховьями Днѣпра: отсюда выходили поселенцы на сѣверъ и востокъ, и здѣсь надо искать древнѣйшихъ племенныхъ группъ. О старыхъ племенахъ мы знаемъ очень мало, и чтобы выяснитъ ихъ этнографическую судьбу, Житецкій находитъ наиболѣе цѣлесообразнымъ слѣдить за современными крупными единицами племени, опредѣляя ихъ отношеніе степенью близости современныхъ нарѣчій къ архаическимъ формамъ стараго русскаго языка. Исходной точкой въ этомъ смыслѣ Житецкій принимаетъ подляско-малорусскія нарѣчія. Съ ходомъ исторіи, изъ мѣстныхъ говоровъ мелкихъ племенъ слагались говоры *земель*, въ которыя народъ собирался политически (т.-е. изъ мѣстныхъ частныхъ говоровъ выдвигался особенно одинъ и получалъ преобладающее значеніе), и тогда выдѣлились главнымъ образомъ элементы южнорусскіе, бѣлорусскіе и новгородскіе. Такъ было приблизительно въ періодъ отъ половины IX до половины XII вѣка: къ этому времени старыя племенной бытъ окончательно разложился и на смѣну земельныхъ нарѣчій стали обозначаться еще болѣе крупныя группы, въ видѣ двухъ главныхъ нарѣчій русскаго языка, южнаго и сѣвернаго. Авторъ выставляетъ очень справедливую мысль (которой доселѣ почти не давалось мѣста въ разсужденіяхъ объ историческомъ ходѣ языка), что на развитіе языка глубокое вліяніе оказывали именно бытовыя и историческія условія; что съ одной стороны племя, заброшенное вдаль или въ сторону отъ историческаго движенія способнѣе сохранить неприкосновенно старину языка (какъ очень древнія формы и сохраняются въ областныхъ нарѣчіяхъ), съ другой,

---

Водянскаго въ «Чтеніяхъ» 1858, IV, III, 72; Ламанскаго, О нѣкол. слав. рукоп., стр. 80.

По мнѣнію Миклошича, «ислѣдованіе показываетъ, что малорусскій языкъ слѣдуетъ разсматривать какъ самостоятельный языкъ, а не какъ нарѣчіе великорусскаго»; объ этомъ Ягича, Archiv, I, 503. Ламанскій находилъ, что нѣкоторыя особенности южнорусскаго языка должны быть отнесены ко времени до-историческому. По словамъ Лавровскаго, «черты этого нарѣчія даютъ ему неоспоримое право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія славянскія нарѣчія».

племя, вовлеченное въ разгаръ исторической жизни, скорѣе покидаетъ старину, развиваетъ новое содержаніе и съ тѣмъ вмѣстѣ новыя формы языка. Такъ это и было съ Южноруссами и Великоруссами: съ половины XII вѣка между югомъ и сѣверомъ началась борьба за преобладаніе; возвышеніе сѣверо-восточной Руси возвысило и сѣверо-восточный отгѣнокъ языка, въ которомъ поглотились мѣстныя нарѣчія того края (какъ новгородское), и великорусскій мало-по-малу получилъ господствующее значеніе. Историческая судьба, раздѣлившая сѣверъ и югъ, повела въ различномъ направленіи и ихъ нарѣчія ¹⁾.

Съ XIV столѣтія южная и западная Русь окончательно отдѣлилась отъ сѣверной: политическій центръ южной Руси еще ранѣе перешелъ на западъ, въ Червонную Русь, знаменитые князья которой, Романъ и Даніилъ, пытались объединить южно-русскій народъ, но попытки не удались или не удержались, и въ концѣ XIV вѣка Галицкая Русь присоединена къ Польшѣ, какъ провинція. Въ восточной части южной Руси и въ Руси сѣверо-западной (Бѣлоруссіи) образовалось съ начала XIV вѣка особое русское государство, подъ властью князей литовскихъ, почему оно и назвалось княжествомъ Литовскимъ или просто Литвой. Польша постоянно стремилась присоединить къ себѣ это русское государство, и съ этой цѣлью выбирала литовскихъ князей на польскій престолъ; наконецъ достигла окончательнаго соединенія на Люблинскомъ сеймѣ 1569.

Въ то время какъ Москва объединяла сѣверо-восточную Русь и выработывала свой особый стиль государственности и культуры, южная и западная Русь стали въ совѣмъ иныя отношенія, которые еще болѣе отдалили ихъ другъ отъ друга. Татарское нашествіе прервало общерусское развитіе, отъ котораго уцѣлѣло лишь отвлеченное сознаніе племенного единства съ сѣверомъ, и въ особенности единства православнаго. Въ литовскомъ правленіи наступилъ новый общественный порядокъ, сильно подѣйствовавшій на положеніе народности: въ первое время русская народность въ „Литвѣ“ оставалась господствующей, но затѣмъ народъ сталъ терять свои высшіе классы, которыхъ вліяніе и богатство могли бы служить ему защитой: боярство принимаетъ все больше польскіе нравы, языкъ, католичество, наконецъ почти совѣмъ сливается съ польскимъ магнатствомъ и шляхтой, и вмѣстѣ съ ними становится чуждой, наконецъ враждебной собственному народу. Переѣмна народности и религіи не только раздѣлила высшіе классы отъ народа но и предала послѣдній крайнему безправію. Введеніе уни поставило народную церковь въ положеніе едва терпимой ереси. На-

¹⁾ Подробнѣе у Жигецакаго, стр. 259, 269—273; ср. «Вѣстн. Евр.» 1876, июль, «Древній періодъ русской литературы».

конецъ, подавленный элементъ обнаружилъ страшную реакцію и заявилъ себя рядомъ ожесточенныхъ возстаній, которыя начинаются въ концѣ XVI столѣтія, а въ половинѣ XVII-го, при Хмельницкомъ, оканчиваются присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому царству. Заднѣпровская Украина еще оставалась польскою, и прежнія отношенія господствующаго класса къ народу продолжались; во второй половинѣ XVIII вѣка „Коліивщина“ напомнила жестокости козацкихъ войнъ противъ Польши. Затѣмъ слѣдовали раздѣлы Польши, вся Малороссія кромѣ Галицкой Руси и Русь западная „возсоединились“ съ Россіей, но только освобожденіе крестьянъ 1861 развязало, въ главномъ по крайней мѣрѣ, тотъ узелъ, который такъ тяжело для всѣхъ сторонъ связалъ народныя отношенія южной и западной Руси и Польши.

Присоединенная Малороссія въ теченіе ста лѣтъ сохраняла еще свое устройство, но власть гетмана все больше падала, стала номинальной, и наконецъ была упразднена. Малороссія больше и больше подчинялась русской администраціи, правамъ, образованію. Но при самомъ „возсоединеніи“ Южноруссы, по противоположенію съ Поляками чувствовавшіе себя единокровнымъ (не только единовѣрнымъ) народомъ съ московскими Русскими, въ этого противоположенія чувствовали себя особымъ народомъ отъ Москвичей: присоединяясь къ Москвѣ, они дѣлали оговорку о сохраненіи своихъ политическихъ правъ и независимости, но разница шла и глубже политическихъ правъ,—именно простиралась вообще на бытъ, языкъ и характеръ народа.

Когда въ своемъ средневѣковомъ дѣленіи русское племя распалось на политическія группы, дѣленіе выразилось въ значительной пестротѣ народныхъ названій, которая въ наше время не разъ подавала поводъ къ національно-полемическимъ парадоксамъ, въ родѣ того, какъ польскіе писатели украинской школы или школы Духинскаго, называли „Русью“ собственно Южноруссовъ, а Великоруссовъ звали или „Москвой“ или (что было уже уступкой) „Россіянами“, считал ихъ совѣмъ другимъ племенемъ (по Духинскому, туранскимъ), тогда какъ Южноруссы выходили почти однимъ племенемъ съ Поляками: или, какъ Галичане (которыхъ путаютъ еще австрійскія дипломатическія соображенія) доселѣ не могутъ разобраться съ названіями: „русскій“, „россійскій“ или „русинскій“ (рутенскій). Но эта средневѣковая пестрота объясняется очень просто.

При завоеваніи южно-западной Руси князьями литовскими и основаніи Литовскаго княжества, имя „Литва“ стало принадлежностью западной Руси (Бѣлороссіи); южная Русь осталась при старомъ специфическомъ названіи Руси. Въ XV вѣкѣ въ нынѣшней Россіи составилось четыре политическія отдѣла восточнаго Славинства: Русь, Литва,

Новгородъ, Москва. Въ XVI столѣтїи Новгородъ палъ, и осталось три отдѣла: Русь, Литва и Москва. На востокъ имя Руси принималось какъ принадлежность къ общему славяно-русскому роду (какъ это понятїе унаслѣдовано было еще отъ древней Кїевской Руси); на юго-западѣ сохранялось старое мѣстное имя. На востокъ это имя означало единство племени по происхожденію, общимъ чертамъ языка, вѣрѣ и книжной образованности; на юго-западѣ была кромѣ того старая мѣстная традиція частнаго „русскаго“ племени. Когда стало совершаться московское объединеніе, на него по давней привычкѣ перенесено было имя, распространенное кїевскимъ объединеніемъ, перенесено было какъ политическій терминъ національнаго государства, а затѣмъ отъ общихъ признаковъ перенесено было на болѣе частныя и мѣстныя московскїе признаки. „Тогда южно-русскій народъ остался какъ-бы безъ названія,—говоритъ Костомаровъ;—его мѣстное, частное имя, употреблявшееся другимъ народомъ (великорусскимъ) только какъ общее, сдѣлалось для послѣдняго тѣмъ, чѣмъ было прежде для перваго. У южно-русскаго народа было какъ будто похищено его прозвище. Роль должна была перемѣниться въ обратномъ видѣ. Какъ въ старину сѣверо-восточная Русь называлась Русью только въ общемъ значенїи, въ своемъ же частномъ имѣла собственныя наименованія (т. е. земельныя: Новгородъ, Суздаль, Москва и пр.), такъ теперь южно-русскій народъ могъ назваться русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своенародномъ долженъ былъ найти себѣ другое названіе“. Южнорусскій народъ сохранилъ свое специальное имя только въ Червонной Руси (Русицы)—только тамъ, гдѣ онъ стоялъ противъ чужихъ народовъ, Поляковъ, Пѣмцевъ, Венгровъ, и гдѣ слѣд. требовалось отличать себя и въ обще-національномъ смыслѣ; но не сохранилъ этого имени тамъ, гдѣ встрѣчался съ такими же Русскими—Москвой и Западной Русью: здѣсь требовалось уже отличить себя не отъ иноземца, а отъ единоплеменника, и слѣд. нужно было мѣстное названіе. Отсюда названія: Украина, Малороссія, Гетманщина, Козаки, Черкасы. „Правду сказать,—замѣчаетъ Костомаровъ,—между этими названіями ни одного не было вполне удовлетворительнаго (такъ какъ ни одно не обнимало всей сферы народа), можетъ быть потому, что сознаніе своенародности не вполне выработывалось... Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южноруссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется таковымъ“ 1).

1) Костомаровъ, Историч. Монографїи I, 229—233. Названіе «Украины» употреблялось еще въ XIII столѣтїи (Полное Собр. Лѣтоп. II, 160); также старое названіе Малороссїи, хотя въ примѣненїи не къ *литвиней* Малороссїи: византїйскїи писатель Кодицъ употребляетъ имя *ρωσσην* для обозначенїя княжества Галицко-Владимїрскаго (1292 г.); въ томъ же значенїи это названіе находится въ латинской грамотѣ князя Юрія Владимїро-Волынскаго, въ 1335 (Nos Georgius Dei

Въ результатѣ всей этой исторіи получились два современные русскіе типа, которые всего лучше характеризованы Костомаровымъ („Двѣ народности“). Изъ одного корня они развились отъ колонизаціи въ странахъ разной почвы, климата и сосѣдства. Исторія довершила ихъ образованіе въ разныхъ направленіяхъ; но не уничтожила ихъ связи. И тотъ, и другой народъ въ своемъ историческомъ развитіи тѣснѣйшимъ образомъ примыкають къ древнему кievскому періоду: отсюда съверъ вель исторію своей церкви, своей государственной власти, своей книжной образованности, своихъ народно-историческихъ преданій; отсюда югъ наслѣдовалъ то сознаніе своей народной личности, которое спасло народъ отъ полнаго порабощенія во времена чужого гнета политическаго и религіознаго. По соединеніи съ Московскимъ царствомъ въ половинѣ XVII в., Малороссія довольно долго сохраняла свое особенное положеніе, но наконецъ вполне раздѣлила внѣшнюю и внутреннюю политическую судьбу русскаго народа, его торжества и его невзгоды. Но она не осталась только пассивнымъ участникомъ русской жизни: напротивъ, кромѣ того, что она вообще прибавила свою долю матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, во многихъ случаяхъ Малороссія заявила себя особенно дѣятельнымъ участіемъ въ исторіи русской науки и литературы. Такъ было въ XVII-мъ столѣтіи, когда кievская ученость была возбуждающей силой для Москвы; такъ было при Петрѣ, который между южнорусскими учеными встрѣтилъ ревностныхъ помощниковъ реформы: такъ бывало въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда малорусская стихія вошла могущественной струей въ русскую литературу въ произведеніяхъ Гоголя, и когда, съ развитіемъ національныхъ интересовъ, съ обращеніемъ къ народу, съ возникновеніемъ этнографическихъ изученій Малороссія открыла намъ замѣчательное богатство своей народной поэзіи. Одного этого участія южнорусскихъ стихій въ развитіи общерусской умственной жизни и поэзіи было бы уже довольно, чтобы внушить интересъ къ изученію южнорусской народности, чтобы желать успѣха ея пробуждающемуся самосознанію.

---

gratia natus dux totius Russiae minoris). Названіе «Черкасъ» очень долго держалось и въ старомъ русскомъ приказно-дипломатическомъ языкѣ, и въ популярномъ употребленіи. Недавно читали мы, какъ великорусь-архіерей, прошлаго вѣка, бранилъ іерарховъ малорусскихъ, которыхъ было не мало въ прошломъ столѣтіи, — «черкасишки» («Р. Старица» 1878, V, 190). Названіе «Козачины» явно очень чѣсно. Мы предпочитаемъ терминъ «южнорусскій», такъ какъ «Малороссія» въ географическомъ и историческомъ смыслѣ не обнимаетъ всего южнаго племени даже въ самой Россіи, напр. восточнаго Люблинскаго края и другихъ поселеній этого племени, не простирается на Червонную Русь (Галицію) и Русь Венгерскую, и неудобно въ примѣненіи къ старой исторіи.

Главные событія южнорусской исторіи.

- Древняя Русь. Объединеніе ея въ Кіевѣ.
 1240—Взятіе и разореніе Кіева Батыемъ.
 1321—Завоеваніе Кіева и Волыни Гедиминомъ. Столица Литовскаго княжества въ Вильнѣ.
 1386—Соединеніе Литовскаго княжества съ Польшей, бракомъ Ягелла и Ядвига.
 1392—Отдѣленіе Литовскаго княжества Витовтомъ. [Затѣмъ новыя соединенія].
 1500—(около)—Первые казацкіе гетманы: Евстафій Дашковичъ; Лапдекоронскій.
 1569—Окончательное соединеніе Литвы съ Польшей, официально на равныхъ правахъ, на Люблинскомъ сеймѣ.
 1589—Основаніе Кіевской братской школы (съ 1631, коллегія; съ 1701, академія).
 1596—Брестская унія.
 1648—1649. Возстаніе Хмельницкаго; Зборовскій миръ.
 1653—Переяславскій договоръ: Малороссія отдается подъ покровительство царя Алексѣя Михайловича, съ сохраненіемъ политической самостоятельности и гражданскихъ правъ.
 1667—Андрусовскій миръ: дѣленіе Малороссіи между Польшей и Россіей.
 1686—Возвращеніе Кіева Москвѣ.
 1750—1764. Послѣдній номинальный гетманъ, Кирилль Разумовскій. Учрежденіе Малороссійской Коллегіи. [Далѣе, при Екатеринѣ II, раздѣленіе Малороссіи на три намѣстничества; введеніе или усиленіе крѣпостного права; уничтоженіе Запорожья; присоединеніе Крыма].
 1767—Гайдамаки и Уманьская рѣзня.
 1772—Первый раздѣлъ Польши. Присоединеніе западнаго края (Галиція отходитъ къ Австріи).

Исторія южно-русской литературы представляетъ три особенные періода. Первый совпадаетъ съ древнимъ періодомъ русской литературы вообще; второй обнимаетъ время раздѣленія южной Руси отъ сѣверной, ознаменованное борьбою первой за православіе и козацкими войнами, и отличается новымъ характеромъ языка съ явными чертами малорусскаго нарѣчія; третій идетъ въ особенности съ конца прошлаго столѣтія и совпадаетъ съ общимъ возрожденіемъ Славянства и возникновеніемъ народныхъ литературъ.

Вслѣдствіе указаннаго выше разногласія о началѣ южно-русской народности (главнымъ источникомъ котораго было недостаточное изученіе южно-русской древности) древніе памятники русской литературы были также предметомъ спора между партизанами двухъ народностей; не только „Слово о полку Игоревѣ“, но самая лѣтопись Нестора и другія произведенія древняго періода одними считались за памятники той русской народности, которая потомъ дѣйствовала на сѣверѣ и въ Москвѣ. другими—за памятники специально южныя, съ

южно-русскимъ языкомъ и народностью ¹⁾. Но, какъ объяснено выше, въ X—XII вѣку невозможно примѣнять той мѣрки народностей сѣверной и южной, какую мы принимаемъ теперь: сѣверъ и югъ были тогда тѣсно связаны политически и національно, и примѣнять къ тому древнему періоду условія XIX, или даже XV—XVI вѣка было бы страшнымъ анахронизмомъ. Спокойное развитіе русской народности было несомнѣнно прервано сперва татарскимъ нашествіемъ, потомъ литовскимъ завоеваніемъ запада и юга; но до того времени между ними была крѣпкая реальная связь общественно-политическаго и національно-религіознаго сознанія. Писатель юга выражалъ собой и сѣверную Русь; писатель сѣверный былъ извѣстенъ на югѣ. Словомъ, югъ и сѣверъ представляли въ письменности полную общность и одно цѣлое. Такъ старые лѣтописные своды, какимъ была и Несторова лѣтопись, обобщаютъ извѣстія о *всей русской землѣ*, и сѣверные лѣтописцы начинали свои болѣе поздніе своды съ кievскаго Нестора. Была мѣстная особность, даже ревность, слѣдствіе федеративнаго склада земель, но народное единство сознавалось неизмѣнно и постоянно выражалось въ письменности. Сколько бы ни былъ произведеніемъ юга Несторъ, Печерскій Патерикъ, Хожденіе Данила, Кирилль Туровскій, они были всеобщимъ русскимъ достояніемъ, и вся эта южная литература сохранилась почти исключительно сѣвернымъ преданіемъ и въ сѣверныхъ спискахъ, когда старые памятники южной книжности были истреблены въ безконечныхъ опустошеніяхъ, какимъ подвергалась южная Русь. Такъ ясно отражалось въ письменности единеніе національнаго сознанія, которое заслоняютъ отъ насъ событія позднѣйшей эпохи. Отъ произведеній кievскаго періода велась въ московскомъ періодѣ своя, уже великорусская традиція, когда на югѣ событія и условія народной жизни ввели новыя направленія: произведенія старо-славянскія и древне-русскія, явившіяся первоначально на югѣ, потомъ забылись или помнились на югѣ далеко не съ той отчетливостью какъ на сѣверѣ. Параллельное явленіе мы увидимъ въ судьбѣ древняго эпоса.

Такимъ образомъ памятники древняго періода составляли общее достояніе обѣихъ отраслей русской народности, которыя обѣ крепятся, съ разными отбѣнками, въ этомъ періодѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что древній періодъ русской литературы, когда все-таки дѣятельность преобладала на югѣ, носить значительно иноп характеръ, чѣмъ средній періодъ, когда основное теченіе національ-

¹⁾ Извѣстно, что на эти памятники заявляли притязаніе и польскіе историки «украинской» школы, которымъ, напр., Поляне казались Поляками, Русь—совѣмъ особымъ народомъ отъ «Московитовъ» и т. п. Такъ наприм., даже Вишневскій причислялъ къ польской литературѣ «Слово о Полку Игоревѣ». Странность этихъ притязаній излишне доказывать. Впрочемъ, эта точка зрѣнія является слишкомъ случайной и не раздѣляется разсудительными польскими писателями.

ной жизни плло на сѣверѣ и въ центрѣ, — различіе, въ которомъ необходимо признать извѣстное участіе этнографической разницы юга отъ сѣвера. Древній періодъ отличается вообще характеромъ свободной непосредственности и свѣжей силы: въ исторіи внѣшней, это была пора смѣлыхъ подвиговъ, обширнаго распространенія земель; въ образованности—пора оживленной дѣятельности, замѣчательныхъ начатковъ литературы и поэтического творчества. Народныя отношенія были и внѣ и внутри свободнѣе, не было упорной національной и религіозной исключительности, которая потомъ такъ долго оставляла Москву внѣ всякаго общенія съ европейскимъ образованіемъ. Воинственная дѣятельность, борьба съ наступавшими ордами сдѣлала кievскій періодъ героическимъ періодомъ народной поэзіи. Большему простору народной жизни надо приписать и оригинальную самобытность старой литературы: Кіевъ, проводникъ христіанства, безъ сомнѣнія еще ранѣе былъ путемъ извѣстной цивилизаціи, шедшей съ юга, и первыя начала литературы на югѣ замѣчательны для той эпохи. Кромѣ книгъ, приходившихъ отъ южнаго Славянства, эта литература представляетъ самобытныя произведенія, съ которыми не могутъ равняться труды южно-славянскіе. Едва было принято христіанство въ концѣ X-го вѣка, и уже въ половинѣ XI-го являются писатели, овладѣвшіе новымъ порядкомъ идей и искусствомъ изложенія, а въ XII вѣкѣ мы видимъ уже настоящаго церковнаго ритора, какъ Кирилль Туровскій; далѣе, видимъ цѣлый рядъ легендъ, отчасти весьма поэтическихъ (Патерикъ Печерскій); замѣчательную лѣтопись, съ которой не могутъ равняться даже гораздо болѣе позднія произведенія, и вообще обильное веденіе лѣтописей, между которыми Волынская есть единственная въ своемъ родѣ по живому, народно-поэтически окрашенному разсказу; князя-писателя какъ Владиміръ Мономахъ; путешественника Данила, который по отзывамъ новѣйшихъ ученыхъ занимаетъ мѣсто въ ряду лучшихъ средневѣковыхъ описателей Святыхъ Мѣстъ; высокаго достоинства поэму изъ дружиннаго быта, которой къ сожалѣнію уже не сумѣли понять и вѣрно передать поздніе книжники. И вообще книжники московскаго періода, — говоря относительно, — не достигали тѣхъ достоинствъ, какія обнаруживаются въ древнюю эпоху, — какъ, „Слово о полку Игоревѣ“ нашло въ немъ только слабое подражаніе въ „Задонщицѣ“; „Патерикъ“ имѣлъ достойное продолженіе лишь въ немногихъ житіяхъ, — особенно новгородскихъ.

Насколько въ памятникахъ древняго періода обнаружилось то нарѣчіе, какое называютъ теперь южнорусскимъ, это еще не вполне выяснено. Вопросъ труденъ, потому что старо-славянскій языкъ, по большей части господствовавшій въ книгѣ, устранялъ мѣстныя нарѣчія; кромѣ того, памятники стараго періода дошли до насъ почти исклю-

чительно въ спискахъ сѣверныхъ. Шафарикъ видѣлъ слѣды южно-русскихъ формъ уже въ извѣстныхъ сборникахъ 1073 и 1076 годовъ; да-лѣе, такіе слѣды находятъ въ евангеліи 1143 года, въ „Прологѣ“ XII столѣтія и т. д. Эти признаки въ старыхъ рукописяхъ еще не многочисленны и могутъ казаться лишь неглубокими чертами мѣстнаго говора, какъ напр., подобныя черты въ памятникахъ новгородскихъ; но нѣсколько позднѣе, они носятъ уже несомнѣнно южно-русскій характеръ и въ церковныхъ книгахъ, какъ Луцкое евангеліе XIV вѣка, поученія Ефрема Сирина XIV вѣка. а особенно въ актахъ и грамотахъ, гдѣ живой языкъ всегда находилъ больше мѣста ¹⁾.

Съ татарскимъ нашествіемъ южная Русь отдѣлилась отъ сѣверной; затѣмъ Литовское завоеваніе дало новый поворотъ и политической, и духовной жизни народа. Въ Литовскомъ завоеваніи южная и западная Русь стала въ одно общее положеніе ²⁾. Первый завоеватель, Гедиминъ былъ язычникъ, но оказывалъ полную терпимость къ православію. Ольгерды позволили крестить въ православіе двѣнадцать своихъ сыновей, подъ конецъ и самъ принялъ православіе. При Ягеллѣ произошло впервые роковое соединеніе Литвы и Польши, которое тотчасъ сказалось насильственной пропагандой католичества: здѣсь началось угнетеніе, ставшее источникомъ вѣковыхъ бѣдствій для западнаго и южнаго русскаго народа и приведшее къ кровавому разрыву XVII вѣка. Ягелло уже отнималъ у православныхъ политическія права. Отдѣленіе Литовскаго княжества при Витовтѣ не измѣнило существа дѣла; онъ имѣлъ больше терпимости, но католичество тѣмъ не менѣе объявлено было господствующей религіей. Побѣда православія при

¹⁾ См. Шафарика, *Slov. Národopis*, 1849, стр. 27—28; Бусласа, *Хрестом.* 276, 278; *Записки Акад. Н. VII, II*, 154, 161; Горскаго и Невоструева, *Опис. Синод. библіотеки*, I, 208 и др., и книгу Жятецкаго.

²⁾ Выше указаннаго сочиненія по исторіи южной Руси въ значительной мѣрѣ относится и къ западной. Специальнѣе о западной Руси укажемъ еще слѣдующее:

— Акты, относящ. къ исторіи западной Руси, собр. и изд. Археогр. Коммиссіею. 5 томовъ. Спб. 1846—1853.

— Акты, издав. Коммиссіею, высоч. учрежд. для разбора древнихъ актовъ въ Вильно. Т. 1—2. Вильно, 1865—67; т. 3, 1870.

— П. Батюшковъ, *Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ имперіи*. Спб. 1867—1875 (6 выд.).

— Археогр. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣвер.-зап. Руси. Вильно, 1867—1870, 3 томовъ.

— О. Турчиновичъ, *Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ*. Спб. 1857.

— Эркертъ, *Взглядъ на исторію и этнографію зап. губерній Россіи*. Съ атласомъ. Спб. 1861.

— И. Д. Бѣляевъ, *Очеркъ исторіи сѣверо-зап. края Россіи*. Вильно, 1867.

— Игнатій Даниловичъ, *Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. W Wilnie 1827* (русская лѣтопись, переписанная по-польски, съ комментариемъ).

— Труды польскихъ историковъ: Лелевеля, Бандтке, Парбутта, Вишневецкаго, Шайнохи, Ярошевича, Лукашевича и проч., касающіеся Литовской Руси.

Свитригайлѣ была непродолжительна, и за ней послѣдовали опять католическія отмсткы.

Политическое отдѣленіе юго-западной Руси отъ московской сопрвождалось и раздѣленіемъ церковнымъ. „Литва“ (какъ стала называться южная и западная Русь, и особенно послѣдняя) нѣсколько разъ стремилась основать русскую митрополию, отдѣльную отъ той старой, которая изъ древняго Кіева черезъ Владиміръ перешла въ Москву. Во второй половинѣ XV вѣка это отдѣленіе окончательно совершилось. Его желали особенно князья по политическимъ соображеніямъ; какъ послѣ стало видно, въ немъ сказалось и другое, бытовое, основаніе — иной характеръ духовной жизни и образованія на югѣ и сѣверѣ, такъ что отдѣленіе могло имѣть свою естественность; но вообще оно было невыгодно для юго-западной церкви и народа. На ту пору, когда церкви пришлось бороться съ католичествомъ, она ограничена была своими собственными силами, и перерывъ церковной связи — при тогдашнемъ значеніи подобныхъ связей — неблагополучно отражался на самой народной судьбѣ, — хотя надо принять въ расчетъ, что Русь восточная сама вырабатывала тогда крайне исключительный національный и церковный типъ, и ея деспотическій взглядъ не способствовалъ сближенію.

При Ягеллонахъ положеніе православія въ южной и западной Россіи было еще сносно, такъ какъ иногда они не хотѣли или опасались раздражать жителей религіозными притѣненіями; но опѣ все-таки бывали, и вслѣдствіе того (при Александрѣ) много западно-русскихъ князей перешло въ подданство московскаго князя, потеряны были сѣверскіе города и Смоленскъ. Папство уже давно мечтало о подчиненіи себѣ русской церкви; въ Москвѣ его старанія были совершенно безуспѣшны; но на западѣ шансовъ было больше, такъ какъ того-же искало и польское правительство. Флорентинскій соборъ давалъ надежду достигнуть цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы окончательно привязать юго-западную Русь къ католической Польнѣ и въ политическомъ, и въ церковномъ отношеніи. Принявшій флорентинскую унію, митр. Исидоръ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, но признанъ былъ въ Литвѣ, однако уніатская митрополія уже вскорѣ (по смерти рекомендованнаго Исидоромъ Григорія, ум. 1472) должна была уступить православной. Наконецъ, сила православія была повидимому окончательно подорвана: Люблинское соединеніе, на мнимо равныхъ правахъ, Литвы и Польши, дало весь просторъ польской исключительности, и завершеніемъ дѣла была Брестская унія.

Вся исторія Литовской Руси подъ польскимъ владычествомъ была постепеннымъ стѣсненіемъ русской народности и религіи. Въ Рѣчи Посполитой постоянно провозглашался принципъ свободы исповѣданій, но на дѣлѣ православіе было все больше и больше стѣсняемо въ по-

литическихъ правахъ; сеймы отказывались принимать въ сенатъ русскихъ православныхъ магнатовъ, свѣтскихъ и духовныхъ; въ обыденныхъ отношеніяхъ общественной жизни православіе подвергалось униженіямъ; право короля утверждать епископовъ и настоятелей монастырей повело къ крайнимъ злоупотребленіямъ; эти мѣста продавались, или давались людямъ недостойнымъ; монастыри отдавались свѣтскимъ людямъ, какъ аренда; въ мѣстахъ, принадлежавшихъ польскимъ владѣльцамъ, православные русскіе подвергались всякимъ притѣсненіямъ и не находили защиты. Въ первое время по литовскомъ завоеваніи князя и владѣльцы оставались православными; но мало-по-малу политическія связи съ польскимъ магнатствомъ, вліяніе польскихъ нравовъ и извѣстной образованности, привлекали русское шляхетство въ польскую среду, оно ополчилось и переходило въ католицизмъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Съ призваніемъ іезуитовъ въ Польшу начинается особенно тяжелая пора для православія и русскаго народа. Іезуиты умѣли привлекать въ унию и русское духовенство—перспективой независимаго положенія и господства, тогда какъ теперь оно зависѣло и отъ чужевѣрныхъ властей и пановъ, и отъ собственныхъ мірянъ; и шляхту—указаніями на невѣжество православнаго духовенства, на то, что православіе есть низшая вѣра, свойственная грубому холопству; факты общественнаго быта подтверждали ихъ увѣренія, и съ конца XVI вѣка обращенія въ унию или прямо въ католичество усиливаются до того, что въ XVII вѣкѣ народъ оставался почти одинъ въ своемъ православіи съ долей гонимаго и унижаемаго духовенства.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе вещей въ среднемъ періодѣ исторической жизни южной и западной Руси.

Но нѣтъ худа безъ добра, и польское господство имѣло свои благоприятныя стороны. Временами въ Польшѣ бывала дѣйствительная свобода исповѣданій: когда законы исполнялись, то православная община имѣла свободный и широкій кругъ дѣятельности, какого не установилось въ московской Руси; черезъ Польшу приходила въ юго-западную Русь школа, хотя спеціальнаго церковно-схоластическаго направленія, но съ европейскимъ характеромъ. Эти условія помогли литературному движенію южной и западной Руси въ ту пору, когда опасность, угрожавшая народности, вызвала энергическое проявленіе ея умственной и воинственной силы—въ XVI—XVII столѣтіяхъ.

Судьба русской письменности въ этомъ краѣ съ XIII-го вѣка, до сихъ поръ очень мало извѣстна. При разореніи страны Татарами, древніе памятники гибли и естественно было, что литературная дѣятельность упала; позднѣйшія опустошенія истребляли и тѣ памятники,

какіе могли возникать въ XIV—XV столѣтіяхъ. Послѣ паденія Кіева, книжная образованность нашла убѣжище въ болѣе западныхъ русскихъ княжествахъ, какъ Галичъ и Владиміръ, при Ярославі Галицкомъ и Владимірі Волинскомъ, который самъ писалъ и переводилъ книги. Изъ позднѣйшихъ фактовъ можно заключать, что въ самомъ Кіевѣ не прерывалась традиція, и старые памятники, какъ напр. Лѣтопись и Патерикъ, сохранили свою извѣстность и авторитетъ. Русская народность долго берегала свое господствующее значеніе не только въ старомъ гнѣздѣ, Кіевѣ, но и на сѣверо-западѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Литвой. Еще до завоеванія, были извѣстныя связи между Литвою и Русью, и литовскіе завоеватели въ сѣверо-западномъ краѣ скоро принимали русскій языкъ какъ языкъ правленія, русскую вѣру и грамоту. Въ сѣверо-западной Руси въ тѣ времена политическая жизнь была дѣятельнѣе чѣмъ на югѣ, и оттого съ XV вѣка господствующимъ языкомъ и въ книгѣ стало нарѣчіе западно-русское (бѣлорусское, называвшееся также польско-русскимъ). Это былъ довольно странный языкъ, гдѣ главнымъ элементомъ была общерусская основа, но съ оттѣнками старославянскаго и польскаго языка и наконецъ южнаго и собственно бѣлорускаго нарѣчія; оттѣнки являлись въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по содержанію: въ церковныхъ книгахъ оставался старо-славянскій, лишь нѣсколько затронутый мѣстной рѣчью писца; въ актахъ юридическихъ—больше народно-русскаго; мѣстность писанія отзывалась южными или западными особенностями; въ позднѣйшихъ памятникахъ польское вліяніе становится все замѣтнѣе, какъ въ бѣлорусскомъ, такъ и въ южно-русскомъ. Въ то же время и южно-русское нарѣчіе дѣйствовало, какъ офиціальныи языкъ власти, и какъ языкъ книги съ тѣми же оттѣнками старославянскимъ и польскимъ. Общность условій, общность литературныхъ цѣлей дѣлали то, что оба теченія книжнаго языка сливались, и писатели XVI—XVII вѣка изъ южной или западной Руси принадлежали равно обѣимъ. Впрочемъ, къ концу описываемаго періода южная Русь и Кіевъ снова пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе.

Памятники русскаго нарѣчія идутъ въ рядѣ актовъ и грамотъ съ XIV вѣка; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ—„Судебникъ“ вел. кн. Казимира (1468) и „Литовскій Статутъ“, составленный въ 1522—29 годахъ, принятый сеймомъ въ 1530, и размножавшійся впоследствии новыми узаконеніями; такъ называемая „Литовская Метрика“¹⁾. Въ Статутѣ 1566 офиціально постановлено, что „писарь земскій маеть по руску литерами и словы русскими вси листы и позвы писати, а не

¹⁾ Большое число офиціальныхъ актовъ и грамотъ этого языка находится въ изданіяхъ прот. Григоровича, кн. Оболенскаго, Археограф. Коммиссіи, Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и т. д.

инымъ языкомъ и словы“. Литвинъ Михалонъ въ своей латинской книгѣ жалуется на преобладаніе русскаго языка: „мы учимся московскому языку, не древнему, не заключающему въ себѣ никакого возбужденія къ доблести, такъ какъ русское нарѣчіе чуждо намъ Литовцамъ, *то-есть* итальянцамъ, происходящимъ отъ крови итальянской“¹⁾. Тотъ же языкъ былъ дипломатическимъ языкомъ въ сношеніяхъ съ Татарами, Молдавіей.

Въ западной Руси велось и старое лѣтописное преданье; но лѣтописи западно-русскія мало замѣчательны, коротки и отрывочны; любопытно, что онѣ встрѣчаются въ сборникахъ вмѣстѣ съ лѣтописями восточной Руси²⁾. Въ церковной книжности тѣмъ естественнѣе береглась церковно-славянская старина: сюда принадлежатъ знаменитыя кирилловскія инкунабулы, напечатанныя Фіолемъ. Швайпольтъ Фіоль (ум. 1525) былъ кажется польскій нѣмецъ, родомъ изъ Люблина, гдѣ начиналось западно-русское православное населеніе. Это былъ, повидому, предприимчивый человѣкъ; путешествуя въ Германіи для своего ремесла, онъ научился тамъ книгопечатному дѣлу и устроивъ типографію въ Краковѣ, издалъ здѣсь Шестодневъ, Часословъ, Псалтирь (и можетъ быть другія книги), въ 1490 и 1491 годахъ. Но въ томъ же 1491 году онъ былъ призванъ на судъ краковскаго епископа, гдѣ долженъ былъ присягнуть въ вѣрности католической церкви, и наконецъ, для избѣжанія тревогъ, ушелъ въ Венгрію. Повидому, его подозрѣвали въ связяхъ съ гуситствомъ и въ наклонности къ православной церкви, которой должны были служить его изданія. На нѣсколько времени книгопечатаніе прервалось; но съ 1517 года выступилъ новый дѣятель. Это былъ Францискъ Скорина: онъ былъ родомъ изъ Полоцка, учился въ Краковѣ, гдѣ сталъ докторомъ медицины, и предпринялъ въ Прагѣ изданіе Библии на русскомъ языкѣ,—отчасти кажется въ старославянскомъ переводѣ, провѣренномъ по греческому и еврейскому тексту, а особливо по Вульгатѣ; думаютъ также, что онъ пользовался и чешскимъ переводомъ Библии. Отдѣльныя библейскія книги выходили въ Прагѣ, 1517—1519, потомъ онъ продолжалъ изданіе въ Вильнѣ. До сихъ поръ не рѣшено, былъ ли Скорина православный, или католикъ; за православнаго считаетъ его между прочимъ польскій историкъ литературы, Вишневецкій³⁾. Запад-

1) «Временникъ» М. Общ. Ист. и Др. XXIII; Арх. истор.-юридич. свѣдѣній, Калачова, II, под. 2, 43. Брат. Помочь, 378.

2) Выше названо изданіе этихъ лѣтописей у Даниловича: *Latopisiec Litwy*; см. также А. Н. Полова, въ *Запискахъ II Отд. Акад. I. Подробная лѣтопись издавна Нарбуттомъ, Pomniki do Dz.*

3) Вишневецкій, *Hist. liter. polskiéj*, VIII, 477. Изданія Скорины были описаны у Сопикова, въ Опытѣ росс. библиографіи; далѣе, перечислены въ «Хронолог. Указателѣ славяно-русскихъ книгъ церк. печати съ 1491 по 1864 г.» (Ундольскаго, съ дополненіями Викторова и Бычкова). М. 1871, стр. 3—5, гдѣ указана отчасти лп-

ное нарѣчіе представляетъ затѣмъ много другихъ книгъ, переводовъ отцовъ церкви, богословскихъ полемическихъ сочиненій; старославянскія богослужебныя книги, печатанныя въ западно-русскихъ типографіяхъ, снабжались бѣлорусскими предисловіями, дополненіями и объясненіями, и т. д.

Дѣятельности собственно литературной не замѣтно въ западной Руси этого времени; но приведенные факты свидѣтельствуютъ, что былъ извѣстный уровень образованія. Въ ту эпоху религиозныхъ броженій переводъ Библии былъ признакомъ умственного запроса, потребности изслѣдованія: возможно, что указанія на чешскія вліянія въ біографіи Фіоля и въ дѣятельности Скорины имѣютъ свое основаніе, какъ вообще въ Польшѣ и княжествѣ Литовскомъ нашло сильныя отраженія сначала чешское движеніе со временъ Гуса, потомъ нѣмецкая реформація. Въ XVI в. реформація имѣла много послѣдователей въ польской и западно-русской аристократіи; такъ покровителемъ протестантизма былъ литовскій канцлеръ Радзивиллъ при Сигизмундѣ II Августѣ. Это религиозное броженіе съ одной стороны возбуждало потребность въ изслѣдованіи религиозныхъ вопросовъ, съ другой заставляло ревностныхъ приверженцевъ церкви готовить оружіе на возникавшую опасность. Вообще начиналось иное положеніе религиозно-умственныхъ интересовъ, чѣмъ было тогда въ московской Руси. Православіе лицомъ къ лицу встрѣчалось здѣсь съ враждебными ученіями; ему не довольно было отвлеченно-книжнаго отрицанія „еретическихъ“ ученій, или не довольно было голословной нетерпимости и исключительности, заставлявшихъ (чуть не буквально) считать католика или протестанта слугами сатаны; напротивъ, здѣсь приходилось имѣть дѣло съ живыми людьми, которые не всё же были слугами сатаны, съ фактами, которые надо было выяснять—оттого является здѣсь потребность въ тѣхъ же орудіяхъ борьбы, слѣдовательно въ тѣхъ же средствахъ образованія, какими владѣли противники. При этомъ должно было оказываться, и оказывалось, что образованіе само по себѣ имѣло привлекательность; оно дѣлалось привычнымъ понятіемъ, для людей просвѣщенныхъ—твердо сознаваемой потребностью. Поэтому, между Москвою и западной, а также и южной Русью (гдѣ дѣйствовали тѣ же условія) стало обнаруживаться нѣкоторое недоразумѣніе, какъ скоро стала выясняться разница этихъ характеровъ: московская неподвижность заподозрѣвала южныхъ и западныхъ православныхъ богослововъ, и если мы видимъ это въ XVII и

тература предмета; см. также Копитара, *Nesuchy Glossographi*, 38; Головацкаго, въ галицкомъ «Науковомъ Сборникѣ», Львовъ, 1865, вып. 4; Маѣвскаго, въ *Encyklop. Powszechna*. Вообще: А. Гатцука, *Отеркъ исторіи книгопеч. дѣла въ Россіи*, въ «Р. Вѣстникѣ» 1872. V.

XVIII столѣтіяхъ, то первое начало недоразумѣній является въ особенности въ эту эпоху, въ XVI или даже еще въ XV столѣтіи.

Полагають, вѣроятно не безъ основанія, что движеніе, начавшееся въ западной Руси, не осталось безъ вліянія на Москву; думаютъ, на примѣръ, что одинъ изъ первыхъ начинателей книгопечатанія въ Москвѣ, Петръ Мстиславецъ, былъ однимъ изъ мастеровъ въ типографіи Скорины, и въ Москву пришелъ изъ Вильны; позднѣе, ученость бѣлорусская и кievская стали крупнымъ фактомъ въ цѣлой исторіи русской образованности.

Въ изложеніи книжной церковно-полемической литературы нѣтъ надобности раздѣлять исторіи западнаго и южнаго русскаго движенія, такъ какъ въ книжномъ отношеніи они носили одинъ общій характеръ и стояли въ одинаковомъ положеніи къ польскому и католическому міру. Своеобразныя отличія юга отъ сѣверо-запада выступаютъ тогда, когда на историческую сцену является народный элементъ — въ козацкой борьбѣ и выразившей ее народной южно-русской поэзіи.

Языкъ южно-русскій въ этотъ періодъ уже является въ письмѣ съ тѣми особенностями, какія отличаютъ его отъ западнаго (бѣлорусскаго) и сѣвернаго (великорусскаго). Выше упомянуты памятники, въ которыхъ находятъ его признаки еще въ первые вѣка русской письменности; съ XIV вѣка эти признаки выражаются уже совсѣмъ ясно. Таковы они въ южно-русскихъ актахъ, значительное число которыхъ издано въ послѣднее время ¹⁾.

Отъ первыхъ вѣковъ средняго періода осталось мало извѣстій и мало письменныхъ памятниковъ, такъ что трудно составить себѣ понятіе о литературныхъ явленіяхъ этого времени. Конецъ древняго періода указывалъ возможность замѣчательнаго литературнаго развитія. „Слово о полку Игоревѣ“ и Волынская лѣтопись представлялись нѣкоторымъ изслѣдователямъ какъ результатъ особой школы, и если было дѣйствительно такъ, эта школа обнаружила много замѣчательнаго народно-поэтическаго искусства. Татарское нашествіе повидимому нанесло окончательный ударъ этимъ зародышамъ; но позднѣе въ южно-русскомъ племени, при всемъ его подчиненіи чужой государственности, развилось своеобразное и оживленное движеніе, которое многими чертами напоминаетъ его старину.

Въ церковной письменности южная Русь сохранила (хотя повидимому въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ сѣверная) книжныя преданія

¹⁾ Изданія выше названы; образчики собраны у Житецкаго, стр. 353 и слѣд.

древняго періода; но какъ въ сѣверной письменности, такъ и въ южной, народный говоръ все больше выступаетъ въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя были ближе къ жизни—именно въ грамотахъ и письмахъ; въ книгѣ онъ, какъ бѣлорусскій, мѣшался съ церковно-славянскимъ и польскимъ. И здѣсь, какъ на сѣверо-западѣ, живое чувство народности и умственный запросъ выразились стремленіемъ къ передачѣ свящ. писанія на народномъ языкѣ—замѣчательное явленіе, которому нѣтъ параллели на сѣверѣ. Такъ, къ концу XV или началу XVI вѣка относятся южнорусскій переводъ „Пѣсни Пѣсней“ съ послѣсловіями, въ которомъ находятъ слѣды чешскаго подлинника ¹⁾. Въ 1556—1561 написано писцомъ Михаиломъ, сыномъ протопопа Саноцкаго, четвероевангеліе, переведенное по порученію княгини Гольшанской съ болгарскаго на южно-русскій языкъ, „для лѣпшого вырозумленья люду христіанскаго посполитого“, повидимому этимъ самымъ Михаиломъ, подъ руководствомъ Григорія, архимандрита Пересопницкаго ²⁾. Это такъ называемое Пересопницкое евангеліе (Пересопница—на Волыни, между Ровномъ и Луцкомъ, нынѣ съ остатками древняго монастыря). Далѣе, евангеліе на славянскомъ и малороссійскомъ языкахъ, напечатанное въ типографіи Тяпинскаго, безъ означенія мѣста и времени печатанія, но вѣроятно около 1580, съ ссылками на поляхъ на евангеліе московское, недавно друкованное ³⁾; малорусская Псалтирь XVII-го вѣка и проч.

Литературная дѣятельность южной (какъ и западной) Руси обнаружилась особенно въ области религіозной. Выше говорено о томъ, какъ государство и національность польская стремились овладѣть высшими классами русскаго народа въ „Литвѣ“ и Южной Руси, а католицизмъ, въ параллель къ тому, стремился подавить православіе. Послѣ „уніи“ политической, въ Люблинѣ, совершается „унія“ вѣроисповѣдная, въ Брестѣ. Та и другая сдѣлали большія завоеванія. Но какъ ни были значительны выгоды, какія доставались русскому боярству въ положеніи польскаго магнатства, и какія пріобрѣтало высшее духовенство, вступая чрезъ унію въ положеніе господствующей католической іерархіи, въ этой средѣ нашлись люди, которые стали пламенными защитниками народности—эта борьба и составила главнѣйшее содержаніе южно-русской литературы въ теченіе XVI—XVII сто-

¹⁾ «Основа», 1861, ноябрь; «Науковий Сборникъ», 1865, вып. 4, 235.

²⁾ Оно открыто Бодянскимъ (Ж. Мин. Нар. Просв. 1838, май); образцы изъ него у Житецкаго, 360—364, и его же: «Описаніе пересопницкой рукописи XVI в.», съ приложеніемъ текста евангелія отъ Луки“ и пр. Кіевъ, 1876, 4°.

³⁾ Отчетъ Публичной Библіотеки за 1856 г., стр. 29; Хронолог. Указатель Ундольскаго, № 87. Нѣсколько интересныхъ малорусскихъ рукописей средняго періода, до сихъ поръ еще не изслѣдованныхъ, находятся въ рукописныхъ собраніяхъ Е. В. Барсова и Н. С. Тихонравова, въ Москвѣ.

лѣтій. Когда этихъ усилій было недостаточно, чтобы бороться съ на-
роставшимъ гнетомъ, и онъ отягчался еще гнетомъ экономическимъ,
начались знаменитыя козацкія войны — настоящее народное дѣло,
наложившее свою глубокую печать на южнорусскую исторію. Ко-
зацкія войны были финаломъ борьбы, начавшейся съ XV, въ иныхъ
мѣстахъ (какъ въ Галицкой Руси) съ XIV вѣка, или даже еще ранѣе.
Польша, теряя земли и населеніе на западѣ, стремилась вознаграждать
себя изъ востокъ и югъ; по характеру своей собственной государствен-
ности, она рассчитывала, что достигнетъ своей цѣли, овладѣвъ рус-
ской шляхтой и духовенствомъ; но она не считала *народа*.

Выше упомянуто, какія особенныя условія западной и южной рус-
ской жизни помогли развитію національной оппозиціи противъ наплы-
ва польской народности и католицизма. Православная церковь сохра-
нила здѣсь всѣ существенныя черты устройства по православному пре-
данію и канонамъ; но народъ гораздо больше, чѣмъ въ восточной Руси,
принималъ участія въ церковной жизни. Въ московской Руси церковь
имѣла твердую опору въ правительствѣ также православномъ; здѣсь
правительство было иновѣрное, далеко не всегда толерантное, часто
враждебное, и церковь естественно опиралась на народъ и сильное
боярство. Послѣдніе участвовали въ выборѣ митрополита и духовен-
ства, въ управленіи дѣлами, въ защитѣ правъ церкви передъ прави-
тельствомъ. Города имѣли патронатъ надъ своими церквями, богатые
паны надъ монастырями и церквями ихъ земель, — это часто бывало
единственной поддержкой православія противъ уніи и католицизма,
но имѣло и свою неблагополучную сторону, когда патронатъ переходилъ
въ произволь, особливо когда онъ (какъ выше замѣчено) попадалъ
даже въ руки пановъ католическихъ. Сама православная іерархія
бывала не совсѣмъ довольна тѣмъ, что ея власть стѣснялась міра-
нами, и стремясь получить отъ королей обезпеченіе своей независи-
мости отъ вмѣшательства мірянъ, изъ-за своего іерархическаго инте-
реса не всегда умѣла различать полезную сторону этого вмѣшатель-
ства: отсюда многіе споры іерархіи съ „братствами“ и даже, во время
козацкихъ войнъ, недоразумѣнія съ самимъ народнымъ движеніемъ.

Дѣятельность „братствъ“ составляетъ одну изъ отличительныхъ
особенностей западной и южной русской церковной, а косвенно и поли-
тической жизни. Первое начало ихъ относится еще къ древнему пе-
риоду русской жизни. Въ храмѣ сходились не только интересы при-
ходскихъ общинъ; онъ олицетворялъ цѣлое политическое общество:
Новгородъ отождествлялъ себя съ св. Софіей; приходскія собранія
были „братчины“, которыя имѣли даже право суда. Въ московской
Россіи братчина и сохранила потомъ только значеніе временной празд-
ничной сходки и пира. На западѣ и югѣ, гдѣ церковныя интересы

не обезпечивались правительствомъ, братчина развилась въ постоянный союзъ, въ общину, которая и приняла на себя (какъ выше указано) заботу о благосостояніи своей церкви, о церковномъ управленіи и т. д. Главными элементами западныхъ и южныхъ братствъ были городское магдебургское право вмѣстѣ съ обычнымъ патронатомъ приходскихъ общинъ надъ своими церквями. Братства имѣли постоянную организацію, старость и членовъ; нѣкоторые получали утверженіе правительства. Братство Львовское извѣстно съ 1439 г., Виленское съ 1458. Главное развитіе братствъ относится именно къ тому времени, когда борьба православія и народа за свое существованіе стала принимать острый характеръ—съ конца XVI столѣтія.

Вслѣдствіе условий времени и положенія русской народности, литературная дѣятельность юго-западной Руси за этотъ періодъ сосредоточилась всего болѣе именно на церковной литературѣ. Мы не имѣемъ надобности входить въ догматическое и богословско-полемиическое содержаніе этой литературы: для нашей цѣли довольно указать ея распространеніе и ея общественно-литературную сторону, указать, что подъ формой богословской полемики велась въ ней борьба за самыя капитальныя интересы русской народности.

Съ внѣшней стороны любопытно отмѣтить замѣчательное развитіе книгопечатанія. Въ то время какъ въ Москвѣ первая типографія появляется только въ 1564, черезъ сто лѣтъ по изобрѣтеніи печати, въ западной Руси типографская дѣятельность началась уже въ 1491, упомянутыми изданіями Швайпольта Фіоля. Цифры количества типографій и изданій въ московской Россіи и въ западной и южной Руси могутъ довольно наглядно представить степень развитія книжной дѣятельности въ той и другой ¹⁾. До 1600 года, изъ московскихъ типографій вышло 16 книгъ, изъ западныхъ и южныхъ 67; до 1625, изъ московскихъ—65, западныхъ и южныхъ—147; до 1650 (т.-е. до самой поры присоединенія Малороссіи къ Москвѣ), изъ московскихъ—275, изъ западныхъ и южныхъ—300 ²⁾. Далѣе, въ то время какъ въ московской Россіи типографіи были только въ Москвѣ, въ западной и южной Руси типографская дѣятельность распространена была по всему

¹⁾ Приводимыя далѣе цифры только приблизительны. Для XVI—XVII вѣка еще не сдѣлано такого обстоятельнаго инвентаря, какой сдѣланъ въ книгѣ Пекарскаго «Наука и литература» и пр. для Петровской эпохи. Послѣдніе библиографическіе счета читатель найдетъ въ сочиненіяхъ: И. Каратаева, Хронолог. Росписъ слав. книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. 1491—1730. Спб. 1861; Ундольскаго, Хронол. Указатель, вып. 1. М. 1871; Я. Головацкаго, Дополненіе къ Очерку Славяно-русской библиографіи Ундольскаго (въ «Сборникѣ» II Отдѣл. Акад. XI). Спб. 1874.

²⁾ Къ послѣднимъ мы не причисляемъ изданій, выходившихъ въ «Угровлахін»; но причислили краковскія изданія Фіоля и пражскія Своримъ, такъ какъ онѣ были рассчитаны именно для западной и южной Руси, и были ея дѣломъ. Прибавимъ еще, что не вводили въ счетъ мелкихъ изданій—напр. отдѣльныхъ листовъ и т. д.

краю, отъ главныхъ городовъ до небольшихъ мѣстечекъ и монастырей. Такимъ образомъ, послѣ Кракова (1491) и Праги (1517) до 1650 г. являются слѣдующія типографіи: Вильна (съ 1525), Несвижъ (1562), Заблудово (у Ходкевича, 1569), Львовъ (1574), Острогъ (1580), типографія Тишинскаго (около 1580), Евъе (1600), Дерманскій монастырь (1604), Стратино (у Ѡ. Болобана, 1604), Крилосъ (близъ Галича, 1606), Угорцы (въ Самборскомъ округѣ, 1611 или 1618), Кіевъ (1614), Могилевъ (1616), Почаевъ (1618), Рохманово (1619), Четвертня (1625), Луцкъ (1628), Чорненскій монастырь (1629), Кутеинъ (1630), Буйничи (1635), Долгополье (1635), Кременецъ (1638), Дельскій монастырь (1646), Черниговъ (1646). Многія изъ этихъ типографій произвели не болѣе какъ двѣ-три книги; но замѣчательно это распространеніе печати, въ которомъ видно умственное оживленіе общества. Наиболѣе дѣятельны были типографіи въ Вильнѣ, Кіевѣ, Львовѣ, Евъѣ, Острогѣ, Кутеинѣ. Наконецъ, московскія изданія состоятъ въ огромномъ большинствѣ изъ богослужебныхъ книгъ, святцевъ, постныхъ и цвѣтныхъ Тріудей, служебныхъ Миней, Канонниковъ и т. д.; въ изданіяхъ западныхъ и южныхъ большой процентъ составляютъ самостоятельные труды православныхъ полемистовъ, нерѣдко такіе, которымъ и новѣйшіе наши богословы отдають самыя высокія похвалы. Наконецъ, здѣсь явились и первыя учебныя книги ¹⁾.

Между боярствомъ, которое стало тогда на защиту и развитие православія, наиболѣе знамениты имена кн. Курбскаго и кн. Константина Острожскаго. Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, ученикъ Максима Грека и русскій полководецъ, ушедшій въ Литву въ 1563 отъ свирѣпствъ Ивана Грознаго, съ которымъ велъ извѣстную переписку, въ Литвѣ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ православія, возбуждалъ своихъ западныхъ и южныхъ единоплеменниковъ, рассылая письма и къ русскимъ вельможамъ, и къ простымъ ремесленникамъ и т. д.; онъ видѣлъ недостатокъ силъ и просвѣщенія, между прочимъ въ самомъ Кіевѣ, гдѣ монахи отказывались отъ его порученій переводить книги, и находя, что умноженіе книгъ должно быть однимъ изъ главныхъ средствъ для борьбы, самъ на старости выучился по-латыни, читалъ Аристотеля, на которомъ строилась тогда школьная католическая діалектика, перевелъ вполнѣ бого-

¹⁾ Первая азбука напечатана въ Вильнѣ, 1596 (и потомъ Букварь. Могилевъ, 1636); за ней уже слѣдуютъ московскія азбуки Бурцова, 1634 и 1637 г., и Букварь словено-греко-латинскій, Ѡ. Полякарлова, 1701.

Первая грамматика, елино-словенская, 'Αδελφότης, напечатана во Львовѣ, 1591; вторая, славянская грамматика Лаврентія Зизанія, въ Вильнѣ 1596; третья, славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, Евъе, 1618, 1619; Вильна, 1619, 1629 (еще кажется другая книга, Вильна, 1621); московскія изданія Смотрицкаго 1648, 1721. Особая слав. грамматика, въ Кременцѣ 1638.

Первый словарь, славяно-россійскій, составленъ Памвою Бериндою, Кіевъ 1627.

словіе Дамаскина, его Діалектику и нѣсколько другихъ книгъ, переводилъ Златоуста, Василия Великаго, и къ переводу перваго присоединилъ любознательное предисловіе. Его сотрудниками были — родственникъ его князь Оболенскій, учившійся въ краковской академіи, ѣздившій за границу и помогавшій ему въ переводахъ, и еще три московскіе выходца ¹⁾. Книги Курбскаго писаны отчасти обычнымъ въ московской Россіи церковнымъ языкомъ съ примѣсью русской, но въ другихъ—юго-западный книжный языкъ, перемѣшанный съ польскими и латинскими словами.

Не менѣе знаменитъ былъ кн. Константинъ Острожскій (ум. 1608). Курбскій, вѣрный московскому преданію, заботился всего больше о чистотѣ православія; кн. Острожскій дружилъ съ протестантами, не считалъ невозможною унию (хотя самъ сохранилъ и защищалъ православіе), но главную заботу полагалъ о просвѣщеніи. Богатый и сильный магнатъ, онъ основалъ въ Острогѣ первое южно-русское высшее училище, которое при немъ называлось академіей, и устроилъ типографію, издавшую нѣсколько первостепенно важныхъ книгъ. Главнымъ произведеніемъ этой типографіи была знаменитая Острожская Библія, 1580—1581, первая полная печатная Библія въ старославянскомъ текстѣ. Одно предисловіе здѣсь писано самимъ княземъ. Его побуждало къ труду прискорбное состояніе церкви, „расхищаемой волками“. Нужны были великія усилія для исполненія этой задачи: не было ни способныхъ людей, ни полныхъ списковъ Библии. Около 1575 онъ получилъ изъ Москвы, съ посланникомъ Гарабурдой, полный списокъ, но крайне испорченный. Другіе тексты онъ выписывалъ отъ патріарха Іереміи, изъ монастырей греческихъ, болгарскихъ и сербскихъ, но нѣсколько книгъ (Товита, Юдиѣъ, 3 Эздры) все-таки пришлось перевести съ Вульгаты. Изданіе кн. Острожскаго надолго осталось единственнымъ изданіемъ старо-славянскаго текста; первая московская Библія явилась только въ 1663. Въ изданіи есть еще много недостатковъ; но самыя строгіе судьи дѣла въ русской церковной литературѣ считали трудъ кн. Острожскаго „дорогимъ подаркомъ для православной церкви“ ²⁾.

Но покровительство церкви со стороны магнатства было непрочно: уже сыновья Курбскаго и Острожскаго были врагами православія. Съ конца XVI вѣка религіозно-національная оппозиція велась главнымъ

¹⁾ О Курбскомъ см. Устрялова, Сказанія кн. Курбскаго; 2-е изд. Спб. 1842; Иванишева, Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ. Кіевъ, 1850.

²⁾ Такъ—Филаретъ Черниговскій. «особенно дорогъ былъ этоъ подарокъ тогда, какъ съ одной стороны гордая реформація, съ другой коварный панизмъ колоди глаза православнымъ всякимъ недостаткомъ образованности, тѣмъ болѣе, что у православныхъ нѣтъ и Библии». Обзоръ русской духовн. литер., 862—1720. Харьковъ, 1859, 235.

образомъ въ *братствахъ*. Наканунѣ Брестской уніи и еще болѣе послѣ нея, старыя братства начали работать съ особенной энергіей, получили организацію, размножили число своихъ участниковъ, основывали школы и типографіи и вмѣшались въ борьбу. Въ 1586 патріархъ антиохійскій Іоакимъ, посланный тогда въ Россію отъ собора всѣхъ восточныхъ патріарховъ, далъ Львовскому братству грамоту, съ обширными полномочіями, стѣснившими даже власть епископа. Львовское братство получило старѣйшинство надъ всѣми другими братствами, которыя въ своихъ учрежденіяхъ должны были имѣть его образцомъ. Вскорѣ потомъ былъ здѣсь патріархъ константинопольскій, Іеремія, который еще болѣе усилилъ значеніе братства и поощрялъ къ основанію другихъ: въ 1588 онъ учредилъ братство Виленское; затѣмъ основаны были братства въ Брестѣ 1591, Минскѣ 1592, Бѣльскѣ 1594, Могилевѣ 1597, Луцкѣ 1617 и т. д. Братства обыкновенныя подчинялись епископамъ; но главнѣйшія изъ нихъ имѣли право „ставропигій“, т. е. зависѣли только отъ патріарха (или отъ митрополита, когда тотъ былъ и патріаршимъ экзархомъ), пользовались извѣстнымъ политическимъ значеніемъ: онѣ были приглашаемы королями на сеймы, духовными властями на соборы, такъ что дѣйствовали отъ лица народа какъ его представители ¹⁾.

Братства тотчасъ заявили свою дѣятельность вмѣшательствомъ въ практическія дѣла церкви, основаніемъ школъ и типографій. Образованные люди понимали, что „коли бы (русскіе) были науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели“ ²⁾. Послѣ перваго училища, основаннаго кн. Острожскимъ въ Острогѣ, появились училища при братствахъ въ Львовѣ (1586), Вильнѣ (1588), Кіевѣ (1588), Брестѣ (1591), Бѣльскѣ (1594), Минскѣ (1613), Луцкѣ (1617), Могилевѣ, Оршѣ, Пинскѣ. Не всѣ эти школы удержались; но нѣкоторыя, именно Львовская, Виленская, и особенно Кіевская постоянно развивали свои средства и стали надолго опорой православной образованности пѣлаго края. Довольно сказать, что Кіевская братская школа была началомъ кіевской академіи.

Историческое значеніе братскихъ школъ было то, что онѣ вообще были первыми русскими правильными училищами. Ихъ цѣль была специальная—сообщать религіозное образованіе, готовить борцовъ богословской полемики; но онѣ приняли также въ свои программы, какъ и во внѣшнее устройство, многое изъ тогдашнихъ католическихъ акаде-

¹⁾ Первыми ставропигіями были львовская и виленская (1588); въ 1620 іерусалимскій патріархъ Теофанъ далъ права ставропигій Луцкому, Кіевскому (Богоявленскому) и Слуцкому; но въ 1626 патр. константинопольскій Квирилъ снова подчинилъ эти послѣднія епископамъ, а въ 1633 учредилъ третью ставропигію въ братствѣ Могилевскимъ.

²⁾ «Чересторога», въ Актахъ Зап. Россіи, IV, 204.

мій и черезъ это онѣ внесли въ свои курсы и значительную долю свѣтскихъ знаній—именно философскихъ, историческихъ и литературныхъ. Уставъ Луцкой братской школы требуетъ отъ учителя, чтобы онѣ выдавалъ ученикамъ въ запискахъ ученія церковныя, а также и ученія „отъ философовъ, поэтовъ, историковъ“¹⁾, и дѣйствительно западно- и южно-русскіе ученые бывали съ ними хорошо знакомы. Новѣйшіе историки упрекаютъ иногда этихъ ученыхъ за ихъ схоластику и небреженіе о свѣтской наукѣ, историки церковные—за склонность къ иновѣрной латыни,—но въ этихъ упрекахъ забываются историческія условія этихъ школъ: онѣ были дѣломъ самого общества, замѣшаннаго въ церковную борьбу, и отсюда ихъ схоластическая теологія; но онѣ исполнили свое назначеніе. Еще долго послѣ присоединенія Малороссіи, кievская и западно-русская ученость была единственной ученой силой въ Россіи, и если схоластика продолжалась и въ XVIII вѣкѣ, то упрекъ за ея излишнее господство долженъ быть обращенъ уже къ власти, которая дѣлала тогда слишкомъ мало для водворенія новой науки.

Какъ выше замѣчено, приготовленіе, и потомъ совершеніе Брестской уніи послужили особеннымъ толчкомъ къ сильному богословско-литературному движенію, съ обѣихъ сторонъ. Уніаты старались оправдать свое дѣло, православные энергически оспаривали и обличали его. Подробную исторію этой литературной борьбы читатель найдетъ у историковъ церкви и въ специальныхъ изслѣдованіяхъ²⁾. Намъ довольно указать главныхъ дѣятелей этого движенія, составляющаго замѣчательный фактъ южной и западной русской образованности. Русскимъ полемистамъ

¹⁾ Памятники Кіевской Комм. I, отд. 1, стр. 83 слѣд.

²⁾ См. напр. Филарета Черниговскаго, *Исторія Русской Церкви*, четыре части, 4-е изд. Черниговъ, 1862; 5 часть, М. 1859; *Обзоръ русской дух. литературы*, ч. 1. Харьковъ 1859; ч. 2, изд. 2. Черниговъ, 1863;—П. Знаменскаго, *Руководство къ русской церк. исторіи*. Казань, 1870.

Цѣльнаго изслѣдованія объ этомъ вѣкѣ еще нѣтъ; частныхъ изслѣдованій довольно много:

— I. Флеровъ, *О православныхъ церк. братствахъ, противодѣйствовавшихъ уніи и пр.* Спб. 1857.

— «Петръ Могіла, митроп. Кіевскій». *Творенія св. отецъ*, 1846, № 1, прил. 29—76.

— П. Пекарскій, *Представители кievской учености въ половинѣ XVII столѣтія*. «Отеч. Зал.» 1862, кн. 2, 3, 4.

— Макарій Булгаковъ (нынѣ архіеп. Литовскій), *Исторія Кіевской Академіи*. Кіевъ, 1846.

— С. Голубевъ, *Петръ Могіла и Исаія Копинскій*, въ *Правосл. Обзорѣнціи*, 1874, кн. 4—5.

— Памятники полемической литературы въ западной Русіи. Книга I. (Русская историч. Библиотека, издав. Археогр. Коммиссіею. IV). Спб. 1873. Здѣсь помѣщены: 1, Дѣянія Виленскаго собора, 1509 года; 2, Дѣянія Кіевскаго собора, 1640, по разсказу К. Саковича; 3, Діаріумъ берестейскаго игумена, Аванасія Филиповича, 1646; Оборона уніи, Льва Гревзы; 5, Палинодія, Захаріи Копыстенскаго; 6, Посланія, пріис. старцу Артемію, сотруднику Курбскаго, конца XVI вѣка.

— Исторіи польской литературы, Мацѣевскаго, и особенно Вишневскаго, сочиненія Лукашевича (*Historiya szkól etc.*), Ярошевича (*Obraz Litwy*) и др.

пришлось бороться лицомъ къ лицу съ католической теологіей, выступившей въ защиту папства и уніи во всеоружіи латино-схоластической учености, и русскіе писатели съ честью выдержали эту борьбу: многія сочиненія ихъ въ защиту православія до сихъ поръ восхваляются самыми требовательными критиками, которые отдають справедливость силѣ ихъ доказательствъ, обширнымъ историческимъ и церковнымъ свѣдѣніямъ. Брестскій соборъ тотчасъ вызвалъ съ обѣихъ сторонъ полемику, гдѣ между прочимъ вмѣшался знаменитый польскій іезуитъ Скарга. По поводу этой полемики явилось замѣчательное сочиненіе противъ уніи Христофора Бронскаго (подъ псевдонимомъ Христофора Филалета): „Апокрисисъ, альбо отповѣдь на книжки о сборѣ Берестейскомъ“ (Вильна 1597), который изданъ былъ на русскомъ, т.-е. западно-русскомъ, и польскомъ языкахъ и произвелъ сильное впечатлѣніе и на друзей и на враговъ ¹⁾. Другое важное сочиненіе объ уніи было „Пересторога“ (предостереженіе), около 1606; авторъ, доселѣ неизвѣстный, по новѣйшимъ изысканіямъ—львовскій священникъ Андрей, который былъ представителемъ львовскаго братства на Брестскомъ соборѣ и очевидцемъ варшавскаго сейма и также отличался обширными свѣдѣніями ²⁾. Захарія Копыстенскій (ум. 1627), кievскій іеромонахъ, знаменитъ какъ авторъ книги „О вѣрѣ единой“ (s. l. et a., вѣроятно въ Кіевѣ, 1619—1620, подъ псевдонимомъ) и особенно какъ авторъ „Палинодія“, обширнаго трактата противъ уніи, оставшагося тогда въ рукописи ³⁾. Однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ того времени былъ Мелетій Смотрицкій (ум. 1633): ученый монахъ и православный епископъ въ Полоцкѣ, онъ учился въ іезуитской коллегіи, потомъ бывалъ въ нѣмецкихъ университетахъ; сначала пламенный защитникъ православной церкви (его „Плачъ“, Вильна 1610, и другія сочиненія), противъ котораго двинулся самъ Скарга, но потомъ, быть можетъ испуганный преслѣдованіями, которыя вызваны были убійствомъ униатскаго епископа въ Полоцкѣ Кунцевича, или вслѣдствіе безхарактерности, онъ перешелъ въ унію: „Апология“ (на польскомъ яз. 1628), въ которой онъ рекомендовалъ унію, вызвала русскія опроверженія Іова Борецкаго, митроп. кievскаго (ум. 1631), Андрея Мужиловскаго, слуцкаго священника, и др. Осужденный на кievскомъ соборѣ, Смотрицкій отказался отъ своихъ ученій, но потомъ издалъ новую книгу, гдѣ объявлялъ отреченіе вынужденнымъ, и умеръ уніатомъ.

¹⁾ «Сочиненіе превосходное по основательности мысли и любопытное по множеству историческихъ документовъ», говоритъ Филаретъ, «Обзоръ», I, 242. Ср. Колловича, Унія, I, 181. «Апокрисисъ Христофора Филалета, въ переводѣ на современный русскій языкъ». Кіевъ, 1870. Н. Скабалановичъ, Исслѣдованіе объ Апокрисисѣ. Спб. 1873.

²⁾ Напечат. въ Актахъ Зап. Россіи, т. IV.

³⁾ „Палинодія“ издана въ Р. Ист. Б.—кѣ IV, ст. 313—1200.

На ряду съ учеными богословами, защитниками православія, стоитъ еще своеобразный писатель, нѣсколько иного и болѣе народнаго характера, Іоаннъ Вишенскій или Вишневскій (изъ Вишни), писавшій въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка. О біографіи его извѣстно только, что это былъ инокъ, подвизавшійся въ Зографскомъ монастырѣ на Аѳонѣ; какимъ уваженіемъ пользовался онъ въ южной Руси, видно изъ постановленія Собора 1621 года, которымъ рѣшено— призвать его съ Аѳона какъ одного изъ благочестивыхъ мужей, „продвѣтающихъ жизнь и богословіемъ“. Аѳонскіе старцы подали свой голосъ противъ уніи, и ихъ посланіе было однимъ изъ первыхъ протестовъ; Іоаннъ Вишенскій тогда же отправилъ съ Аѳона свои посланія, которыя и ходили по рукамъ. Въ настоящее время напечатано четыре его посланія — къ князю Василю Острожскому и всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи; къ „народу русскому, литовскому и лядскому“ всѣхъ вѣръ и сектъ; къ митрополиту и епископамъ, принявшимъ унію; и „Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ“ т.-е. заблужденіяхъ ¹⁾. Аѳонскій инокъ представляетъ иную сторону борьбы: онъ не блистаетъ, и не желаетъ блистать ученостію и риторическимъ искусствомъ, но у него много настоящаго краснорѣчія, внушаемаго сильнымъ чувствомъ и — талантомъ. Строго осуждая отпавшихъ „объеретиченныхъ“, онъ строго обличаетъ и остающихся, за недостатокъ вѣры, пановъ за роскошную жизнь, за несправедливости и насилія, проклинаетъ владыкъ и игуменовъ, которые изъ святыхъ мѣстъ понадѣлали себѣ фольварки, собираютъ гроши и „дѣвкамъ своимъ“ вѣно готовятъ, и т. п.; слабыхъ и колеблющихся возбуждаетъ держаться противъ губельныхъ соблазновъ, какими ихъ смущало живое католичество, и насмѣхается надъ щегольствомъ и ученостію ксендза; словомъ, переноситъ полемику теологовъ въ жизнь, и защищаетъ православное благочестіе и старину какъ святыню. Онъ не любитъ латинской учености, говоритъ съ пренебреженіемъ объ Аристотелѣ и Платонѣ, и рекомендуетъ вмѣсто нихъ Часословъ и Псалтырь. Словомъ, это—книжникъ стараго закала, каковъ былъ московскій выходецъ Курбскій; но хотя старой книжности, которую одну онъ признавалъ, было уже мало для національной борьбы, онъ долженъ былъ производить впечатлѣніе силой своего убѣжденія и народнаго чувства; какъ писатель, онъ даетъ живыя картины нравовъ, написанныя съ оригинальнымъ смѣшеніемъ суроваго аѳонскаго аскетизма и крѣпкаго народнаго юмора.

¹⁾ Въ Актахъ Южной и Зап. Россіи, Спб. 1865, II, 205—270. См. о немъ также Памятники Кіев. Комм. 1848. I, 247; Филарета, Обзоръ, I, 243. Патетическая характеристика Іоанна Вишенскаго у Кулиша, Ист. Возсоединенія Руси, I, 286—319.

Іоаннъ Вишенскій горячо защищаетъ и славянскій языкъ. «Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворачайте; по литургіи же, для выrozumѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте. Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте: сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволь толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живѣ отъ гнѣва; радъ бы его до щеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двинулъ, да его обмеряйтъ и въ огиду и ненависть приведесть; и што нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулять и не любять—да знаешъ запевно, яко того майстра дѣйствомъ и рыганіемъ, духа его поднявши, творять. А то для того діаволь на словенскій языкъ борбу тую маеть, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій: поцезе безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть, кграмастикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, діавола вѣмѣстныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводитъ, простоту и смпреніе будуетъ и Духа святого подъемлетъ... Егда есте на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили, тогда есте и благочестіе стратили, въ вѣрѣ онемоцили и поболѣли, и ереси породили и въ Него же крестихомся прогнѣвали. Чи не дѣше тобѣ изучити часословець, псалтырь, охтоихъ, апостоль и евангеліе, съ иишими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодиномъ и жизнь вѣчную получитьи, нежелли постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жпзни сей звати, и въ геену отгити? Разсуди. Мнѣ ся видить 1)—дѣше есть ани аза знати, толко бы до Христа ся дотиснути, которій блаженную простоту любитъ и въ ней обитель собѣ чинитъ и тамъ ся упокоеть. Тако да знаете, якъ словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ Еллинскаго и Латинскаго—се же не басни сѣтъ, во нынѣ о томъ доводъ широкій чинити мѣста не маю...»

Онъ проситъ не скрывать его пославія и напротивъ показывать его всѣмъ, и своимъ и Ляхамъ,—чтобы выучитъ ся открыто заявлять свои мысли. «И мое писаніе всѣмъ до ушей пропустѣте. Не бойтеся для того Ляха, але убойтеся Ляхова творца, которій и Ляхову и насѣ всѣхъ души въ своей горсти держитъ... И тотъ бо страхъ Ляховъ за безвѣріе ваше на васѣ поупущень, да ся познаете, если есте христіане или еретники».

Іоаннъ Вишенскій есть представитель народной стороны въ этой борьбѣ. По своему онъ былъ правъ въ своей враждѣ къ латинской наукѣ; онъ видѣлъ, что рядомъ съ латинской наукой шла испорченность и измѣна панства и высшей іерархіи, и двѣ вещи онъ связалъ въ одну. И это было отчасти въ народномъ духѣ, а главное, въ этомъ духѣ была его упорная борьба за старую вѣру, преданье и народный обычай.

Возвращаемся къ ученой дѣятельности Южноруссовъ. Въ XVII столѣтіи центръ тяжести ея переходитъ въ Кіевъ, и главная заслуга принадлежитъ здѣсь знаменитому кіевскому митрополиту, Петру Могилѣ. Сынъ бывшаго молдавскаго воеводы, Петръ Могила (1597—1647) получилъ образованіе въ Парижѣ, служилъ въ польскихъ вой-

1) Въ изданіи Арх. Комм.: «милъ ся видить».

скахъ, и между прочимъ участвовалъ въ битвѣ съ Турками при Хотинѣ; имѣлъ большія связи съ польскою аристократіей, лично извѣстенъ былъ королю, и выступилъ ревностнымъ бойцомъ за православіе: онъ постригся въ монахи, былъ архимандритомъ Печерской лавры и наконецъ, будучи посланъ въ Варшаву для защиты правъ церкви, принятъ былъ тамъ съ большимъ уваженіемъ и объявленъ кievскимъ митрополитомъ. Такое полученіе сана не было правильно, но кромѣ аристократіи поддерживали его и козаки, съ которыми онъ сблизился въ своей военной службѣ. Потомъ онъ заставилъ забыть этотъ фактъ своими трудами для церкви. Онъ возстановлялъ древнія историческія святыни, исправлялъ церковныя книги, писалъ и издавалъ книги въ защиту церкви отъ униатовъ (Δίδοξ, противъ Кассіана Саковича, на польскомъ языкѣ, 1644); есть извѣстія, что онъ работалъ надъ исправленіемъ Библии, надъ собраніемъ житій святыхъ. Съ именемъ Петра Могилы связано „Православное исповѣданіе вѣры“ (обширное и краткое), много разъ изданное и имѣющее славу классическаго изложенія православной догматики. Наконецъ, славнымъ дѣломъ Петра Могилы было расширеніе и обогащеніе кievской братской школы — будущей академіи; этой школѣ онъ жертвовалъ и свои неумолимые труды, и свое богатство ¹⁾).

Прежнія школы, Острожская и школы братствъ, образовали много замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей и патриотовъ. Такъ изъ острожской школы вышли: Леонтій Карповичъ (ум. 1620), извѣстный проповѣдникъ и полемистъ; гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный (ум. 1622), между прочимъ оказавшій услуги и южнорусскому просвѣщенію; Исаія Копинскій (ум. 1634), предшественникъ Могилы на кievской митрополіи, авторъ „Духовной Лѣствицы“, трактата объ аскетѣ. Изъ львовскихъ и волынскихъ школъ вышли: Лаврентій Зизаній-Густановскій, авторъ первой славянской грамматики и Большаго Катихизиса; Іовъ Борецкій (ум. 1631), кievскій митрополитъ, полемистъ и исправитель церковныхъ книгъ; Кириллъ Транквилліонъ Ставроецкій, извѣстный проповѣдникъ и авторъ „Зеркала Богословія“ (Почаевъ,

1) «Когда Богъ благословилъ мнѣ быть пастыремъ столицы митрополіи Кievской, и прежде того еще архимандритомъ Печерской Лавры,—писалъ потомъ Могила въ своемъ завѣщаніи,—съ того времени, видя упадокъ благочестія въ народѣ русскомъ не отъ чего иного, какъ отъ того, что не было никакого наставленія и наукъ, я положилъ объѣхать мой Господу Богу—все мое имущество, доставшееся отъ родителей и что только, за должнымъ удовлетвореніемъ святыхъ мѣстъ, мнѣ вѣреннхъ, останется изъ доходовъ съ имѣній имъ принадлежащихъ, обращать частію на обновленіе разрушенныхъ домовъ божіихъ, которыхъ жалкія оставались развалины, и частію на основаніе школъ въ Кіевѣ, на утвержденіе правъ и вольностей народа русскаго... А этотъ мой недостойный объѣтъ и намѣреніе благословилъ святою своею благодатію и Господь Богъ, такъ что еще при жизни моей я увидѣлъ уже великую пользу церкви божіей отъ тѣхъ наукъ, и умножились люди ученые и благочестивые на служеніе церкви божіей»....

1618; Уневскій монастырь 1692), перваго опыта систематическаго православнаго богословія, составленнаго съ большимъ знаніемъ церковной и свѣтской литературы; Памва Берында, извѣстный составитель перваго славено-россійскаго лексикона; упомянутый авторъ „Палинодіи“ Копыстенскій, и другіе. Въ школахъ кievской образовались: Тарасій Земка; Θεодосій Сафоновичъ, богословъ и составитель хроники волынскаго княжества; Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій, извѣстные своей дѣятельностью въ Москвѣ при „исправленіи книгъ“. Въ Кіевѣ учились: знаменитый гетманъ Хмельницкій, имѣвшій большія свѣдѣнія и знавшій нѣсколько языковъ, и извѣстные казацкіе предводители — Тетеря, Сомко, Сирко, Самойловичъ и т. д. Въ братскихъ школахъ игралъ значительную роль греческій элементъ, который входилъ при основаніи братствъ и представленъ былъ такими людьми какъ элассонскій митрополитъ Арсеній, экзархъ Никифоръ, Кирилль Лукарисъ (впослѣдствіи патріархъ). Предпринявши расширеніе кievской школы, Петръ Могила не былъ доволенъ греческимъ образованіемъ и предпочиталъ западную школьную ученость съ латинскимъ языкомъ. Еще будучи печерскимъ архимандритомъ, онъ послалъ на западъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые должны были стать учителями въ новомъ духѣ: это были Тарасій Земка, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ, Гизель и др. Они стали потомъ во главѣ школы: Трофимовичъ какъ ректоръ, Коссовъ какъ префектъ. Новая школа была встрѣчена весьма недружелюбно; католики и униаты распускали слухи, что ея науки — еретическія и кальвинскія; въ народѣ пошли подозрѣнія, школу грозили разорить, хотѣли убить самого Могилу, а латынщиками накормить днѣпровскихъ осетровъ. Но „коллегія“, какъ стала называться кievская школа, установилась — не сдѣлавшись ни латинско-польской, ни кальвинской; хотя въ ней сильнѣе прежняго распространилась схоластика, она стала первымъ высшимъ училищемъ въ Россіи, дѣятельность котораго занимаетъ важное мѣсто въ исторіи русскаго образованія.

Литература, до сихъ поръ указанная, составляетъ, какъ мы видѣли, самостоятельное дѣло западной и особенно южной Руси, дѣло тѣмъ болѣе замѣчательное, что было исполнено въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, подъ иновѣрной властью, въ борьбѣ съ могущественнымъ католичествомъ, было исполнено собственной самодѣятельностью общества. Историки русской литературы обыкновенно вносятъ произведенія этого періода и школы въ свое изложеніе; но если поставить вопросъ о національныхъ элементахъ, эта литература должна быть внесена въ исторію западной и особливо южно-русской народности. Всѣ ея дѣятели — русскіе западнаго и южнаго края, принадлежатъ народу, который московская Русь постоянно отъ себя различала, какъ „Литву“,

„Черкасъ“, „Козаковъ“, „Малороссіянь“¹⁾. Тому же народу принадлежатъ средства, которыми выросла эта образованность, и матеріальныя — въ пожертвованіяхъ богатаго, еще православнаго боярства, и въ пожертвованіяхъ братствъ; и нравственныя, въ силѣ убѣжденій и характеровъ, которой требовалось много въ трудностяхъ этой борьбы, и въ ревности къ просвѣщенію, которая произвела въ короткое время длинный рядъ ученыхъ, высоко цѣнимыхъ даже поздними и строгими критиками. Литературная борьба была не безопасна. Полемисты тѣхъ временъ обыкновенно предпочитали скрывать свои имена, даже время и мѣсто печатанія своихъ книгъ, чтобы избѣжать опасностей личнаго преслѣдованія и мщенія. Такъ скрывались Бронскій, Копыстенскій, самъ Петръ Могила и т. д.²⁾ Эта литература приняла новое направление, неизвѣстное и несочувственное въ Москвѣ, но потомъ ею принятое: южнорусская образованность самобытно воспользовалась новыми источниками просвѣщенія—и въ тогдашней греческой учености, и въ латинской схоластикѣ, которой нужно было овладѣть, потому что она была оружіемъ противной стороны. Здѣсь были устроены первыя правильныя школы; развилась обширная типографская дѣятельность; здѣсь, ранѣе чѣмъ въ Москвѣ, предприняты были труды исправленія и изданія богослужебныхъ книгъ—надъ которыми трудились Константинъ Острожскій, Гедеонъ Болобанъ (ум. 1607, еп. галицкій и львовскій, печатавшій ихъ въ Стратинѣ и Крилосѣ), Іовъ Борецкій, Петръ Могила, Іосифъ Тризна и другіе, отчасти выше названныя лица; здѣсь составлены были первыя догматическіе трактаты (труды Лаврентія Зизанія, Исаи Трофимовича, Петра Могилы, Кирилла Транквилліона), надолго оставшіеся единственными изложеніями русскаго православія; здѣсь явились первыя русскія грамматики и словари. Въ Москвѣ, гдѣ не было въ тѣ времена никакой правильной школы, относились недовѣрчиво къ западной и южной русской образованности; новизна чисто литературная уже казалась вещью подозрительной, ересью или латинствомъ. Въ Москвѣ заподозривали Катихизисъ Лаврентія Зизанія, но потомъ однако его приняли; „Учительное Евангеліе“ Кирилла Транквилліона признано папистическимъ; но московскія книги „О вѣрѣ“ были повтореніемъ западно-русскихъ сочиненій, которыя въ нихъ еще были только испорчены³⁾. Словомъ,

¹⁾ Сѣверо-восточные русскіе участвовали въ этомъ движеніи лишь немногими представителями, какъ выходецъ Курбскій и его соратники; какъ выходецъ Иванъ Федоровъ.

²⁾ Копыстенскій говоритъ: «А зась коли хто зъ нашихъ, особливе противъ Латинниковъ, выдасть книгу, теды такового преслѣдовати и през верхность свѣтскую опривовати не всгдадоуся. Нелзи теды, ено за такими задатками, отступникомъ, пазываючимся унеягомъ огновѣсти и исправитися правды своеи и выводу о собѣ дати, чого и право всѣхъ народовъ доущаеть».

³⁾ Ср. Р. Истор. Б—ка, IV, примѣч. стр. 23; Филарета, Обзоръ, I. 233, 251, 265 и др.

элементы движенія въ русскомъ образованіи представляли тогда западная и южная Русь, которой и должна быть отдана эта историческая заслуга.

Вліяніе юго-западной русской науки на Москву можно слѣдить еще съ конца XVI вѣка, съ дѣятельности Константина Острожскаго; оно продолжается въ трудахъ Лаврентія Зизанія, Смотрицкаго, Захаріи Копытенскаго, Петра Могилы. Еще до присоединенія Малороссіи вызванъ былъ въ Москву Епифаній Славинецкій (ум. 1675). Со времени присоединенія Малороссіи, южнорусское вліяніе находитъ уже прямые пути и связи. Кіевская литература продолжала размножаться; во второй половинѣ XVII вѣка встрѣчаемъ опять длинный рядъ церковныхъ писателей, которые нерѣдко доводили до излишества недостатки схоластическаго направленія, но въ той или другой степени распространяли потребность и вкусъ къ знанію. Назовемъ: Іоаннікія Галитовскаго (ум. 1688), проповѣдника и полемиста; Антонія Радивиловскаго; Лазаря Барановича (ум. 1694), архіепископа черниговскаго, писавшаго также по-польски — поученія ихъ считаются характерными образцами схоластической проповѣди; Варлаама Ясинскаго (ум. 1707); Іоанна Максимовича (ум. 1715), плодовиѣйшаго стихослагателя, и друг. Можно назвать здѣсь ученѣйшаго богослова, впрочемъ мало извѣстнаго въ свое время, Адама Зерникова (ум. 1691).

Къ концу XVII-го вѣка западные и южно-русскіе ученые дѣйствуютъ въ самой Россіи, какъ Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, которые одинаково могутъ быть причтены и къ сѣверной русской литературѣ. Въ московской славяно-греко-латинской академіи преобладаетъ сначала греческій элементъ, но съ 1701 г., когда ею сталъ завѣдывать кіевскій ученый, рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, и она была преобразована по кіевскому образцу. При Петрѣ кіевскіе ученые получаютъ особенное значеніе. Петръ не любилъ духовныхъ стараго московскаго типа, которые въ большинствѣ были врагами реформы, и хотя патріархъ Досифей просилъ Петра не ставить на іерархическія должности ни Грековъ, ни Сербовъ, ни „Черкасъ“, т. е. Малороссіянъ, а назначать природныхъ Москвитянъ, „аще и немудріи суть“, Петръ предпочиталъ ученыхъ Южноруссовъ, которымъ и давались важныя іерархическія и другія мѣста: такъ возвышаются Стефанъ Яворскій, Димитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Филофей Лещинскій, Варлаамъ Коссовскій, Ѳеодосій Яновскій, Гedeонъ Вишневскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій и др., и затѣмъ въ послѣдующія царствованія, архіереи изъ „Черкасъ“ сохраняли свое значеніе, возбуждая ревность и вражду великорусскаго духовенства ¹⁾.

¹⁾ О литературныхъ отношеніяхъ великорусскихъ, гдѣ отражались дальнѣйшія

Другой обильный отдѣлъ южнорусской литературы составила исторія. Эта отрасль опять возникла здѣсь самобытно, на почвѣ новыхъ условій народной жизни, которую она и хотѣла передавать.

Извѣстно, въ чемъ состояла народная жизнь южной Руси съ конца XVI столѣтія. Со времени основанія Литовскаго княжества, при отдѣльныхъ соединеніяхъ съ Польшей, русская народность оставалась господствующей и спокойной; борьба противъ Татаръ и Турокъ даже сближала народы въ общихъ подвигахъ и воспоминаніяхъ; многія имена приобрѣтали почетную славу и въ Польшѣ и на Руси; — сближеніе могло бы продолжаться, еслибъ соблюдалось одно условіе, котораго, къ сожалѣнію, чрезвычайно рѣдко умѣютъ понимать исторически связанные народы, — условіе племенной и исповѣдной равноправности. Магнатская и католическая Польша особенно неспособна была понять это условіе: обращеніе въ католичество и ополченіе русскаго боярства еще усилило ея пренебреженіе къ народной массѣ и къ „хлопской вѣрѣ“ — но уже вскорѣ начались страшныя предостереженія: народъ, покидаемый своимъ боярствомъ, часто покидаемый и высшей іерархіей, напелъ свое представительство и защиту въ козацествѣ. Начались возстанія. Они были трактованы какъ хлопскіе бунты и отмщались страшными казнями. Никто не хотѣлъ понимать, что это возставалъ цѣлый народъ, оскорбляемый въ самыхъ дорогихъ ему чувствахъ и самыхъ насущныхъ интересахъ. Возстанія Лебеды и Наливайки во время уніи уже получали характеръ религіозной борьбы. вмѣстѣ съ духовенствомъ и мѣщанами вступали въ братства и запорожскіе козаки; на интриги и насилія католиковъ и уніатовъ они отвѣчали своими насиліями и убивали измѣнниковъ православію. Сама Запорожская Сѣчь образовалась какъ своего рода религіозно-національное братство. Козачество вмѣшивалось прямо въ церковныя дѣла: гетманъ Конашевичъ устроилъ, при помощи іерусалимскаго патріарха Теофана, назначеніе Іова Борецкаго на кievскую митрополію и обезпечилъ православную іерархію; козацкая сила становилась народной опорой для усилій духовенства, и еще задолго до

вліянія южнорусской школы, см.: Пекарскаго, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. Спб. 1862. 2 тома.

— Ю. Самарина, Теофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій, какъ проповѣдники. М. 1844.

— И. Чистовича, Теофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868 (Сборн. стат. Акад. т. IV).

— М. Сухомлинова, О литературѣ переходнаго времени—конца XVII и начала XVIII вѣка. Ж. Мин. Нар. Просв. 1862, кн. 4.

— Д. Извѣкова, Отношеніе русскаго правительства въ первой половинѣ XVIII стол. къ протест. идеямъ. Ж. Мин. Нар. Пр. 1867, окт.; объ отношеніи его къ католич. пропагандѣ, *ibid.* 1870, сент.; Изъ исторіи богословской полемики. литературы XVIII стол., въ Правосл. Обзор. 1871, авг. и сент.

— Цѣлый рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій о литературѣ XVII—XVIII вѣка, укажемъ вообще въ послѣднихъ годахъ «Трудовъ» Кіевской Духовной Академіи.

войнъ Хмельницкаго, козаки въ совѣтъ съ митр. Іовомъ отправили въ Москву посольство съ просьбой о русскомъ покровительствѣ. Но положеніе вещей оставалось то же; и наконецъ, за неудачными возстаніями Тараса, Павлюка, Острина, вспыхнулъ общій пожаръ — возстаніе Хмельницкаго, окончившееся присоединеніемъ Малороссіи къ Московской Россіи.

Эта пора крайняго возбужденія народа создала южнорусскую историографію. Выше упомянуто, какъ въ первые вѣка Русско-Литовскаго княжества продолжалась тутъ старая лѣтописная традиція; времена козацкихъ войнъ произвели особый историческій стиль. Сначала это была форма тѣхъ же краткихъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Таковы лѣтописи, изданныя Н. Бѣлозерскимъ: „Лѣтописецъ въ русскихъ и польскихъ цо ся сторонахъ дѣяло и якого року“, съ 1587 года до 1750; „Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе“, 1506—1783; „Хронологія высокославныхъ ясновелможныхъ гетмановъ“, 1506—1765 и др. 1). Таковы были по всей вѣроятности тѣ „козацкія кронички“, „козацкіе лѣтописцы“ и „записки“, о которыхъ упоминають южнорусскіе историки XVII—XVIII вѣка, напр. Величко 2).

За краткими лѣтописями слѣдуютъ уже настоящіе историческіе труды, центральнымъ пунктомъ которыхъ были войны Хмельницкаго. Эти труды начаты были современниками и участниками самыхъ событій и сохранили печать народнаго одушевленія тѣхъ временъ; онѣ проникнуты горячею любовью къ родному краю и сознаніемъ вынесенной борьбы. Такова „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго“, изданная впервые Бодянскимъ 3) и чрезвычайно важная для исторіи этихъ войнъ. Какъ видно изъ самаго текста, авторъ ея жилъ и дѣйствовалъ отъ начала войнъ Хмельницкаго, быть можетъ, до послѣднихъ годовъ XVII вѣка, — такъ думаютъ потому, что съ этихъ годовъ рассказъ теряетъ описательную форму и переходитъ въ хронологическую перечень. Начало лѣтописи взято Самовидцемъ вѣроятно

1) Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Томъ I (небольшая книжка; 2-го не было). Кіевъ, 1856.

2) У Маркевича упоминается «Лѣтопись Малороссіи», собранная священникомъ кіевскаго флоровскаго монастыря, іеромонахомъ Максимомъ Нисифоровичемъ Плискою и доведенная до 1708. Автографъ ея былъ въ рукахъ Маркевича (Исторія Малор. V, стр. 10, 19, 40, 92). Не знаемъ, есть ли это короткая или обширная лѣтопись.

3) Въ «Чтеніяхъ» 1846. Бодянскимъ дано и названіе, для отличія отъ другихъ лѣтописей; въ самомъ сочиненіи есть только заглавія частныхъ отдѣловъ, напр. стр. 1: «Лѣтописецъ въ Малой Россіи прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ и при нихъ дѣйствій»; стр. 6: «Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго»; стр. 8: «Война самая, року 1648»; стр. 14: «Починается война Збаражская» и т. д. Нынѣ готовится другое изданіе Самовидца Кіевской Археогр. Комиссіей по новооткрытымъ спискамъ.

изъ другой украинской хроники ¹⁾. Другой капитальный трудъ для исторіи козацкихъ войнъ есть лѣтопись Самуила Величка, о которомъ извѣстно лишь, что онъ служилъ въ канцеляріи войска Запорожскаго, а изъ его труда видно, что это былъ горячій патриотъ, для котораго Украина—родная мать: „матка наша Малая Россія“ (II, 18, 32, 34, 36), Хмельницкій — Моисей, ниспосланный вывести Украину изъ польской неволи (I, 31). Величко писалъ не только личныя воспоминанія, но предпринялъ нѣчто въ родѣ ученой исторіи, пользовалъ козацкими „кроничками“ и другими писателями, домашними и чужими. Лѣтопись его есть драгоцѣнное собраніе историческихъ извѣстій, писемъ и официальныхъ документовъ ²⁾.

Самуиль Зорка, которымъ пользовался Величко,—современникъ Хмельницкаго, но трудъ его нынѣ неизвѣстенъ. Родомъ съ Волыни, Зорка былъ сначала въ Запорожскомъ войскѣ „писаремъ“ (т.-е., какъ объясняютъ по нынѣшнему, правителемъ дѣлъ при военномъ штабѣ) и въ продолженіе войны съ Поляками „о всѣхъ рѣчахъ и поведеніяхъ совершенно вѣдалъ, и досконально и пространно въ Діаріушѣ своемъ оніе описалъ“ ³⁾. У Велички сохранилось надгробное слово Хмельницкому, которое написалъ Зорка. Далѣе, къ замѣчательнѣйшимъ южнорусскимъ лѣтописямъ принадлежитъ трудъ Григорія Грабянки (ум. 1730), писателя столь же безпристрастнаго и свѣдущаго, какъ Величко, и челоуѣка ученаго. О біографіи его извѣстно только, что въ 1723 ѣздилъ онъ съ порученіями Полуботка въ Петербургъ, что въ 1729, по ходатайству гетмана Данила-Апостола, пожалованъ былъ отъ Петра II гадячскимъ полковникомъ. Его историческій разсказъ простирается отъ древнихъ временъ до избранія гетмана Ско-

¹⁾ Въ 6—кѣ Моск. Общества Ист. и Древн. есть великорусскій переводъ Самовидца, съ любопытными добавленіями, сдѣланный, вѣроятно, въ прошломъ столѣтіи.

²⁾ Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ, составилъ Самойлъ Величко, 1720. Издана Временной Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1848, 1851, 1855, 1864; 4 тома. Заглавіе разсказа о Хмельницкомъ у самого Велички слѣдующее: «Сказаніе о войнѣ козацкой зъ Поляками, чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкаго, гетмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтахъ точившейся.. Отъ авторовъ: Нѣмецкаго—Самуила Пуфендорфія, Козацкаго—Самуила Зорки, и Польскаго—Самуила Твардовскаго, войну тую въ книзѣ своей, Война Домова названной, вѣршомъ Полскимъ описавшого. Нынѣ же вкратцѣ стилемъ гисторичнымъ и нарѣчїемъ малороссійскимъ справленое и написанное тшанїемъ Самоила Величка, канцеляриста негдїсь войска Запорожскаго. Въ селѣ Жукахъ, уѣзду Полтавскаго. Року 1720». Въ числѣ источниковъ Величка былъ также польскій Діаріушъ Околяскаго. Рукопись Сказанія украшена портретами гетмановъ, отъ Хмельницкаго до Мазепы. Упомянутое о «кроничкахъ»—въ предисловіи, также III, 13, 516. Но у Величка недостаетъ трехъ важныхъ годовъ 1649—51.

³⁾ Величко, I, 54. Зорка сообщаетъ, между прочимъ, важное извѣстіе, что послѣ присяги козаковъ царю Алексію на Переяславской радѣ, 1654, московскіе бояре дали отъ имени царя клятвенное обѣщаніе, что онъ будетъ держать Малую Россію подъ своимъ покровительствомъ при ненарушаномъ сохраненіи всѣхъ ея древнихъ правъ, охранять войсками и помогать казною отъ всякихъ непріятельскихъ нападѣній. Величко I, 173; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, 3-е изд., 1870, III, 134—135.

ронадскаго, 1709; но главный предмет опять — времена Хмельницкаго ¹⁾. Какъ видно по самому заглавію книги, Грабянка могъ бесѣдовать съ современниками и сподвижниками знаменитаго гетмана, который является здѣсь идеализированнымъ національнымъ героемъ. Наконецъ, Грабянка уже вводитъ ученые разсужденія о древней исторіи козаковъ, которыхъ производитъ отъ Козаръ ²⁾.

Все названные писатели писали обычнымъ языкомъ южнорусскихъ книгъ конца XVII и начала XVIII вѣка, представлявшимъ, въ различныхъ дозахъ, смѣсь церковно-славянскихъ и отчасти польскихъ элементовъ съ чисто народными. Съ XVII вѣка, съ развитіемъ кievской книжности и учености начинаются и попытки систематическаго изложенія исторіи. Такой опытъ представляетъ „Патерикъ“ Сильвестра Коссова (ум. 1657, митрополитомъ кievскимъ), изданный на польскомъ языкѣ въ Кіевѣ 1635, но въ особенности „Хроника“ Феодосія Сафоновича, съ 1665 игумена одного изъ кievскихъ монастырей. Его хроника до 1290 заимствована изъ Кievской и Волынской лѣтописи, затѣмъ слѣдуютъ отрывочныя извѣстія о послѣдующихъ русскихъ событіяхъ, наконецъ короткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго. Въ подобномъ стилѣ старой лѣтописной компіляціи или хронографа составлена обширная лѣтопись, которую написалъ черниговскій монахъ Леонтій Боболинскій, въ 1699: „Лѣтописецъ, сій есть Кроника зъ розныхъ авторовъ и историковъ многихъ“ и пр. Это нѣчто въ родѣ хронографа, съ сотворенія міра до начала XVII столѣтія, — собраннаго изъ Библии, латинскихъ, греческихъ и польскихъ историковъ, литовскихъ хроникъ, Нестора, Четь-Минеи и проч. и писаннаго языкомъ очень близкимъ къ народному ³⁾. Собственно для южнорусской исторіи здѣсь найдется немного; но есть отдѣльныя важныя извѣстія и документы. Языкъ Боболинскаго очень близокъ къ народной рѣчи ⁴⁾. Но наиболѣе извѣстнымъ историческимъ произведеніемъ этого времени былъ „Синописисъ“, обыкновенно приписываемый Иннокентію Гизелю (ум. 1684): „Синописисъ“ составленъ по Сафоновичу съ новыми дополненіями; онъ конечно не-

¹⁾ Лѣтопись Григорія Грабянки Изд. Врем. Комм. Кіевъ 1854. [Собственное заглавіе автора. «Дѣйствія презлѣной и отъ начала Поляковъ кравшой небывалой брани Богдана Хмельницкаго, гетмана Запорожскаго, съ Поляки..., зъ розныхъ лѣтописцовъ и изъ діаріуша, на той войнѣ писанного, въ градѣ Гадячу трудомъ Григорія Грабянки собранная и самобитныхъ старожиловъ свѣдѣтельства утвержденная. Року 1710». Ср. Костомарова, Б. Хмельницкій, 3-е изд. I, стр. V, № 22 (2)

²⁾ Со времени гетмансва Брюховецкаго, Грабянка очень сходенъ съ Самовидцемъ, такъ что трудно рѣшить, кто у кого заимствовалъ.

³⁾ Извлеченія изданы при Лѣтописи Грабянки, стр. 273—327.

⁴⁾ Здѣсь же находится «Короткое собраніе Кроники Литовской»: это — та «Литовская Хроника» неизвѣстнаго автора XVI—XVII в., которая издана Нарбуттомъ въ *Pomniki do dziejów litewskich*, Wiln. 1846. Боболинскій внесъ ее съ небольшими дополненіями, и измѣнивъ отчасти языкъ.

удовлетворителенъ какъ исторія: но чѣмъ была книга въ свое время. видно изъ того, что, „Синописисъ“ надолго остался учебникомъ русской исторіи, и не былъ совсѣмъ удаленъ даже книгами Ломоносова. Первое изданіе его явилось въ 1674, послѣднее въ 1836 году ¹⁾.

Не станемъ перечислять другихъ памятниковъ южнорусской исторіи, отчасти изданныхъ, отчасти остающихся въ рукописи и гдѣ главный пунктъ составляетъ опять эпоха Хмельницкаго ²⁾. О болѣе позднихъ трудахъ XVIII вѣка упомянемъ далѣе.

Наконецъ, южнорусская литература представила и свою книжную поэзію. Какъ вообще эта литература, возникая изъ собственной потребности образованія, ближайшій примѣръ имѣла въ латино-польской литературѣ, такъ послѣдняя дала образцы и въ «стихотворствѣ». Въ тѣ вѣка, въ школахъ еще сильно было господство кухонной латыни и латинскаго стихотворства; къ латинскимъ образцамъ присоединялись польскіе, и не удивительно, что у книжниковъ Западной и Южной Руси распространились и латынь и плетеніе „виршей“ (versus) въ польской формѣ силлабическаго стиха, совсѣмъ не свойственной русскому языку, да тяжелой и въ самомъ польскомъ. При основаніи школъ, писаніе виршей стало еще обильнѣе, потому что вошло въ правило, въ курсъ преподаванія. Рѣдная книга обходилась безъ стихотворнаго посвященія, надписи къ гербу; стихи писались по всевозможнымъ торжественнымъ случаямъ. Въ XVII — XVIII стол. школьники писали стихи на праздники, особливо на рождество и пѣли ихъ по домамъ богатыхъ и достаточныхъ людей, за что получали подарки, или передъ народомъ. Старѣйшія извѣстныя „вирши“, кажется, не идутъ далѣе конца XVI вѣка; въ XVII встрѣчаемъ уже отдѣльныя изданія стиховъ, какъ „Вѣрші“ на Рождество Христово (Львовъ, 1616): „Вѣрші“ Кассіана Саковича (Кіевъ, 1622) на погребеніе гетмана Сагайдачнаго, посвященія „Войску Запорожскому“ ³⁾; „Евхаристиріонъ, албо вдячность“, сборникъ благодарственныхъ стихотвореній, поднесенныхъ учениками Кіевской коллегіи Петру Могилѣ (Кіевъ 1632) и т. д. Половина книгъ Кирилла Транквилліона „Перло Многоцѣнное“ (Черниговъ, 1646) состоитъ изъ стихотвореній въ похвалу Троицы, Богородицы, ангеловъ, святыхъ и пр. Писатели виршей отзывались и на событія козацкихъ войнъ; нѣсколько пьесъ издано было въ послѣднее время по старымъ текстамъ ⁴⁾. Но гораздо больше разрослось виршеписаніе чисто реторическое и ремесленное.

¹⁾ Пекарскій. Наука и Литер. I, 317.

²⁾ Они отчасти перечислены у Костомарова, Богд. Хмельн. I, стр. III—XIII.

³⁾ Эти вирши повторены въ изданіи «Историч. Пѣсенъ Малорусскаго народа», Антоновича и Драгоманова, Т. II, вып. 1, стр. 127—135.

⁴⁾ См. Костомарова. Богд. Хмельницкій, т. III, и «Историч. Пѣсни», II, 1, стр. 135—144.

Изъ многихъ примѣровъ приведемъ одинъ: упомянутый выше Іоаннъ Максимовичъ написалъ стихотвореніе „Богородице, дѣво радуйся“, въ которомъ было до 25.000 силлабическихъ стиховъ. Такимъ образомъ до Геркулесовыхъ столбовъ было дойдено. Последняя судьба виршей была та, что онѣ еще долго оставались обычаемъ бурсы, а иные стали достояніемъ народныхъ пѣвцовъ, вошедши въ число народныхъ духовныхъ стиховъ и кантовъ ¹⁾. Но прежде чѣмъ забыться совсѣмъ, силлабическіе стихи вошли и въ русскую литературу, были поэтической формой Кантемира, а слово „вирши“ осталось въ языкѣ какъ обозначеніе плохаго и грубаго стихоплетства.

Изъ того же латино-польскаго источника южнорусскіе книжники переняли духовную драму или *мистерію*. Элементарной формой ея были вертепныя представленія, съ куклами, причемъ или говорились рѣчи отъ лица отдѣльныхъ фигуръ, или читались вирши: любимыми тѣмами вертепныхъ представленій были Поклоненіе вохвовъ, Бѣгство въ Египтъ, Смерть Ирода и т. п. Сначала пьесы строго держались своей тѣмы, но потомъ въ нихъ проникъ бытовой и комическій элементъ. Одну вертепную драму такого рода, съ комическими сценами изъ народныхъ нравовъ, на церковно-славянскомъ и южнорусскомъ языкѣ, относятъ ко временамъ гетманства Сагайдачнаго ²⁾.

Духовная драма принята была вмѣстѣ съ книжно-схоластическимъ стилемъ литературы и оставалась спеціальной принадлежностью школы; преподаватели реторики и шиттики должны были ежегодно написать драматическую пьесу, которая и представлялась во время лѣтнихъ рекреаций. Вмѣстѣ съ схоластической наукой, мистерія перешла въ Москву. Въ числѣ первыхъ мистерій южнорусскаго происхожденія, представленныхъ въ Москвѣ, считаются: „Алексѣй, человѣкъ Божій“—передача извѣстной легенды; „Іосифъ, сынъ Израилевъ“; „Жалостная, комедія объ Адамѣ и Евѣ“. Два писателя, которые были тогда посредниками между Южной Русью и Москвой, были также и авторами мистерій: Симеонъ Полоцкій написалъ двѣ пьесы— „о блудномъ сынѣ“ и „о Навуходносорѣ и о тріехъ отрокахъ, въ печи сожженныхъ“; Димитрій Ростовскій, который вообще сохранилъ въ своей дѣятельности много южнорусскаго, и напр., свой „Діарій“ или дневникъ писалъ на южнорусскомъ языкѣ, написалъ цѣлый рядъ пьесъ: „Грѣшникъ кающійся“, „Эсѡпъ и Агасферъ“, „Рождество Христово“ и пр. ³⁾.

¹⁾ См. большое число ихъ у Безсопова. Калѣки переходже.

²⁾ Она издава Н. Маркевичемъ: Обычай и повѣрья Малороссіяны. Кіевъ, 1860.

³⁾ О духовной драмѣ см. вообще: «Древн. Росс. Византизму», Павликова, ч. VIII (драмы Полоцкаго); Пекарскаго. Наука и Литер. т. I: Тихонравова, Лѣтописи рус. литер. и древности, т. III—V. Тихонравовымъ приготовлено цѣлое планіе старинныхъ пьесъ, выходъ котораго ожидается.

Одна изъ любопытнѣйшихъ пьесъ старой южнорусской драмы есть: „Милость Божія, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидъ людскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго и пр. свободившая“, которая была представлена „въ школахъ кievскихъ въ 1728 г.“¹⁾ Пьеса приписывается обыкновенно Теофану Прокоповичу, но, можетъ быть, во все ему не принадлежитъ. Извѣстны еще драмы въ родѣ мистерій Варлаама Лящевскаго, Георгія Конисскаго и пр.

Но наиболѣе живую часть старой драмы составляютъ такъ называемыя „интерлюдіи“ или интермедіи, пьесы, которыя давались вмѣстѣ съ мистеріями и служили для отдыха и развлеченія зрителей. Интерлюдіи не представляютъ цѣльныхъ пьесъ; это—рядъ сценъ и разговоровъ, связанныхъ не сюжетомъ, а только комическою цѣлью. Насколько мистерія своимъ церковнымъ сюжетомъ была вынуждена оставаться отвлеченно-книжной и бытовья черты проникали въ нее лишь нѣсколькими случайными подробностями, настолько интерлюдія была открыта для бытовыхъ изображеній. До сихъ поръ издано или указано еще немного такихъ произведеній. Комическія лица взяты изъ народной жизни, русской и малорусской: раскольникъ, подъячій, пономарь, гаеръ, молодки, цыганъ, жидъ; одни лица говорятъ по-русски, другія по-украински; прибавляется и польскій шляхтичъ,—какъ напр., въ указанной выше вертепной драмѣ, изданной Маркевичемъ.

Обязанность поставлять пьесы для представлений, какъ замѣчено выше, лежала на учителяхъ пѣтики и реторики. Одинъ изъ такихъ учителей, Довгалевскій, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, написалъ нѣсколько пьесъ, гдѣ опять встрѣчаются Русскіе, Поляки, Украинцы; типы нарисованы грубо, но съ желаніемъ передавать дѣйствительность; козакъ поетъ пѣсню, безъ правильного размѣра, но съ нѣкоторыми слѣдами народныхъ мотивовъ²⁾.

Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія еще продолжалось литературное развитіе, ясныя начала котораго лежать въ XVI вѣкѣ и даже раньше. Присоединеніе къ Москвѣ было и выгодно и невыгодно для южнорусскаго развитія, и въ литературномъ, какъ въ политическомъ смыслѣ: малорусскія силы стали дѣйствовать въ средѣ цѣлаго племени, которому несомнѣнно принесли много важной пользы; для *государства*, въ цѣломъ, открывалась болѣе широкая историческая перспектива, но мѣстная народность стала въ пассивное положеніе и понесла различный ущербъ, отчасти неизбежный, отчасти напрасный. Здѣсь не мѣсто опредѣлять политическія отношенія при-

¹⁾ Издана Максимовичемъ въ «Чтеніяхъ» и перепечатана при «Истор. Пѣсняхъ».

²⁾ Тихонравовъ, Лѣтописи, III—V; Пекарскій, Наука и Литер., т. I; Труды Кіевской Акад. 1865, кн. 2.

соединенной Малороссіи, и мы коснемся ихъ лишь насколько они имѣли связь съ національно-литературнымъ движеніемъ.

Присоединеніе Малороссіи 1654 г. освободило отъ польскаго господства только одну часть Южной Руси; заднѣпровская и сѣверо-западная Русь надолго еще остались подъ властью польскаго панства и католичества; мало того, даже по раздѣлѣ Польши, русская народность присоединенныхъ тогда областей не получила признанія и была закрѣплена за прежними властителями; въ Галиціи она и совсѣмъ была заброшена подъ властью Польши и Австріи. Это могло быть необходимою, вызванною историческими обстоятельствами; но уже вскорѣ послѣ присоединенія открылось различіе во взглядѣ на національный южнорусскій вопросъ между московскимъ правительствомъ и гетманствомъ. Москва, по своимъ видамъ, не настаивала на томъ стремленіи, какое было у Южноруссовъ возвратить и другія земли, которыя еще оставались подъ Польшей. Съ политическимъ раздѣленіемъ южнорусская умственная жизнь, представлявшая столько любопытныхъ зародышей, раздвоилась и въ одномъ смыслѣ упала. Малорусскія силы болѣе и болѣе сливались съ русскими и, оказавши здѣсь большія услуги, съ XVII вѣка и до половины XVIII, для общерусскаго образованія, все менѣе служили непосредственнымъ преданіямъ своего края; западный край и Галиція была лишены (все въ болѣе степені) той главной опоры, какою съ начала XVII вѣка представлялся для нихъ именно Кіевъ. Дѣйствіе русской, московской и петербургской централизаціи, отозвалось извѣстнымъ стѣснительнымъ образомъ на внутреннемъ бытѣ Малороссіи и должно было не совсѣмъ выгодно отразиться и на литературной жизни: прежняя эпоха, при всемъ произволѣ польскаго господства, оставляла мѣсто для самодѣятельности общества и народа; въ русской жизни эта самодѣятельность издавна была стѣснена и въ XVIII вѣкѣ подавлена еще болѣе, и это отражалось на мѣстной народности.

Съ другой стороны, противъ южнорусской исторіи и образованности выставляются разнообразныя обвиненія: по мнѣнію польскихъ историковъ народное движеніе XVI — XVII вѣковъ было только дикимъ бунтомъ хлоповъ противъ власти и порядка; нѣкоторымъ изъ историковъ русскихъ, въ томъ числѣ и важнѣйшихъ, козацкія войны (главнымъ образомъ, отъ участія козаковъ въ польскомъ нашествіи временъ междуцарствія) представлялись почти въ подобномъ родѣ, и казаки являются „искателями зипуновъ“; филологамъ южнорусскій языкъ казался „польско-русскимъ“ т.-е. неорганической мѣшаниной; южнорусская образованность кіевскихъ школъ — запоздалой схоластикой, гнетъ которой долго лежалъ на русской литературѣ: южнорусскіе ученые наполнили нашъ языкъ полонизмами; эта образованность слу-

жила духовенству и шляхетству. не вышла изъ потребностей народа, а потому „не могла развиться до самостоятельности и почти исчезла безъ слѣда“ и т. д. ¹⁾.

Не будемъ говорить о польскихъ историкахъ, которые руководились слишкомъ явнымъ національнымъ пристрастіемъ; довольно замѣтить, что польскіе писатели болѣе критической школы уже начинаютъ сами смотрѣть на прошедшее Польши иными глазами. Далѣе, исторія не можетъ оправдать козацкихъ набѣговъ на единоплеменное московское государство: но нельзя отождествлять козацкія шайки времени междуцарствія съ южнорусскимъ народомъ. Обвиненія противъ южнорусской образованности не менѣе странны: нѣтъ спора, что кievская ученость запоздала для второй половины XVIII вѣка, но чтобъ оцѣнить ее вѣрно, надо вспомнить ея историческое начало, а здѣсь, какъ выше указано, она была напротивъ чрезвычайно замѣчательнымъ фактомъ, тѣмъ болѣе заслуживающимъ признанія, что возникла именно инициативой общества, подъ давленіемъ чужого политическаго и религіознаго господства. Опредѣляя ея отношеніе къ русской жизни и просвѣщенію, надо брать не конецъ, а начало и цвѣтущую эпоху, а въ то время западная Русь и Кіевъ были неоспоримо выше Москвы: невѣжество, въ Москвѣ господствовавшее, отсутствіе училищъ поражали всякаго свѣжаго человѣка ²⁾; для основныхъ потребностей церкви, какъ полемика съ католицизмомъ, какъ установленіе догматики, работали гораздо больше въ несвободномъ Кіевѣ, чѣмъ въ свободной Москвѣ; Москва не понимала кievской учености и заподозривала ее; самого Никона винили въ латинствѣ за его расположеніе къ кievскимъ ученымъ; Москва представляла себя хранительницей вѣры, и однако въ концѣ концовъ заимствовала у тѣхъ же кievскихъ ученыхъ. Кievская схоластика, силлабическіе стихи, реторика были устарѣлы въ XVIII вѣкѣ, но были первымъ шагомъ для усвоенія европейскихъ, болѣе живыхъ литературныхъ формъ. Притомъ, схоластика имѣла свои спеціальныя церковно-школьныя цѣли; силлабическими стихами писалъ Кантемиръ; схоластическую реторику при-

¹⁾ Объ этихъ предметахъ велась цѣлая полемика между Костомаровымъ и Падальней, въ 1861. См. также Соловьева, Ист. России XIII. 49, 228 и слѣд.; Пелларскаго, Представители Кievской учености, Отеч. Зап. 1862. 4. 390—391 и др. (р. Филологич. Записки 1869, вып. II—III, 42—43. О новѣйшихъ взглядахъ г. Кулиша упомянуто далѣе.

²⁾ Фактъ такъ извѣстенъ, что излишне собирать свидѣтельства; припомнимъ лишь нѣкоторыя, напр. слова Паисія Лигарида, который пораженъ былъ въ Москвѣ отсутствіемъ училищъ; слова Дмитрія Ростовскаго, что тамъ «небрежено сѣяніе, велики оставися слово божіе», т.-е. разумное церковное ученіе, при всей крайней ревности къ обрядовому благочестію; жалобы Посожкова на пресвитеровъ, которые «не голько отъ лютеранской или римской ереси, но и отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ оправити себя»; извѣсныя свидѣтельства Котошихина; рассказы серьезныхъ иностранцевъ, какъ Флегчеръ, Осеарій и г. д. и т. д.

знавалъ еще Ломоносовъ. Въ ряду замѣчательнѣйшихъ сотрудниковъ Петра былъ Теофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ самыхъ характерныхъ представителей кievской учености... Если схоластика слишкомъ долго сохраняла свое вліяніе, то вина этого, какъ мы уже замѣчали, лежитъ не на Кіевѣ. а на слабой заботѣ государства о болѣе свѣжемъ образованіи; не вина стараго Кіева, что академія наукъ дѣйствовала въ слишкомъ тѣсномъ кругѣ, что первый университетъ надумали устроить только въ 1755, и т. д. Замѣчаніе, что южнорусская литература не могла развиться до самостоятельности отъ собственнаго безсилія и оттого, что не была дѣломъ народной потребности. очень произвольно: южнорусская литература, напротивъ, именно вышла изъ потребностей самого общества, выразившихся въ „братствахъ“; она развилась очень сильно и вовсе не исчезла безъ слѣда, а своей учено-церковной долей перелилась въ русскую литературу въ *обще рускомъ* интересѣ, и это составляетъ ея историческое право и заслугу, а не недостатокъ.

Въ такомъ отношеніи являлась южнорусская литература къ собственно-русской, московской литературѣ. Что при этомъ терялись специфическія южно-русскія черты, это объясняется очень просто. Это все-таки не было два разныхъ языка. Какъ ни различно образовывались двѣ отрасли русскаго корня, въ церковно-литературномъ употребленіи и въ Московской Руси, и на „Литвѣ“, и въ Южной Руси. хранилась церковно-славянская традиція: какъ въ Московской Руси литературный языкъ церковныхъ книжниковъ былъ старо-славянскій съ великорусскимъ оттѣнкомъ, такъ на Литвѣ и въ Южной Руси тотъ же старославянскій являлся съ оттѣнками бѣлорусскимъ и южнорусскимъ. Участіе мѣстнаго элемента въ литературномъ языкѣ, тамъ и здѣсь, было очень различно: въ книгахъ церковныхъ былъ наибольшій процентъ церковно-славянскаго языка, такъ что многія произведенія южнорусскія (постановленія соборовъ, посланія о церковныхъ дѣлахъ, богословскія сочиненія и т. п.) перѣдко почти совершенно свободны отъ элементовъ мѣстнаго языка; послѣдній напротивъ является преобладающимъ въ дѣловыхъ актахъ, политическихъ письмахъ, историческихъ сочиненіяхъ и т. д. При слияніи литературы южнорусской съ великорусскою, ихъ общій интересъ заключался именно въ книгахъ учено-церковныхъ, и они сошлись—вовсе не на великорусскомъ языкѣ, а на условномъ церковно-славянскомъ, а въ богословскихъ сочиненіяхъ даже на латини. Языкъ первыхъ силлабическихъ виршей, появившихся и въ Россіи, былъ такой же средній и условный. Первые начала повѣствовательной литературы русской были сдѣланы чрезъ посредство западныхъ и южныхъ книжниковъ... Но государственное значеніе великорусскаго языка, съ конца XVII в. все больше и больше устра-

няло малорусскій языкъ изъ официальной жизни, изъ управленія, быта высшихъ классовъ, наконецъ изъ письменности и книги — установилась цензура, принимались мѣры противъ „особаго нарѣчія“ и т. д. ¹⁾

Въ теченіе XVIII вѣка Малороссія подъ русскимъ государственнымъ вліяніемъ все болѣе теряла черты своего особеннаго общественнаго быта, какихъ имѣла много въ эпоху присоединенія; упраздненіе гетманства уничтожило послѣднюю тѣнь ея автономическаго устройства; введеніе (или сильное распространеніе) крѣпостнаго права при Екатеринѣ II уравнило малорусскій народъ съ безправнымъ положеніемъ русскаго крестьянства. Съ тѣхъ поръ Малороссія оставалось все больше превращаться въ русскую провинцію, терять народную старину и принимать русскіе нравы, языкъ, образованіе и наконецъ литературу. Высшіе классы и принимали ихъ. Съ XVIII вѣка Малороссія дала русской литературѣ много писателей, сначала особенно духовныхъ, потомъ и свѣтскихъ; малорусскій языкъ дѣлался мѣстнымъ нарѣчіемъ; правда, онъ еще жилъ, не говоря о народѣ, и въ мелкомъ и среднемъ панствѣ, но ему повидимому уже не предстояло будущаго. Для образованныхъ людей болѣе широкія литературныя стремленія были теперь возможны только на русскомъ языкѣ — томъ, на которомъ говорило правительство, администрація, образованное русское общество, русская литература, — которому принадлежала единственная литературная публика: Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный работали исполнѣ для русской литературы. Одинъ изъ сильнѣйшихъ русскихъ писателей, Южноруссъ Гоголь, по широтѣ своихъ поэтическихъ замысловъ могъ быть только русскимъ писателемъ — языкъ родины не давалъ ему достаточнаго поприща.

Казалось, малорусское нарѣчіе теряло всякую будущность. Но въ эпоху славянскихъ возрожденій, съ конца прошлаго вѣка, и для него открылась новая пора развитія.

Когда въ эту эпоху возникла первая попытка малорусскаго нарѣчія войти въ литературу, различіе между нимъ и господствовавшимъ въ книгѣ русскимъ языкомъ была уже такъ велика, что единство представлялось невозможнымъ: для него требовалась особая литература. Въ нашей литературѣ этотъ фактъ сначала мало обратилъ на себя вниманія, потомъ возбудилъ различныя недоумѣнія, — откуда взялось это нарѣчіе, и гдѣ его право? Мы видѣли выше, какъ исторически развивалась разница русскихъ нарѣчій, первые признаки которой замѣчаютъ еще въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ; въ періодъ

¹⁾ Ср. синодальный указъ 1721 г. (слѣд. вскорѣ же по учрежденіи Синода), у Пекарскаго, II, 670.

отдѣльной жизни южнорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII вѣкахъ, она была уже значительна, но когда, съ XVII вѣка, кievская книжность сливалась съ великорусской, онѣ сходились на нейтральной почвѣ церковно-славянскаго языка. Между тѣмъ, нить литературнаго развитія южнорусскаго языка въ домашнихъ произведеніяхъ не прерывалась, его давнія особенности продолжали развиваться, и когда новыя литературныя попытки начались именно на чисто-народномъ языкѣ, его отдаленіе отъ великорусскаго должно было тѣмъ больше броситься въ глаза, что въ самомъ великорусскомъ литературномъ языкѣ со временъ Ломоносова шло постоянное стремленіе освободиться отъ церковно-славянскихъ примѣсей и основаться на чисто-народномъ. Такимъ образомъ къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ, когда русскій литературный языкъ сталъ окончательно и спеціально великорусскимъ, появленіе южнорусскаго чистаго языка было встрѣчено съ недоумѣніемъ. Филологи стараго склада, какъ Гречъ, утверждали просто, что „малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ юго-западной Россіи и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ“¹⁾. Позднѣе, Погодинъ, въ спорѣ съ Максимовичемъ, совершенно отвергалъ присутствіе малорусскаго племени на югѣ въ періодъ до-татарскій, и Кіевлянъ называлъ Великоруссами. Наконецъ, вопросъ поставленъ былъ научнымъ образомъ: Шафарикъ категорически заявилъ, что въ южнорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ дѣло съ такимъ же самобытнымъ нарѣчіемъ, какъ другія главнѣйшія славянскія нарѣчія, и послѣдующія изысканія компетентныхъ филологовъ, какъ Миклошичъ, Лавровскій, Потєбня, Житецкій вывели вопросъ изъ произвольныхъ толкованій къ его дѣйствительному фактическому значенію.

Въ послѣднія десятилѣтія, когда южнорусскіе литературные интересы особенно выросли, поднять былъ вопросъ о самомъ правѣ существованія малорусской литературы. Она встрѣтила ожесточенныхъ противниковъ, которые, называя южнорусскій языкъ мѣстнымъ провинціализмомъ, литературное развитіе его находили не только бесполезнымъ, но вреднымъ; отвергали его какъ насильственное стараніе создать литературу, въ которой народъ не чувствовалъ надобности, и видѣли въ этомъ стремленіи къ розни, „сепаратизмъ“, не безопасный и въ политическомъ отношеніи... Защитники, указывая на отдѣльность южнорусской народности, которая есть фактъ, доказывали ея право и съ общей точки зрѣнія, и въ смыслѣ практической необхо-

1) Опытъ исторіи русск. литер. Свб. 1822, стр. 12. Объ этомъ Бодянский, въ Учен. Зап. Моск. Унив. 1835, ч. IX; Житецкій, Очеркъ звук. исторіи, 4. Польскіе писатели настаивали именно на томъ, что южнорусскій языкъ есть областной польскій.

димости—такъ какъ отдѣльная народность имѣтъ нравственное право и потребность развивать свои особенности, и съ другой стороны русскій языкъ въ книгѣ пока еще непонятенъ для огромной массы южнорусскаго народа. Доказательство усиливалось тѣмъ особымъ обстоятельствомъ, что наша южнорусская литература могла бы и должна бы служить еще для нѣсколькихъ милліоновъ того же самаго племени, живущихъ въ Австріи — въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи и еще менѣе понимающихъ великорусскій книжный языкъ; для нихъ упраздненіе нашей малорусской литературы было бы прямымъ вредомъ ихъ національному дѣлу.

Чтобы вѣрно понять этотъ споръ, надо обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое однако оставалось обыкновенно не замѣченнымъ. Развитие южнорусской литературы есть только часть цѣлаго обширнаго факта, не признать котораго нѣтъ возможности — именно факта славянскаго возрожденія, смыслъ котораго есть инстинктивное влеченіе массъ и благородное стремленіе ихъ лучшихъ представителей развить и выразить внутреннія народныя силы, въ той формѣ, какая дана ихъ происхожденіемъ и исторіей, въ формѣ народной. Для цѣлаго ряда славянскихъ племенъ, пробужденіе народнаго чувства было спасеніемъ ихъ національности и основаніемъ ихъ новаго развитія; сущность этого движенія есть въ высшей степени человѣчное и человѣколюбивое стремленіе — возвысить нравственное сознаніе народовъ, открыть для нихъ возможность умственной жизни, доселѣ крайне ограниченной ¹⁾.

Историческое изученіе южнорусской литературы должно убѣдить безпристрастнаго наблюдателя, что она должна быть разсматриваема именно съ этой общей точки зрѣнія.

Въ теченіе XVIII-го вѣка происходилъ тотъ процессъ сліянія южнорусской образованности съ общерусской, о которомъ выше говорено: лучшія силы южной Руси, кіевскіе воспитанники, занимали высокія мѣста въ церковной и чиновной іерархіи ²⁾, и когда трудъ ихъ шелъ на служеніе общегосударственному дѣлу, естественно, что мѣстные элементы должны были терять, тѣмъ болѣе, что государство стремилось къ болѣе и болѣе централизаціи. Но народъ не только не могъ

¹⁾ Указываемъ, среди изложенія, на этотъ предметъ, потому что онъ составлялъ и составляетъ въ послѣдніа десятилѣтія основной пунктъ, на которомъ сосредоточиваются интересы южнорусской литературы и съ которымъ фактически связана ея судьба. Обстоятельство, на которое против нея опираются и ея русскіе противники, и нѣкоторые изъ западно-славянскихъ ученыхъ, состоитъ въ томъ, что южнорусская литература стоитъ въ сосѣдствѣ сильной русской литературы, которая-де обезпечиваетъ національный интересъ: но внутреннія отношенія русской литературы, къ сожалѣнію, еще не дають полнаго основанія къ такому соображенію.

²⁾ Первыхъ мы уже называли; изъ вторыхъ назовемъ Завадовскаго, Безбородку, Трошинскаго.

слиться съ великорусскимъ въ такое короткое время, но и доселѣ кажется нельзя замѣтить подобной тенденціи: рядомъ, два населенія остаются отдѣленными не только языкомъ, но правами, обычаями, всѣмъ характеромъ. Въ прошломъ вѣкѣ два народныхъ характера держались еще болѣе особнякомъ; въ мелкомъ и среднемъ дворянствѣ еще хранились преданія, любовь къ своему быту, свой малорусскій патриотизмъ; малорусскій языкъ держался даже у высокопоставленныхъ Малоруссовъ, которые попадали въ среду русско-французской аристократіи прошлаго вѣка. Разумовскіе, Безбородко, Завадовскій, Трошинскій сберегали теплое чувство къ обычаямъ и языку родины.

Малорусская литература, при всемъ наплывѣ великорусскихъ порядковъ и языка, въ теченіи XVIII вѣка представляетъ однако нѣсколько произведеній, которыя ходили въ свое время въ рукописяхъ, въ тѣхъ скромныхъ кругахъ, гдѣ не было большихъ литературныхъ затѣй, но хотѣлось слышать родной языкъ. Здѣсь ходили вертепныя драмы, слушались пѣсни и думы, наконецъ читались и тѣ тяжеловѣсныя силлабическія вирши, въ которыхъ было все-таки своенародное содержаніе и языкъ. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ проявленій своенароднаго интереса было распространеніе историческихъ трудовъ. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ выше историческихъ книгъ писались еще въ началѣ XVIII вѣка, и книги находили продолжателей, которые дополняли ихъ позднѣйшими фактами. Такъ, козацкія „кронички“ доводились до конца XVIII столѣтія. Послѣ Димитрія Ростовскаго, писавшаго по-малорусски свои ежедневныя записки, послѣ лѣтописи Грабянки и пр., не прерывается рядъ историческихъ сочиненій, иногда впрочемъ уже и на русскомъ (или смѣшанномъ) языкѣ, посвященныхъ специально Малороссіи. Яковъ Андр. Марковичъ, ученикъ кievской академіи и близкій къ Теофану Прокоповичу, ведетъ свои записки, 1718 — 1768, заключающія много любопытныхъ подробностей о переходной порѣ южнорусской исторіи ¹⁾. Къ 1722 относится „Діаріушъ“ или журналъ Николая Ханенка, старшаго канцеляриста войсковой канцеляріи. Потомокъ Запорожца и принадлежа къ роду, занимавшему важныя мѣста въ козацкомъ войскѣ, Ханенко учился въ кievской академіи, былъ при гетманѣ Скоропадскомъ старшимъ канцеляристомъ, вмѣстѣ съ генеральной старшиной былъ въ Петербургѣ, потомъ былъ наказнымъ полковникомъ, участвовалъ въ войнахъ и былъ предпоследнимъ генеральнымъ хорунжимъ ²⁾. Авторомъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ по исторіи Малороссіи былъ Петръ Ив. Симоновскій (ум. 1809, почти ста лѣтъ отъ

¹⁾ Дневныя записки Якова Марковича. М. 1859, съ портретами Марковича и его жены въ народныхъ костюмахъ.

²⁾ Чтенія Моск. Общ. 1847, I; 1858, I, Смѣсь.

роду): онъ учился въ кievской академіи, потомъ въ Варшавѣ, гдѣ самъ былъ учителемъ, потомъ, путешествуя за границей съ дѣтьми малороссійскаго генеральнаго подскарбія Гудовича, слушалъ лекціи въ Кёнигсбергѣ, Галле, Лейпцигѣ и пр., и вернувшись, составилъ свое „Описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ“¹⁾. Разсказъ (уже на русскомъ языкѣ, съ церковными архаизмами) доведенъ только до пріѣзда гетмана Разумовскаго въ Глуховъ, въ 1751; послѣдующаго времени онъ не хотѣлъ описывать, такъ какъ, судя по его послѣднимъ словамъ, тому времени не сочувствовалъ²⁾. Не менѣе важны труды объ украинившагося иностранца, Александра Ив. Ригельмана. Закинутый судьбой въ Малороссію, онъ такъ полюбилъ новую родину и такъ много работалъ для нея, что его нѣмецкое имя стоитъ въ ряду лучшихъ малороссійскихъ патріотовъ. „Такое чудное и единственное въ своемъ родѣ общество (какъ украинское)—говоритъ Бодянской — не могло не поразить юнаго, любознательнаго и просвѣщеннаго инженера. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, обличаютъ человѣка, хорошо сжившагося съ тѣми, кого описываетъ, и описываетъ въ высшей степени достоверно, подробно и безпристрастно“. Ему принадлежитъ нѣсколько историческихъ сочиненій: „Лѣтописное повѣствованіе“, начатое въ 1777 и потомъ дополненное до четырехъ томовъ; „Исторія о донскихъ козакахъ“, 1778, и др.; важно въ особенности первое³⁾. Ригельманъ много воспользовался Самовидцемъ и Грабянкой, и изъ послѣдняго многія мѣста взялъ цѣликомъ. Упомянемъ далѣе записки Чепы, географическіе и историческіе труды Шафонскаго, наконецъ знаменитаго архіепископа Бѣлорусскаго Георгія Конисскаго (1717 — 1795), ревностнаго защитника религіозныхъ и гражданскихъ правъ западно-русскаго народа, работавшаго и для его исторіи: но замѣчательнѣйшій трудъ, который считали его славою, „Исторія Руссовъ“, по всѣмъ вѣроятіямъ ему не принадлежитъ, о чемъ скажемъ далѣе.

Перечисленные труды, часто исполненные весьма разумно и съ

1) Подробное заглавіе: «Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и военныхъ его дѣлахъ, собранное изъ разныхъ исторій иностранныхъ, нѣмецкой—Вишенга, латинской—Безольди, французской—Шевалье, и рукописей русскихъ, чрезъ бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго, 1765 года». М. 1847 (изъ «Чтеній», 1847, № 2, IV не нумер. стр. и 159).

2) «Сколь ни великолѣпное и славное сего гетмана (Разумовскаго) какъ избраніе, такъ и вступленіе его на правленіе, а сверхъ сего и содержаніе всего напротивъ протчихъ гетьмановъ дому чрезъ всю бытность его было, что иныхъ во удивленію, а другихъ въ зависть приводило, столь окончаніе онаго гетьманскаго уряду Малой Россіи неполезное; но о семъ, такъ какъ и о всемъ житіи его и правленіи, оставляю потомнымъ вѣкомъ описаніе».

3) Оно издано Бодянскимъ: «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ и козакахъ вообще и пр. собрано и составлено чрезъ труды инженеръ-генераль-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1785—86 года». М. 1847 (изъ «Чтеній» 1847, кн. 5—9), съ 28 изображеніями Малороссіянъ разныхъ сословій въ народныхъ одеждахъ, и двумя картами.

большимъ знаніемъ, указываютъ, что въ малорусскомъ обществѣ живо сохранялось чувство своей личности. Чисто литературныхъ произведеній за это время извѣстно мало.

Таковъ былъ въ началѣ XVIII вѣка Климентій Зѣновіевъ, повидимому, не совсѣмъ доученный и не совсѣмъ монастырски строгій іеромонахъ временъ Мазепы. Рукопись его сочиненій, найденная не такъ давно, представляетъ большой сборникъ силлабическихъ виршей во вкусѣ XVII вѣка. Климентій начинаетъ философскими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ божіихъ, о смерти, затѣмъ пускается въ изображеніе и обличеніе дѣйствительной жизни, говоритъ о бытѣ разныхъ классовъ общества, монастыряхъ и церквахъ, о писаніи и письменныхъ людяхъ, наконецъ даже „о дѣвцахъ, дѣти рождающихъ“ и т. д. Такимъ образомъ, по содержанию, стихотворенія Климентія представляютъ пожалуй не безынтересный матеріалъ о малороссійской жизни того времени: это былъ человекъ бывалый и много видѣвшій, но его точка зрѣнія очень не высока, вообще это поклонникъ господствующаго сословія, и противъ него не осмѣливается направить своей сатиры. Въ поэтическомъ отношеніи стихотворенія Климентія ничтожны; это сборъ сухихъ школьныхъ описаній съ нравоучительными сентенціями. Малорусскій языкъ его изуродованъ силлабическимъ стихомъ и примѣсю польскаго и церковнославянскаго ¹⁾. Такъ какъ до сихъ поръ нашлась только одна рукопись этихъ стихотвореній, то можно думать, что Климентій и не заинтересовалъ ими своихъ соотечественниковъ. Но въ стихотвореніяхъ Климентія довольно наглядно отражается однако внутреннее состояніе Малороссіи въ первое время по присоединеніи. Народъ, освободившій родину, остался въ рабствѣ у высшаго сословія, которое думало только о собственномъ интересѣ. Малороссія теряла окончательно мѣстную автономію и въ управленіи, и въ общественности, и русскіе обычаи, языкъ, образованіе и литература замѣняли мало по-малу малороссійскую старину, сначала въ высшихъ классахъ, а за ними и въ другихъ сословіяхъ. Отличительныя черты племеннаго характера хранились только въ собственномъ народѣ, т.-е. низшемъ классѣ, но онъ не имѣлъ голоса въ общественной и официальной жизни, и вмѣстѣ съ нимъ малорусскій элементъ по необходимости становился на заднемъ планѣ. Простой народъ, презираемый во времена польскаго владѣнства, и теперь въ сущности стоялъ на той же ступени общественнаго права. Общество отдѣлилось отъ народа и смотрѣло на него какъ на что-то чужое и низшее, хотя само не далеко ушло въ образованіи и не понимало своего народно-общественнаго положенія.

¹⁾ Обширные отрывки изъ его книги приведены въ статьяхъ г. Кулиша, Русск. Бесѣда, 1859, и Основа, 1861, январь.

Этимъ объясняется, почему въ этомъ обществѣ могъ играть замѣтную роль и даже получить историческое значеніе такой странной челоувѣкъ, каковъ былъ Сковорода. Его дѣятельность и сочиненія показываютъ въ немъ столько семинарской схоластики и чудачества, что многимъ до сихъ поръ мудрено видѣть въ немъ что нибудь кромѣ юродства и схоластики,—между тѣмъ, малороссійскіе патріоты не сомнѣваются приписывать ему достоинство серьезнаго христіанскаго мудреца и народнаго дѣятеля.

Сковорода, Григорій Савичъ (1722 — 1794), сынъ простаго козака, а по другимъ сынъ священника, учился въ кievской академіи, попалъ здѣсь въ число малороссійскихъ пѣвчихъ, отправлявшихся въ придворную капеллу въ Петербургъ, возвратился потомъ на родину, изъ любознательности отправился путешествовать по Европѣ, гдѣ странствовалъ (пѣшкомъ) въ Польшѣ, въ Германіи и Италиі. Воротившись домой, онъ велъ жизнь странника; большей частью проживалъ у пріятелей и знакомыхъ и отказывался отъ всякихъ оффиціальныхъ мѣстъ, которыя стѣсняли его привычку къ простой, свободной жизни и любви къ природѣ. Пренебрегая всякимъ внѣшнимъ комфортомъ, онъ жилъ крайне бѣдно и мало по-малу сталъ бродячимъ философомъ. Онъ былъ, наконецъ, и писателемъ. Философія Сковороды состояла въ туманной мистической теософіи и морали. Сочиненія его, подъ разными вычурными заглавіями, состояли всего чаще изъ подобныхъ мистическихъ правоученій, писанныхъ большею частью схоластически-фигурнымъ и часто уродливымъ языкомъ. Его басни, „симфоніи“, „диалоги“, ходили по рукамъ друзей и знакомыхъ; его стихотворенія и пѣсни разошлись даже въ народъ черезъ слѣпцовъ и бандуристовъ. Подъ конецъ имя его стало знаменито по всей Украинѣ: для однихъ это былъ глубокой философъ и мудрецъ, для другихъ просто чудакъ и даже юродивый. На большинство онъ производилъ впечатлѣніе своимъ добровольно наложеннымъ аскетизмомъ,—чуждымъ, впрочемъ, аскетизму оффиціальному—и своей нравственной проповѣдью. Повидимому, онъ похожъ былъ на русскихъ масонскихъ моралистовъ, которые часто бывали сухими мистическими педантами, но тѣмъ не менѣе по своему возбуждали въ обществѣ извѣстное нравственное движеніе. Малорусскіе историки ставятъ Сковороду въ ряду своихъ общественныхъ дѣятелей, вмѣстѣ съ Каразинымъ, Котляревскимъ и Квиткой. Они опредѣляютъ его значеніе такимъ образомъ: „Сковорода составляетъ переходъ отъ міра былой козацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II-й, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ... Онъ бросаетъ схоластическую академію для странствованія за границей. Голыпшъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславѣ, въ Харьковѣ и въ Мо-

сквѣ удобства профессорства для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія онъ, современникъ Сѣчи и хаоса новаго общества, современникъ Гаркуши и бывлой неурядицы на Украинѣ, достоинъ полной признательности“¹⁾. По мнѣнію г. Костомарова, Сковорода былъ поборникомъ свободы въ сферѣ религіозной, нравственной, гражданской, терпѣлъ за то гоненіе и не уживаясь съ деспотизмомъ окружавшей его среды, обрекъ себя на скитальческую жизнь. Хаѣжество, низкопоклонство, угнетеніе слабыхъ, лѣнь барства, постоянно находили въ немъ смѣлаго обличителя. Въ извѣстной пѣснѣ „Всякому граду нравъ и права“ онъ громить и того, кто „для чиновъ углы панскіе третъ“, и пона безъ христіанской добродѣтели, и ханжупана, и всякаго „вишчого що нижчого гне, и дужого що недужого давить и жме“. Но мысль о достоинствѣ народа едва ли была для него ясна, по крайней мѣрѣ, она не ясно высказана. Главнымъ образомъ, пропаганда его была мистически-религіозная и нравственная, заходившая даже дальше предѣловъ, возможныхъ въ малороссійской жизни: онъ беретъ за философскіе вопросы, обличаетъ матеріалистовъ и т. п.

Сочиненія его не были собственно малорусскія, но малороссійская дѣйствительность стояла къ нему всего ближе и мѣстное нарѣчіе отчасти нашло въ нихъ мѣсто. Поэтому Сковорода можетъ быть названъ на ряду съ малорусскими писателями. Напечатаны далеко не всѣ сочиненія Сковороды: „Библиотека духовная“, Спб. 1798, 3 ч., изд. М. Антоновскимъ безъ имени автора; „Начальная дверь къ христіанскому добронравію“, въ Сіонскомъ Вѣстникѣ, 1806; „Убогій Жайворонокъ“, притча, М. 1837; „Басни Харьковскія“, М. 1837; „Брань архистратига Михаила съ Сатаною“, М. 1839; „Сочиненія въ стихахъ, Г. С. Сковороды“, Спб. 1860 и др. Остается кромѣ того много ненапечатанныхъ сочиненій, съ такими же ухищренными заглавіями, мистической моралью и тяжелымъ языкомъ²⁾.

Новѣйшіе защитники народнаго начала строго осуждали „народность“ писателя, которымъ собственно начинается новая малороссійская литература,—Котляревскаго. Иванъ Петровичъ Котляревскій (1769—1838) происходилъ изъ дворянскаго малороссійскаго рода, впрочемъ бѣднаго, учился въ полтавской семинаріи, гдѣ уже прослылъ стихотворцемъ, былъ потомъ домашнимъ учителемъ, служилъ въ гражданской и военной службѣ, и былъ наконецъ надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Онъ рано сталъ интересоваться народнымъ языкомъ, нравами и обычаями, и

¹⁾ Основа, 1862, сент. 70.

²⁾ О. Халявскій, въ Основѣ 1862, августъ, 1—39; сент., 39—96. Здѣсь перечислены подробно сочиненія Сковороды, изданныя и неизданныя; см. также «Основу» 1861, іюль. Въ примѣрѣ крайнихъ преувеличеній значенія Сковороды можно указать ст. Хиждеу въ «Телескопѣ» 1835. Ср. также Филарета, Обзоръ, II, 116—119.

знаніемъ малороссійскаго быта воспользовался въ своихъ произведеніяхъ. Свои литературныя попытки онъ началъ знаменитой *Енеидой*. Какъ говорятъ, онъ еще въ семинаріи принялся „перелицовывать“ *Виргиліеву* поэмѣ, и находясь въ военной службѣ, прославился своей пародіей, которая пошла по рукамъ въ спискахъ; потомъ она была много разъ издана. (*Енеида*, на малороссійскій языкъ перелицованная, 3 ч., Спб., 1798; потомъ 1808; 1809, 4 ч.; Харьковъ, 1842, 6 ч.). Поселившись въ Полтавѣ, Котляревскій былъ частымъ гостемъ у тогдашняго малороссійскаго военного губернатора Репнина, и для его домашняго театра написалъ „Наталку-Полтавку“ (1819) и „Москаля Чаривника“. Обѣ пьесы имѣли большой успѣхъ, и до сихъ поръ появляются на сценѣ. Сочиненія Котляревскаго пріобрѣли чрезвычайную популярность, которая сохранилась отчасти и до сихъ поръ. Это былъ первый писатель, заговорившій настоящимъ малороссійскимъ языкомъ; въ его поэмѣ было столько веселой шутки, что она и послѣ надолго осталась любимымъ чтеніемъ грамотнаго люда — стихи ея запоминались и обращались въ пословицы, пѣсни его пріобрѣтали извѣстность какъ народныя пѣсни. Котляревскій имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе по тому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ въ свое время; но малороссійскіе критики сильно расходились въ оцѣнкѣ его дѣятельности. Когда одни считали съ него начало малорусской литературы въ народномъ направленіи, первую попытку національнаго возрожденія, другіе болѣе строгіе находили въ его сочиненіяхъ только „органъ презрительнаго взгляда на простонародье и на все, во что оно простодушно вѣруеть и чѣмъ держится въ своей здоровой правдивности... Въ его перелицовой *Енеидѣ* собрано все, что только могли найти *пань* каррикатурнаго, смѣшнаго, нелѣпаго въ худшихъ образчикахъ *простолюдина*... Уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку... Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣднею пробою малороссійской народности, которая упала мало по малу до безсознательнаго состоянія; но ни что не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго“¹⁾. У добродушнаго Котляревскаго едва ли могли быть такія злостныя цѣли; его пародія была не угодливостью вкусамъ пановъ, а скорѣе отголоскомъ начавшейся оппозиціи старому классицизму и плодомъ простой шутки. „Пародія Котляревскаго, — говоритъ другой болѣе спокойный критикъ, — возымѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было ожидать отъ такого рода литературныхъ произведеній. На счастье Котляревскому, въ малорусской натурѣ слишкомъ много особеннаго, ей только свойственнаго юмора, и его-то вы-

¹⁾ Куляшъ, въ «Основѣ» 1861, I, 235 и слѣд.

вель Котляревскій на свѣтъ, желая позабавить публику; но этотъ народный своеобразный юморъ оказался, независимо отъ пародіи, слишкомъ свѣжимъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ¹⁾. Въ поэмѣ и въ драматическихъ пьесахъ Котляревскій удачно схватываетъ черты народныхъ нравовъ, и если рядомъ съ этимъ впадаетъ въ сантиментальность, которая на нашъ взглядъ преувеличена, а тогда была въ духѣ времени, какъ, напр., въ русской Карамзинской школѣ, то уже изъ этого можно видѣть, что для него народная жизнь не была однимъ поводомъ къ глумленію. Наконецъ, юморъ и сантиментальность Котляревскаго мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей, обращавшихся къ малорусскому народному быту: та же сантиментальность и поползновеніе къ шутовству у Основьяненко, Гребенки, въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголя. У самого Котляревскаго пропадаетъ шутовской характеръ, когда онъ вспоминаетъ въ той же Энеидѣ о прошедшихъ временахъ гетманщины,—времени національной автономіи²⁾.

Современникомъ Котляревскаго былъ Гоголь-отецъ (Вас. Аван.). Извѣстно изъ біографіи знаменитаго сына, что пьесы отца были одними изъ его первыхъ литературныхъ впечатлѣній: Гоголь-отецъ писалъ комедіи на украинскомъ языкѣ, которыя давались на домашнемъ театрѣ его родственника Трощинскаго, бывшаго министра, жившаго на покой въ Малороссіи. Отрывки изъ этихъ пьесъ были даны въ біографіи Гоголя, писанной Кулишомъ; затѣмъ отыскалась цѣльная пьеса „Простака“, съ тѣмъ же почти сюжетомъ, какъ „Москаль-Чаривникъ“, но написанная лучше и по языку, и по драматической постановкѣ, и по простотѣ. Но пьесы Гоголя-отца не были въ свое время изданы, и остались безъ другого литературнаго вліянія, кромѣ того впечатлѣнія, какое дѣлали они на Гоголя-сына; но ихъ можно отмѣтить какъ фактъ внутренней жизни южнорусской народности въ началѣ столѣтія³⁾.

Примѣръ Котляревскаго не остался безъ послѣдователей. Появились подражанія „Энеидѣ“, которыя ходили по рукамъ между любителями и приучали общество къ литературнымъ попыткамъ на малороссійскомъ языкѣ. Въ 1816 году основанъ былъ журналъ „Украинскій Вѣстникъ“ (прекрат. въ 1821), который, занявшись мѣстными малороссійскими интересами, занялся и малороссійской литературой. Здѣсь помѣстилъ свои первыя пьесы Петръ Петр. Артемовскій-Гулакъ, сочиненія котораго—первое замѣтное явленіе малороссійской литературы послѣ Котляревскаго. Артемовскій-Гулакъ (род. 1791 г., ум.

¹⁾ Костомаровъ, въ «Поэзіи Славянъ», 153.

²⁾ «Писанія И. П. Котляревскаго» (съ портретомъ и проч.). Слб. 1862, и критическія статьи въ Основѣ, 1861, январь и февраль; Собраніе сочиненій на малоросс. языкѣ. Кіевъ 1875, изд. 2-е.

³⁾ «Простака» напечатанъ Кулишомъ въ «Основѣ» 1862, февр. 19—43; здѣсь не указано, гдѣ и какимъ образомъ сохранилась рукопись пьесы.

въ половинѣ 1860-хъ годовъ) былъ сынъ священника въ кievской губерніи, учился въ кievской семинаріи и харьковскомъ университетѣ, послѣ въ этомъ университетѣ долго былъ профессоромъ русской исторіи, а съ конца сороковыхъ годовъ ректоромъ въ теченіи десяти лѣтъ. Артемовскій-Гулакъ напечаталъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ юмористическую пьесу „Панъ та Собака“, гдѣ въ разсказѣ о бѣдствіяхъ собаки, которая въ награду за все усердіе получаетъ одни побои и преслѣдованія, снова появляется тонъ шутки, но шутка клонится уже въ серьезную сторону, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ формѣ и языкѣ гораздо больше силы и свѣжести, чѣмъ было у Котляревскаго. Эта небольшая пьеса, по отзывамъ малорусскихъ критиковъ, занимаетъ тѣмъ болѣе высокое мѣсто, что выражала „болѣзненное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпѣвшаго произволь крѣпостничества“. Затѣмъ слѣдовали другія пьесы: „Солопій та Хивря, або горохъ при дорозі“; „До Пархима“, подражаніе Горацию; баллада „Твердовскій“; переводы изъ Горация, Гёте и проч. (изд. въ „Славянинѣ“ 1827 и въ „Утр. Звѣздѣ“ 1834); но всѣ эти вещи далеко уступаютъ его первому опыту. Какъ говорятъ, Артемовскій былъ большой талантъ и въ особенности рѣдкій знатокъ народнаго быта и нравовъ, и народной рѣчью владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, какъ ни одинъ изъ малорусскихъ писателей; но онъ не освободился отъ манеры Котляревскаго, и рано пересталъ писать; то, что онъ сталъ опять писать уже въ старости, было слабѣе прежняго. Повидимому, онъ и боялся выступить яснѣе въ томъ направленіи, котораго задатки у него были. Но хотя онъ написалъ немного и сочиненія его не были собраны, онѣ были чрезвычайно популярны, ходили въ рукописяхъ и заучивались на память. Позднѣе, литературные взгляды малорусскихъ писателей ушли дальше этой манеры, но Артемовскій-Гулакъ сохранилъ въ ихъ глазахъ извѣстное значеніе по мастерскому знанію языка, который у него силенъ и выработанъ¹⁾.

Болѣе непосредственно отнесся къ народной жизни писатель, въ которомъ можно видѣть переходъ къ новому періоду малорусской литературы, когда ея писатели понимаютъ свою задачу болѣе сознательно и ищутъ въ народѣ не однихъ предметовъ для шутки и балагурства, но и общественныхъ и бытовыхъ идеаловъ. Квитка, о которомъ мы говоримъ, дѣйствовалъ еще больше въ русской, чѣмъ въ малорусской литературѣ, но соотечественники давали и даютъ ему значеніе, котораго не признавала за нимъ русская критика.

Григорій Оедор. Квитка, въ свое время извѣстный больше подъ псевдонимомъ Основьяненка, изъ харьковскихъ помѣщиковъ (1778—1843), учился какъ училось тогда большинство помѣщичьихъ дѣтей

¹⁾ Кулишъ, въ Основѣ 1861, мартъ, 78—113, гдѣ приведены и его лучшія стихотворенія; Костомаровъ, въ «Поэзіи Славянъ», 159.

провинціи, т.-е. довольно плохо, безъ правильной школы; на двѣнадцатомъ году ему уже хотѣлось поступить въ монастырь, но его удержали; потомъ его отдають „въ полкъ“, оттуда онъ перешель въ гражданскую службу, потомъ опять въ военную, на 23-мъ году поступилъ наконецъ въ монастырь послушникомъ, гдѣ и оставался около четырехъ лѣтъ. Ему не понравилась потомъ и монастырская жизнь; онъ поселился дома и мало по-малу вошелъ въ общественную жизнь Харькова, гдѣ вслѣдствіе основанія университета началось нѣкоторое литературное движеніе. Здѣсь Квитка нашель себѣ дѣятельность; онъ хлопоталь о дворянскомъ клубѣ, театрѣ, институтѣ для дѣвицъ, былъ членомъ институтскаго совѣта, уѣзднымъ предводителемъ и т. п. Съ этой общественной жизнью началась и его литературная дѣятельность уже не въ молодыхъ лѣтахъ: онъ принималъ участіе въ литературныхъ вечерахъ и въ изданіи „Украинскаго Вѣстника“. Эта первая дѣятельность скроена была совершенно по манерѣ тогдашнихъ журналовъ и безчисленныхъ альманаховъ; это была невинная сатира и остроуміе. Съ 30-хъ годовъ начался рядъ его малороссійскихъ рассказовъ, которые и составили главнѣйшую литературную заслугу Основьяненка. Эти повѣсти, разбросанныя въ журналахъ и альманахахъ, появлялись обыкновенно и на малорусскомъ, и на русскомъ языкахъ, переведенныя имъ самимъ или другими, и собраны были Квиткой въ книжкѣ: Малорусскія повѣсти (М. 1834 — 37; Харьковъ 1841; изданіе П. Кулиша: „Повісті Григорія Квітки“, 2 ч. Спб. 1858). Кромѣ того Основьяненко написалъ нѣсколько пьесъ для театра, изъ которыхъ „Шельменко“ долго оставался популяренъ, и два нравоописательные романа: „Панъ Халаявскій“ и „Похожденія Столбикова“. Но существеннымъ результатомъ трудовъ Основьяненка остались его малорусскіе рассказы, изъ которыхъ лучшими считаются *Маруся*, *Сердѣина Оксана*, *Конотопська відьма*, *Козирь-дика* и *Щира любовь*. Русскимъ читателямъ повѣсти Основьяненка казались вообще чувствительными идилліями, его женскіе народныя характеры слишкомъ идеализованными, рассказъ манернымъ и болтливымъ, но его соотечественники до сихъ поръ сохранили о немъ то же выгодное мнѣніе, какое произвели повѣсти Основьяненка при своемъ первомъ появленіи: — правда, что для русскаго читателя не существовала прелесть языка, подкупающая Малоруссовъ. Въ русской литературѣ, которая начинала тогда ставить себѣ вопросы о внутреннихъ общественно-политическихъ отношеніяхъ, Основьяненко не производилъ благопріятнаго впечатлѣнія своимъ общественымъ пониманіемъ, когда брался за сатиру въ своихъ романахъ, или за поученіе народа въ „Листахъ до любезныхъ земляковъ“, — но изображеніе малорусской жизни и особенно малорусской женщины составляло особенную область, которую онъ могъ воспроизводить съ

(или не потому только), что не знали описываемаго имъ народа, но потому, что не находили его юмора, а также и общественнаго пониманія достаточно глубокимъ. Тѣмъ не менѣ Основьяненко несомнѣнно любилъ свой народъ и сочувственно рисовалъ его этнографическій бытъ и нравственныя черты. Потому онъ и сталъ ступенью отъ первыхъ начинателей малорусской литературы къ тому новому направленію, которое возникло въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Это послѣднее направленіе въ первый разъ возымѣло широкое понятіе о значеніи народной литературы, — хотя съ извѣстной постепенностью. Когда одни все еще ограничивались только инстинктивной любовью къ языку своего народа и повторяли на немъ немногосложныя тѣмы своего стихотворства, въ умахъ другихъ воскресали преданья тяжелаго и славнаго прошедшаго и казались залогомъ иного будущаго. Въ этомъ пунктѣ малорусской литературы становится очевидной та параллельность ея развитія съ обще-славянскимъ „возрожденіемъ“, о которой мы упоминали. Въ самомъ дѣлѣ, какъ у другихъ славянскихъ народовъ, такъ и здѣсь литература начиналась полусознательнымъ обращеніемъ къ народному языку и преданію; народность высказывалась невѣрными стремленіями, для которыхъ повидимому не было почвы. Чѣмъ дальше, тѣмъ эти стремленія дѣлаются сильнѣе, тѣмъ больше пробуждаютъ сочувствіе. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ малорусской литературѣ, хотя еще очень необширной, обнаруживаются всѣ особенности славянскаго возрожденія: во-первыхъ, усиленная литературная дѣятельность, усердное стихотворство и повѣствованіе на народномъ языкѣ, — отчасти повтореніе народныхъ мотивовъ, отчасти стремленіе передавать на народномъ языкѣ литературныя идеи высшаго порядка; во-вторыхъ, усиленный интересъ къ этнографическимъ изученіямъ; въ-третьихъ, столь-же сильный интересъ къ преданіямъ исторической жизни своего народа, и здѣсь — именно къ тѣмъ, которыя принадлежали спеціально новой южнорусской формаци, къ преданіямъ времени козачества и борьбы за національную свободу. Мы назвали имена малорусскихъ писателей того времени. Труды этнографовъ, какъ кн. Цертелевъ, Метлинскій, Бодянский, Срезневскій, Максимовичъ, Костомаровъ и другіе, будутъ приведены далѣе. Любопытно, что въ малорусской литературѣ повторилось и то оригинальное обстоятельство, какимъ сопровождалось литературное возрожденіе у Чеховъ: и здѣсь, вѣроятно вслѣдствіе торопливости возсоздать любимую старину, явились фальзификаты, въ видѣ цѣлаго ряда мнимо-старыхъ народныхъ „думъ“.

Отчасти къ разряду фальзификатовъ принадлежитъ упомянутая „Исторія Руссовъ“, — по крайней мѣрѣ по имени автора, которому она приписана. Она впрочемъ возвращаетъ насъ нѣсколько назадъ.

Исторія этой книги состоитъ вкратцѣ въ слѣдующемъ. „Исторія Русовъ или Малой Россіи“ съ именемъ Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго, давно (неизвѣстно однако, съ какаго именно времени) ходила въ рукописи между малорусскими патриотами. Въ 1846 она въ первый разъ явилась въ печати, изданная Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ“ и отдѣльной книгой. Въ предисловіи этой „Исторіи“, написаніе ея объясняется такъ. „Извѣстный ученостію и знатностію Депутатъ Шляхетства Малороссійскаго, господинъ Полетыка, отправляясь по должности Депутатства въ великую оную Имперскую Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную Исторію. Онъ относился о семь къ первоначальному учителю своему, Архіепископу Бѣлорусскому, Георгію Конисскому, который былъ природный Малороссіянинъ и долготѣнно находился въ Кіевской Академіи Префектомъ и Ректоромъ. И сей-то Архіерей сообщилъ господину Полетыкѣ Лѣтопись или исторію сію, увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ Могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, свосившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами Кіевской Академіи и разныхъ знатнѣйшимъ Малороссійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій Гетманъ Малороссійскій, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего Гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самыя журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что притомъ она вновь имъ пересмотрѣна и исправлена.—Господинъ Полетыка, сличивъ ее со многими другими лѣтописями Малороссійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею, всегда ея держался въ справкахъ и сочиненію по Комиссіи. Итакъ, Исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется должна быть достовѣрною“ и пр.

Бодянскій, печатая ее, не заявилъ относительно ея авторства никакихъ сомнѣній, и въ первое время и послѣ, многіе, хотя считали нѣкоторыя свѣдѣнія этой исторіи неточными, принимали авторство Конисскаго, и даже когда высказаны были сомнѣнія въ немъ, продолжали защищать его вѣроятность по извѣстному патриотизму и таланту Конисскаго ¹⁾. Сомнѣнія высказывалъ прежде другихъ, кажется, Максимовичъ; Костомаровъ утвердительно говоритъ, что Исторія приписана Конисскому ложно, и что она „переполнена выдумками“ ²⁾. Но произведеніе во всякомъ случаѣ замѣчательно: какова бы ни была ея чисто историческая цѣнность, оно чрезвычайно любопытно какъ памятникъ литературный. Исполненная извѣстнаго малорусскаго патрио-

¹⁾ Кромѣ прежнихъ историковъ Малороссіи, напр., также Филаретъ, Обзоръ, 1863, 122; Прыжовъ, въ Филол. Зап. 1863, II—III, 36—37.

²⁾ Въ Р. Старинѣ, 1877, т. XIX.

(или не потому только), что не знали описываемаго имъ народа, но потому, что не находили его юмора, а также и общественнаго пониманія достаточно глубокимъ. Тѣмъ не менѣ Основьяненко несомнѣнно любилъ свой народъ и сочувственно рисовалъ его этнографическій бытъ и нравственныя черты. Потому онъ и сталъ ступенью отъ первыхъ начинателей малорусской литературы къ тому новому направленію, которое возникло въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Это послѣднее направленіе въ первый разъ возымѣло широкое понятіе о значеніи народной литературы, — хотя съ извѣстной постепенностью. Когда одни все еще ограничивались только инстинктивной любовью къ языку своего народа и повторяли на немъ немногосложныя тѣмы своего стихотворства, въ умахъ другихъ воскресали преданья тяжелаго и славнаго прошедшаго и казались залогомъ иного будущаго. Въ этомъ пунктѣ малорусской литературы становится очевидной та параллельность ея развитія съ обще-славянскимъ „возрожденіемъ“, о которой мы упоминали. Въ самомъ дѣлѣ, какъ у другихъ славянскихъ народовъ, такъ и здѣсь литература начиналась полусознательнымъ обращеніемъ къ народному языку и преданію; народность высказывалась невѣрными стремленіями, для которыхъ повидимому не было почвы. Чѣмъ дальше, тѣмъ эти стремленія дѣлаются сильнѣе, тѣмъ больше пробуждаютъ сочувствіе. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ малорусской литературѣ, хотя еще очень необширной, обнаруживаются всѣ особенности славянскаго возрожденія: во-первыхъ, усиленная литературная дѣятельность, усердное стихотворство и повѣствованіе на народномъ языкѣ, — отчасти повтореніе народныхъ мотивовъ, отчасти стремленіе передавать на народномъ языкѣ литературныя идеи высшаго порядка; во-вторыхъ, усиленный интересъ къ этнографическимъ изученіямъ; въ-третьихъ, столь-же сильный интересъ къ преданіямъ исторической жизни своего народа, и здѣсь — именно къ тѣмъ, которыя принадлежали специально новой южнорусской формаци, къ преданіямъ времени козачества и борьбы за національную свободу. Мы назвали имена малорусскихъ писателей того времени. Труды этнографовъ, какъ кн. Цертелевъ, Метлинскій, Бодянский, Срезневскій, Максимовичъ, Костомаровъ и другіе, будутъ приведены далѣе. Любопытно, что въ малорусской литературѣ повторилось и то оригинальное обстоятельство, какимъ сопровождалось литературное возрожденіе у Чеховъ: и здѣсь, вѣроятно вслѣдствіе торопливости воссоздать любимую старину, явились фальзификаты, въ видѣ цѣлаго ряда мнимо-старыхъ народныхъ „думъ“.

Отчасти къ разряду фальзификатовъ принадлежитъ упомянутая „Исторія Руссовъ“, — по крайней мѣрѣ по имени автора, которому она приписана. Она впрочемъ возвращаетъ насъ нѣсколько назадъ.

Исторія этой книги состоитъ вратцѣ въ слѣдующемъ. „Исторія Русовъ или Малой Россіи“ съ именемъ Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго, давно (неизвѣстно однако, съ какого именно времени) ходила въ рукописи между малорусскими патриотами. Въ 1846 она въ первый разъ явилась въ печати, изданная Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ“ и отдѣльной книгой. Въ предисловіи этой „Исторіи“, написаніе ея объясняется такъ. „Извѣстный ученостію и знатностію Депутатъ Шляхетства Малороссійскаго, господинъ Полетыка, отправляясь по должности Депутатства въ великую оную Имперскую Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную Исторію. Онъ относился о семъ къ первоначальному учителю своему, Архіепископу Бѣлорусскому, Георгію Конисскому, который былъ природный Малороссіанинъ и долготѣно находился въ Кіевской Академіи Префектомъ и Ректоромъ. И сей-то Архіерей сообщилъ господину Полетыкѣ Лѣтопись или исторію сію, увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ каѳедральномъ Могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами Кіевской Академіи и разныхъ знатнѣйшимъ Малороссійскихъ монастырей, а наче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій Гетманъ Малороссійскій, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего Гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самыя журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что притомъ она вновь имъ пересмотрѣна и исправлена.—Господинъ Полетыка, сличивъ ее со многими другими лѣтописями Малороссійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею, всегда ея держался въ справкахъ и сочиненію по Комиссіи. Итакъ, Исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется должна быть достовѣрною“ и пр.

Бодянский, печатая ее, не заявилъ относительно ея авторства никакихъ сомнѣній, и въ первое время и послѣ, многіе, хотя считали нѣкоторыя свѣдѣнія этой исторіи неточными, принимали авторство Конисскаго, и даже когда высказаны были сомнѣнія въ немъ, продолжали защищать его вѣроятность по извѣстному патриотизму и таланту Конисскаго ¹⁾. Сомнѣнія высказывалъ прежде другихъ, кажется, Максимовичъ; Костомаровъ утвердительно говоритъ, что Исторія приписана Конисскому ложно, и что она „переполнена выдумками“ ²⁾. Но произведеніе во всякомъ случаѣ замѣчательно: какова бы ни была ея чисто историческая цѣнность, оно чрезвычайно любопытно какъ памятникъ литературный. Исполненная извѣстнаго малорусскаго патрио-

¹⁾ Кромѣ прежнихъ историковъ Малороссіи, напр., также Филаретъ, Обзоръ, 1863, 122; Прыжовъ, въ Филол. Зап. 1869, II—III, 36—37.

²⁾ Въ Р. Старинѣ, 1877, т. XIX.

тивизма, „Исторія“ отличается прекраснымъ, хотя немного архаическимъ, разсказомъ, построена на опредѣленной мысли, и можно признать отзывъ Филарета, что „многія картины страданій православія начертаны кистью великаго художника“. Оттуда же взялось это произведеніе? Къ сожалѣнію, этотъ любопытный вопросъ еще ждетъ своего изслѣдователя. Какъ мы сказали, книга ходила по рукамъ; по показанію Бодянского, есть ея списки русскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе, — и это надо отнести вѣроятно къ тому, что ея тенденціонный патріотизмъ вызывалъ сочувствіе въ читателяхъ. По мнѣнію новыхъ южнорусскихъ ученыхъ (передаемъ его по личному сообщенію одного изъ лучшихъ знатоковъ Южной Руси), „Исторія Руссовъ“ очевидно не была писана Конисскимъ, ни вообще духовнымъ его времени и не можетъ считаться достовѣрной фактической лѣтописью; по языку и стилю она принадлежитъ началу нашего столѣтія, а по духу — эпохѣ декабристовъ украинскаго происхожденія, когда либерализмъ Александровскихъ временъ искалъ себѣ мѣстныхъ опоръ въ исторіи Новгорода, Украйны и т. п., когда писались „Исповѣдь Наливайки“, „Войнаровскій“. Максимовичъ, принадлежавшій къ числу первыхъ распространителей „Исторіи Руссовъ“ (которую потомъ опровергалъ) и сообщавшій ее Пушкину, передавалъ потомъ, что всѣ слѣды, на какіе онъ нападалъ; разспрашивая о первыхъ рукописяхъ „Исторіи“, приводили его къ князю Репнину, который былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и какъ-то загадочно оставилъ эту должность. Максимовичъ подозрѣвалъ въ Репнинѣ, или лицѣ ему близкомъ, автора или передѣлывателя „Исторіи Руссовъ“. Дѣйствительно, „Исторія“ имѣетъ характеръ историческаго памфлета; авторъ или авторы ея не были особенно точны въ выборѣ источниковъ (это впрочемъ довольно понятно въ тогдашнемъ положеніи нашего историческаго знанія вообще); ихъ изложеніе напоминаетъ манеру древнихъ, или псевдодревнихъ, съ сочиненными рѣчами историческихъ лицъ; факты прилаживаются къ тенденціи, — но во всякомъ случаѣ авторы „выдумывали“ меньше; чѣмъ ихъ обвиняютъ: они много брали изъ старыхъ лѣтописцевъ, какъ Самовидецъ, Грабянка, но какъ теперь можно видѣть, брали много изъ устныхъ преданій, анекдотовъ, виршей, пѣсенъ, которыя ходили не только въ украинскомъ дворянствѣ, потомствѣ козацкой „старшины“, но и въ средѣ народа.

По своей тенденціи „Исторія Руссовъ“ чрезвычайно любопытна для исторіи малорусскихъ національныхъ взглядовъ. По отзыву Костомарова, она „вся проникнута духомъ полудворянскаго малорусскаго мѣстнаго патріотизма, недавно еще бывшаго въ модѣ въ средѣ малорусской публики“; по мнѣнію другихъ, патріотизмъ псевдо-Конисскаго былъ гораздо шире и именно близокъ къ русскому либера-

лизма эпохи декабристовъ; въ сложности, это были мечтанія о возстановленіи старой свободы, съ той же примѣсью дворянской, какая была у декабристовъ. Но, хотя „Исторія“ подвергается упрекамъ въ этомъ смыслѣ, она замѣчательна какъ проявленіе живого патріотическаго чувства, какъ произведеніе, закрѣпившее много устныхъ преданій; она питала любовь къ мѣстной родинѣ,—безъ которой развитіе общественныхъ массъ едва ли мыслимо.

Псевдо-Конисскій стоитъ такимъ образомъ въ связи съ тѣмъ интересомъ къ прошедшему, который обнаруживается уже очень сильно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Историческія воспоминанія оживляли настоящую дѣятельность, и прикрашивали прошедшее—времена „Гетманщины“ казались завидными временами народной свободы; любители-этнографы и археологи съ полу-наивнымъ патріотическимъ чувствомъ подправляли или просто сочиняли старыя пѣсни и думы о подвигахъ козачества и его вождей,—какія можно найти въ старыхъ изданіяхъ Максимовича и Срезневскаго (подобное есть даже въ изданіяхъ Кулиша). Старина была идеализирована, какъ во всѣхъ національно романтическихъ школахъ; слѣдъ этой идеализаціи проникъ и въ новое литературное поколѣніе.

Между тѣмъ обращеніе къ народности становилось болѣе и болѣе серьезнымъ, усиливается и такимъ же движеніемъ въ русской литературѣ, и вліяніями славянскаго возрожденія. Къ концу тридцатыхъ годовъ является названная выше триада замѣчательныхъ талантовъ, дѣятельность которыхъ — съ перерывомъ въ сороковыхъ годахъ — составляетъ крупнѣйшее явленіе послѣднихъ десятилѣтій.

Тарасъ Григор. Шевченко (25 февр. 1814—26 февр. 1861) есть замѣчательнѣйшая поэтическая сила всей южнорусской литературы. Принадлежа началомъ своей дѣятельности концу прежняго періода, Шевченко сталъ талантливѣйшимъ поэтическимъ представителемъ новыхъ стремленій южнорусской литературы. Шевченко родился крѣпостнымъ, въ имѣніи кіевскаго помѣщика Энгельгардта. На восьмомъ году онъ остался сиротой, прошелъ школу у приходскаго дьячка, бѣжалъ отъ его притѣсненій и побоевъ, хотѣлъ-было учиться у другого дьячка-малыра, наконецъ попалъ въ такъ-называемыя „козачки“. Въ 1832 баринъ, по неотступной просьбѣ Шевченка, законтрактовалъ его въ ученики къ цеховому живописныхъ дѣлъ мастеру въ Петербургѣ: Шевченко сталъ заниматься самоучкой рисованьемъ, познакомился съ однимъ художникомъ, который увидѣлъ его успѣхи и представилъ его конференцъ-секретарю академіи художествъ—съ просьбой помочь ему освободиться отъ его жалкой судьбы. Черезъ конференцъ-секретаря въ немъ принялъ участіе Жуковскій и дѣло было устроено: знаменитый Брюлловъ написалъ съ Жуковскаго портретъ, розыгранный по-

томъ въ лоттерей, и деньги послужили выкупомъ Шевченка. Это было 22 апрѣля 1838. Съ того же года онъ сталъ посѣщать классы академіи художествъ, гдѣ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Брюллова; въ 1844 онъ получилъ званіе свободнаго художника и отправился въ Малороссію искать новаго содержанія для своей живописи и для своей поэзіи.

Въ 1840 вышло первое собраніе стихотвореній Шевченка, „Кобзарь“, и съ тѣхъ поръ его положеніе въ малорусской литературѣ прочно установилось. Онъ признанъ былъ (и остался доселѣ) сильнѣйшимъ южнорусскимъ поэтомъ. Эти первыя произведенія обнаружили въ немъ глубокое поэтическое чувство народной жизни, проходившей предъ нимъ съ ея горемъ и трудами, мрачно-героическими историческими воспоминаніями и съ надеждами. „Гайдамаки“, 1841, понравились меньше, какъ и другія пьесы, явившіяся въ тѣ годы въ „Ластовкѣ“, „Маякѣ“ и „Молодикѣ“, альманахѣ Бецкаго... Несмотря на то, что въ дѣятельности его, какъ сейчасъ скажемъ, произошелъ перерывъ, его стихотворенія всегда сохранили популярность смѣлаго поэтического слова.

Въ Малороссіи съ Шевченкомъ случилась большая бѣда. „Неудивительно,—говоритъ Костомаровъ,—что живя и дѣйствуя въ періодъ строжайшаго сохраненія существующаго порядка, малорусскій поэтъ, дерзнувшій открыть завѣсу тайника народныхъ чувствъ и желаній и показать другимъ то, что гнетъ и страхъ пріучили каждаго закрывать и боязливо заглушать въ себѣ, осужденъ былъ судьбою на тяжелыя страданія, которыхъ отголоски рѣзко отозвались въ его произведеніяхъ“. Въ 1847, онъ подпалъ обвиненію въ одно время съ обвиненіемъ противъ Костомарова и Кулиша, — отданъ былъ въ солдаты и посланъ былъ на службу въ Оренбургскій край съ запрещеніемъ — писать: здѣсь его держали сначала въ самомъ Оренбургѣ, потомъ въ Орской крѣпости, потомъ назначили въ трудную экспедицію къ Аральскому морю, а въ 1850 поселили въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. Къ счастью нашлось нѣсколько просвѣщенныхъ людей, которые дружескимъ вниманіемъ облегчали ему тяжесть его ссылки. Въ 1857, благодаря хлопотамъ его петербургскихъ друзей, особливо графини А. И. Толстой, Шевченко получилъ амнистію — увольненіе отъ военной службы; онъ поселился въ Петербургѣ, въ зданіи Академіи Художествъ, въ 1859 побывалъ на родинѣ, и умеръ въ началѣ 1861.

Ссылка остановила печатную дѣятельность поэта; но онъ продолжалъ работать. Въ 1857, въ „Запискахъ о Южной Руси“ Кулиша, напечатана была поэма „Наймичка“, безъ имени автора; вернувшись въ Петербургъ, онъ приступилъ къ новому изданію „Кобзаря“, кото-

рое вышло въ 1860. Въ 1861 онъ написалъ свою коротенькую автобіографію („Народная Бесѣда“, 1861). Передъ концомъ своей жизни онъ задумалъ издать рядъ образовательныхъ книжекъ для народа; но успѣлъ издать лишь одну или двѣ... По его смерти, въ „Основѣ“ 1861—62, изданъ былъ новый рядъ пѣсенъ „Кобзаря“, и его „Дневникъ“, печатавшійся впрочемъ съ пропусками.

Перенесенныя страданія не заглушили въ немъ поэтической силы, не затемнили и не ослабили ея свѣтлыхъ и гуманныхъ воззрѣній. Человѣкъ народа по самому происхожденію, онъ естественно привязанъ былъ къ дѣлу народа, чувствовалъ и высказывалъ истину его положенія безъ помощи и безъ прикрасъ искусственной сантиментальности. Позднѣйшее развитіе только укрѣпило его на дорогѣ, принятой по поэтическому инстинкту. Оттого Шевченко былъ рѣдкимъ примѣромъ непосредственно народнаго поэта, не отдѣлившагося отъ массы лучшими свойствами характера, но вмѣстѣ свободнаго отъ неизбѣжной ограниченности простонародныхъ взглядовъ. „Поэзія Шевченка, — говоритъ Костомаровъ, — поэзія цѣлаго народа, но не только та, которую самъ народъ уже пропѣлъ въ своихъ безыменныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами: это такая поэзія, которую народъ самъ бы долженъ былъ запѣть, если бы съ самобытнымъ творчествомъ продолжалъ далѣе пѣть непрерывно послѣ своихъ первыхъ пѣсенъ; или лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно запѣлъ устами своего избранника, своего истинно-передового человѣка. Такой поэтъ какъ Шевченко, есть не только живописецъ народнаго быта, не только воспѣватель народнаго чувства, народныхъ дѣяній, — онъ народный вождь, возбудитель къ новой жизни, пророкъ“.

Въ первыхъ произведеніяхъ Шевченка есть отголоски того романтическаго прикрашиванья старины, которое указывали мы въ предъидущемъ періодѣ; но это „археологическое“ направленіе продолжалось недолго. Ближе познакомившись съ исторіей своей родины, онъ разочаровался въ „гетманщинѣ“ и совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ серьезнѣе изучать исторію, которая должна была убѣдить, что настоящей причиной политическихъ бѣдствій ихъ края была та „козацкая старшина“, которая погналась за личными выгодами, забывши объ интересахъ народа. Шляхетскимъ преданіямъ гетманства онъ противопоставляетъ идею освобожденія крестьянства. Онъ возстаетъ и противъ самодовольнаго книжничества (напр. славянофильскаго), которое ослѣпало глухо къ настоящей нуждѣ народа и къ его невѣжеству и рабству. Малорусскій патріотъ и демократъ, онъ однако чуждъ религіозной и національной нетерпимости; къ его непосредственному гуманному чувству естественно прививались лучшія мысли, приносимыя ли-

тературнымъ развитіемъ. При національныхъ стремленіяхъ не забывались общечеловѣческіе интересы. Настоящее его тяготило, и онъ ждалъ для народа „апостола правды и науки“...¹⁾

Въ другой области южнорусской литературы не менѣе извѣстно имя современника и друга Шевченка, Н. И. Костомарова (род. 1817). Родомъ изъ Воронежской губерніи (гдѣ сходятся населенія великорусское и малорусское), Костомаровъ учился въ одномъ частномъ московскомъ пансіонѣ, потомъ въ воронежской гимназіи и харьковскомъ университетѣ. По окончаніи курса, въ 1836, Костомаровъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ харьковскомъ краѣ, и ревностно занимался изученіемъ народности. Около того же времени онъ началъ свою литературную дѣятельность на малорусскомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки: это были — историческая драма „Сава Чалый“ (1838), „Украинскія баллады“ (1839), сборникъ стихотвореній „Вѣтка“ (1840), трагедія „Переяславська ничь“, и малорусскій переводъ „Еврейскихъ мелодій“ Байрона, одной пѣсни изъ Краледворской рукописи, въ альманахѣ „Снипъ“ (Снопъ, 1841), нѣсколько стихотвореній въ альманахѣ Бецкаго „Молодикъ“. Онъ держалъ потомъ магистерскій экзамень въ харьковскомъ университетѣ и представилъ диссертацию „Объ Уніи“: но этому первому историческому труду не посчастливилось, и книга была истреблена. Была написана другая диссертация: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, 1843, одинъ изъ первыхъ опытовъ подобнаго изслѣдованія въ русской и вообще славянской литературѣ. Изъ Харькова онъ отправился на Волинь, гдѣ

¹⁾ О Шевченкѣ существуетъ значительная литература. Въ «Основѣ» 1861—62 г. печатались, кромѣ новыхъ пѣсень «Кобзаря», его «Дневникъ» и другіе біографическіе матеріалы; Аван-Чужбинскаго, Воспоминанія о Ш. Спб. 1861 (Р. Слово, 1861, кн. 5); Е. Ганненко, Новые матеріалы для біографіи Ш. (Др. и Нов. Россія, 1875, VI, 193—196); Д. Мордовцевъ, въ томъ же изданіи 1876, V; нѣсколько свѣдѣній о первой жизни Ш. въ Петербургѣ, въ книжкѣ: «Иванъ Макс. Сошенко», біогр. очеркъ М. Ч. Кіевъ 1877. Новое изданіе «Кобзаря» сдѣлано въ Спб. 1867; нѣсколько изданій сочиненій—во Львовѣ, Прагѣ, Женевѣ (между прочимъ, «Кобзарь», съ присоединеніемъ воспоминаній о Ш. Тургенева, Я. Полонскаго, и др., и автобіографіи, взятой изъ «Нар. Читенія»; Прага 1876). См. также: Ом. Партицкій, Провідни ідеї в письмахъ Т. Шевченка. Львовъ 1872; Огоновскій, Критично-эстетичный погляд на очерки поэзи Т. Шевченка («Правда» 1873);—В. Масловъ, Т. Г. Шевченко, біогр. очеркъ, М. 1874. См. еще указанія Межова, Библ. Указ. Ист. Слов. 1872, стр. 474—476.

Въ иностранной литературѣ явилось также нѣсколько статей о Шевченкѣ, напр.: Battaglia, T. Szewczenko. życie i pisma jego. Lwów 1865; Georg Obrist, T. G. Szewczenko, ein kleinruss. Dichter. Czernowitz, 1870 (біогр. очеркъ и нѣсколько переводовъ); ст. въ Revue de D. Mondes, 1874; Wald. Kawerau, въ Magazin für die Liter. d. Auslandes, 1878, № 12 и друг.

Есть также много переводовъ: «Кобзарь», въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданъ былъ Гебелемъ, Спб. 1860. Польскіе переводы дѣлали Л. Совинскій (Вильно, 1861), В. Сырокомля (Кобзарь, Вильно, 1862), А. Горжалчинскій (Кіевъ, 1862); чешскіе переводы—въ «Obrazech života», 1860 и «Květech», 1866; сербскіе—въ журналѣ Ст. Новаковича «Вила», 1868, и проч.

опять занимался этнографическими изученіями и между прочимъ осмотрѣлъ мѣстности, ознаменованныя событіями времени Хмельницкаго. Уже съ тѣхъ поръ, 1844, онъ задумалъ писать его исторію. Въ 1845 онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ вскорѣ выбранъ былъ на кафедру русской исторіи въ университетѣ; здѣсь напечатано было имъ, но не могло выйти въ свѣтъ сочиненіе о славянской мифологіи (напечатано оно было церковнымъ прифтомъ, 4^о), и вскорѣ, въ 1847, самая его дѣятельность здѣсь была печальнымъ образомъ прервана. Помощникомъ попечителя кіевскаго университета былъ тогда М. В. Юзефовичъ. На Костомарова сдѣланъ былъ доносъ въ политическомъ преступленіи — по поводу, о которомъ скажемъ далѣе, — онъ былъ арестованъ, провель годъ въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, потомъ съ 1848 по 1856 въ ссылкѣ въ Саратовѣ. Время тяжелаго досуга онъ могъ впрочемъ употребить на свои обычныя занятія — исторію и мѣстную этнографію. Въ 1856 г. онъ былъ амнистированъ, и съ этого года начинается новый рядъ его трудовъ, писанныхъ по-русски, но содержаниемъ принадлежащихъ въ особенности южнорусской исторіи и южнорусской народности: „Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею до Богдана Хмельницкаго“ (1856), „Богданъ Хмельницкій“ (1857, 3-е переработанное изданіе 1871), „Бунтъ Стеньки Разина“ (1858), „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (1859). Въ 1861 — 1862 издавался журналъ „Основа“, В. Бѣлозерскаго, посвященный исторіи, общественности и литературѣ Южной Руси, гдѣ Костомаровъ и Кулишъ были главными дѣйствующими лицами. Костомаровъ напечаталъ здѣсь нѣсколько важныхъ статей по южнорусскому вопросу: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, „Черты народной южнорусской исторіи“, „Двѣ русскія народности“, „Гетманство Выговскаго“, и т. д., и рядъ полемическихъ статей, какъ „Правда Полякамъ о Руси“, „Правда Москвичамъ о Руси“, полемика съ польскими писателями о южнорусской исторіи (начатая еще съ 1859 въ „Современникѣ“) и проч. Далѣе, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ новый рядъ изслѣдованій по русской исторіи: „Сѣверно-русскія народоправства“, „Ливонская война“, обширныя историческія работы — „Смутное Время“, „Паденіе Рѣчи Посполитой“, рядъ частныхъ изслѣдованій — о Димитріи Донскомъ, Иванѣ Сусанинѣ, наконецъ „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ“: труды по изданію источниковъ: „Старинныя памятники русской литературы“, 1861 — 1862, „Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Росси“ (издаваемые Археогр. Коммиссіею); труды по собиранію и изданію произведеній народной поэзіи, и ихъ объясненію; наконецъ чисто литературныя произведенія: трагедія „Кремуцій Кордъ“, изъ римской

исторіи (писанная въ Саратовѣ); „Сынъ“, разсказъ изъ XVII вѣка; „Кудеяръ“, изъ временъ Іоанна Грознаго и пр.

Такимъ образомъ дѣятельность Костомарова принадлежитъ почти исключительно общерусской литературѣ, но труды его всего чаще направлены къ объясненію историческихъ судебъ и народности Южной Руси. Поэтому, хотя число собственно южнорусскихъ сочиненій Костомарова не велико, его справедливо ставятъ въ ряду первостепенныхъ дѣятелей южнорусскихъ. Онъ дѣйствительно оказалъ великія заслуги южнорусскому самосознанію, избравъ для этого серьезный путь историческаго и этнографическаго изслѣдованія: изученіе исторіи и народной поэзіи навсегда оставило въ немъ почтеніе къ нравственной народной личности, и онъ больше чѣмъ кто-нибудь сдѣлалъ для разъясненія внутренней исторіи Южной Руси. Его историческіе труды съ 1856 года съ перваго раза дали ему высокое мѣсто въ русской исторіографіи: послѣ Карамзина, это былъ первый, и доселѣ единственный историкъ-художникъ, умѣющій рисовать прошедшее живыми картинами лицъ, нравовъ и событій, иногда безъ геллертерской точности, но всегда съ умѣньемъ реставрировать прошедшую жизнь, доходящимъ до настоящей художественности. Его труды, въ томъ числѣ мастерски читанныя университетскія и публичныя лекціи, сдѣлали его однимъ изъ популярнѣйшихъ русскихъ писателей; но историческіе взгляды его создали ему и враговъ, съ одной стороны между русскими, съ другой между польскими писателями. Дѣло въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, Костомаровъ впервые, рядомъ съ исторіей централистической и частию противъ нея, выставилъ идею федеративной, областной исторіи. Быть можетъ, онъ не вездѣ строго развилъ свою теорію, но въ сущности своей мысли онъ вполнѣ правъ, и ему принадлежитъ заслуга, что онъ первый настаивалъ на опредѣленіи областныхъ элементовъ русской національности и на признаніи ихъ историческаго права. Главнымъ образомъ шла рѣчь конечно о крупнѣйшемъ областномъ элементѣ нынѣшней русской народности, о Южной Руси. Для историковъ русскихъ, это показалось нанесеніемъ ущерба историческому значенію Москвы; Костомарова даже прямо обвиняли (напр. по поводу Дим. Донскаго и Сусанина) въ недоброжелательствѣ къ Москвѣ, въ стараніи унижить ея славы, подорвать ея чтимыя преданія и идеалы. Во-вторыхъ, польскіе критики нападали на Костомарова съ другой стороны — приписывая ему извращеніе дѣйствительныхъ историческихъ отношеній между Южной Русью и Польшей, преувеличеніе козацкихъ войнъ въ дѣло національнаго освобожденія, — вообще возбужденіе національной ненависти къ Полякамъ. Отвѣтомъ на тѣ и другія обвиненія можетъ быть только одно: строгая критическая провѣрка историческихъ по-

ложеній Костомарова. Но она была сдѣлана только отчасти, и если нѣкоторыя частности въ историческихъ взглядахъ Костомарова могли быть отвергнуты, то въ главномъ онъ остается вѣренъ фактамъ и является лучшимъ выразителемъ южнорусскаго историческаго сознанія ¹⁾.

Наконецъ, третьимъ дѣятелемъ этого замѣчательнаго кружка былъ П. А. Кулишъ (род. 1819). Происходя изъ старыхъ козацкихъ родовъ по отцу и по матери (въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи), Кулишъ съ дѣтства росъ среди чисто народнаго украинскаго быта и старыхъ поэтическихъ преданій, которыя въ его воспріимчивой натурѣ стали основаніемъ его позднѣйшей дѣятельности. Онъ учился въ новгородъ-сѣверской гимназіи, потомъ въ кіевскомъ университетѣ; ученье шло неправильно, по недостатку средствъ и другимъ обстоятельствамъ; Кулишъ не кончилъ курса въ университетѣ, но умѣлъ собственными неутомимыми трудами восполнить этотъ недостатокъ и рано обратилъ на себя вниманіе горячимъ интересомъ къ народности и ея знаніемъ. Бывши въ университетѣ, онъ познакомился съ профессоромъ русской словесности, извѣстнымъ Максимовичемъ, который послѣ своими связями помогъ Кулишу устроить свои матеріальныя дѣла. Оставивъ университетъ, Кулишъ былъ учителемъ въ Луцкѣ, въ Кіевѣ, въ Ровнѣ. Въ альманахѣ Максимовича, „Кіевлянинъ“ (1840—1841), явились первые труды Кулиша, рассказы изъ народныхъ преданій. Около того же времени Кулишъ познакомился съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ Мих. Грабовскимъ, бібліоманомъ Свидзинскимъ, содѣйствіе которыхъ много помогло его изученіямъ украинской старины. Въ 1843, Кулишъ напечаталъ свой историческій романъ „Михайло Чарнышенко“, поэму „Украина“, въ 1845—первые главы своей „Черной Рады“ въ „Современникѣ“ Плетнева. Въ Кіевѣ Кулишъ познакомился съ кружкомъ молодыхъ украинскихъ патріотовъ, которые были одушевлены тѣмъ же стремленіемъ работать для своей родины—Костомаровымъ, Шевченкомъ, В. Бѣлозерскимъ. Между тѣмъ Плетневъ вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ готовилъ ему ученую карьеру: Кулишъ былъ уже въ Варшавѣ, по дорогѣ за границу, куда посылали его для изученія славянскихъ нарѣчій, когда и его задѣла, хотя легче, та же буря, которая разразилась въ то

¹⁾ Краткія біографіи Костомарова въ «Slovník naučný» s. v.; въ «Поэзіи Славянъ», стр. 172—173; въ «Галереѣ» Мюнстера; въ изданіи Баумана: «Рус. соврем. дѣятели». Противъ Костомарова полемизировали, главнымъ образомъ, писатели славянофильскіе, также Забѣлинъ, Карповъ («Г. Кост., какъ историкъ Малой Россіи», Г. Карпова, М. 1871; отвѣтъ Костомарова въ «Голосѣ» 1871, № 130; П. А., въ «Гражданинѣ» 1872, № 2 и др.); съ польской стороны, въ особенности Падалица (Зенонъ Фишъ) и др.

время надъ Костомаровымъ. Кулишъ былъ политически заподозрѣнъ, пробылъ два мѣсяца въ крѣпости, потомъ три года прожилъ въ Тулѣ. Однимъ изъ поводовъ къ обвиненію послужила „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“, помѣщенная Кулишомъ въ „Звѣздочкѣ“ г-жи Ишимовой. Въ 1850, Кулишу разрѣшено было ѣхать въ Петербургъ, но было запрещено писать. Онъ поступилъ-было на службу, — много работалъ (безъ имени) въ журналахъ, написалъ нѣсколько повѣстей, „Записки о жизни Гоголя“ (первая редакція вышедшей послѣ біографіи); но служба не шла, онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ на Украину, гдѣ занялся хозяйствомъ и литературой. Въ 1856, амнистія дала ему возможность открытой литературной дѣятельности. Въ томъ же и слѣдующемъ году Кулишъ издалъ два тома очень замѣчательныхъ „Записокъ о Южной Руси“; въ 1856, сдѣлалъ 2-е изданіе „Проповѣдей“ свящ. Гречулевича на малорусскомъ языкѣ, которыя переработалъ и наполовину написалъ самъ; въ 1857, напечаталъ въ „Р. Бесѣдѣ“ свой давно начатый романъ „Черная Рада, Хроника 1663 года“, которую тогда же издалъ на малорусскомъ языкѣ. Въ 1860, онъ собралъ свои „Повѣсти“ (въ 4 томахъ), издалъ альманахъ „Хата“; изданіе журнала ему не было разрѣшено, и когда въ слѣдующемъ году началась „Основа“, Кулишъ, какъ замѣчено прежде, былъ дѣятельнѣйшимъ ея сотрудникомъ: критическія и историческія статьи на русскомъ языкѣ; историческіе рассказы, стихотворенія на языкѣ малорусскомъ, появлялись почти въ каждой книжкѣ. Въ 1862, вышелъ небольшой сборникъ его стихотвореній „Добѣтки“. Еще въ 1857, явилось первое изданіе его „Грамотки“, съ которой пошло въ ходъ и принятое имъ правописаніе, такъ называемая „кулишовка“. Въ шестидесятихъ годахъ, стѣсненные матеріальныя обстоятельства побудили его искать службы въ Польшѣ; но онъ не сошелся съ кн. Черкасскимъ (впослѣдствіи правителемъ Болгаріи), характеромъ упорнымъ и деспотическимъ, — и вышелъ вскорѣ въ отставку. Въ шестидесятихъ годахъ, Кулишъ одно время участвовалъ въ галицкихъ изданіяхъ, но въ путаницѣ галицкихъ отношеній у него и здѣсь нашлись враги. Въ 1869, онъ издалъ „Пятикнижіе“, въ южнорусскомъ переложеніи, въ 1870, въ Вѣнѣ и Лейпцигѣ, Четвероевангеліе и Псалтырь ¹⁾. Положеніе южнорусской литературы характеризуется тѣмъ, что Кулишъ предназначалъ эти труды не для русской Украины, а только для Галиціи, гдѣ надо было спасти русскую народность въ тамошнемъ обществѣ: онъ хотѣлъ или былъ принужденъ устранять

¹⁾ Эти изданія вышли безъ имени переложателя, но Кулишъ призналъ ихъ потомъ своими (Ист. Возрожден. Руси, т. II).

отъ этого дѣла ту же самую народность на Украинѣ. Какъ говорить однако, въ Галиціи—по другимъ соображеніямъ—этихъ книгъ тоже бояться! Съ 1874 стала выходить его, съ разныхъ сторонъ, замѣчательная „Исторія воссоединенія Руси“, задуманная въ обширныхъ размѣрахъ (до сихъ поръ—два тома текста и томъ матеріаловъ).

Длинный рядъ разнообразныхъ трудовъ Кулиша указываетъ на подвижной и энергическій талантъ, но въ немъ бывали всегда извѣстныя неровности и увлеченія: Кулишъ никогда не былъ ни чистымъ этнографомъ, ни чистымъ историкомъ—въ исторію и этнографію онъ вноситъ поэтическое или публицистическое возбужденіе; а въ дѣятельности художественной недостатокъ чистой поэзіи восполняется искусственной обдуманностью ¹⁾. Подъ вліяніемъ чувства теоретическія воззрѣнія колебались, и не разъ впадали въ противоположныя крайности. Такъ, за восторженнымъ панегирикомъ Гоголю въ біографіи слѣдоваль крайне строгій судъ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта: этотъ судъ (какъ бы ни были отдѣльныя осужденія справедливы) былъ невѣренъ уже тѣмъ, что совсѣмъ забывалъ отношенія времени и мѣста. Такъ, подъ вліяніемъ чувства произошелъ послѣдній изумительный поворотъ въ мнѣніяхъ Кулиша, выразившійся въ „Исторіи Воссоединенія“ и статьяхъ о козачествѣ въ „Р. Архивѣ“ 1877 (№№ 3 и 6), гдѣ прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ, и авторъ вообще явился злѣйшимъ противникомъ стремленій, въ которыхъ прошла однако вся его прежняя жизнь ²⁾.

Такова судьба и дѣятельность трехъ главнѣйшихъ писателей, труды которыхъ составляли зерно и основаніе южнорусскаго литературнаго движенія. Намъ остается упомянуть о томъ обстоятельстве, которое навлекло бурю, прервавшую ихъ дѣятельность въ 1847 году, и которое представляетъ любопытный фактъ для исторіи цѣлаго общеславянскаго сознанія.

Въ 1846, въ Кіевѣ собрался небольшой кружокъ южнорусскихъ патриотовъ; въ средѣ этого кружка возникла мысль составить общество,

¹⁾ Это замѣчали одинаково и русскіе критики и польскіе, какъ напр., Грабовскій, однако, очень дружески расположенный къ автору.

²⁾ О біографіи Кулиша см. «Slovník Naučný» s. v., и особенно любопытную статью «Жизнь Кулиша» въ галицкомъ журналѣ «Правда», 1868, №№ 2—4, 24—28, со свѣдѣніями, очевидно идущими и отъ самого г. Кулиша. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1877, № 6, тамъ же, гдѣ помѣщена статья Кулиша съ его новыми идеями объ южнорусской исторіи, издатель «Архива» помѣстилъ (какъ будто для назиданія г. Кулиша или на смѣхъ) записку Самарина по поводу «Повѣсти объ украинскомъ народѣ». Опроверженіе новыхъ мнѣній Кулиша, съ объясненіемъ ихъ изъ характера писателя, сдѣлалъ Костомаровъ, въ Р. Старинѣ, 1878, мартъ, 385—402. Другіе украинофилы, вообще гораздо болѣе требовательные, чѣмъ Костомаровъ, говорили очень умѣренно о послѣднихъ трудахъ Кулиша. Они видѣли въ нихъ непохвальную дорогу (нападеніе на козачество, «хлопоманію» и т. д.), но, все-таки, видѣли въ той же Украинѣ цѣль этихъ увлеченій, по правдѣ, переходящихъ мѣру.

съ цѣлью дѣйствовать (совершенно мирно) какъ для внутренняго развитія украинскаго народа, такъ и для распространенія идеи славянской взаимности. Общество основывалось на самыхъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ основаніяхъ. Рѣшено было приглашать образованнѣйшихъ людей, которые, вліяя на молодое поколѣніе, готовили бы его къ будущей дѣятельности; рѣшено было дѣйствовать только силою мысли и убѣжденія, чистыми средствами, избѣгая всякихъ мѣръ насильственныхыхъ; въ религіи—признавалась полная свобода мнѣній. Относительно Украины думали прежде всего о просвѣщеніи народа, объ изданіи для него полезныхъ книгъ, объ основаніи сельскихъ школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ; дѣломъ первой важности считалось уничтоженіе крѣпостного права и сословныхъ привилегій, тѣлесныхъ наказаній и под. Чтобы ясно было однако, что Украина вовсе не составляетъ здѣсь исключительнаго интереса, патронами общества избраны были все-славянскіе апостолы, и общество названо „Кирилло-Меодіевскимъ братствомъ“. Во главѣ общества стояли Гулакъ, Костомаровъ, Шевченко; косвенно принадлежали Кулишъ и Бѣлозерскій; потомъ присоединились еще нѣсколько малорусскихъ патріотовъ. Главныя лица кружка мечтали объ очищенномъ идеальномъ христіанствѣ, которое всѣхъ любить, особливо бѣдняка, которое стоитъ за правду и народность,—это были тѣ мечты, которыя нашли тогда энтузіастическихъ проповѣдниковъ въ Ламеннѣ, Гверрацци и пр. Слѣды этого христіанскаго направленія можно видѣть въ стихахъ Іереміи Галки и Шевченка, также и въ трудахъ Кулиша. Славянскій вопросъ ставился въ томъ же гуманно-свободолюбивомъ духѣ. То, что говорилось въ кружкѣ теоретически, Шевченко выражалъ поэтическими образами (его замѣчательныя пьесы: „До мертвихъ и живихъ“, „Шафарикови“ и друг.). „Изъ этого одного можно видѣть,—говоритъ знающій рассказчикъ, упомянутый біографъ Кулиша,—какимъ духомъ отличался кievскій украинскій кружокъ. Христіанство и исторія Славянъ были имъ свѣтомъ и тепломъ для великаго подвига. Всѣ они хорошо знали и высоко почитали св. писаніе. Они твердо стояли на той мысли, что Славянамъ надо надѣяться не на дипломатію, что для этого дѣла нужны новые люди и новая сила, а этой силой должна быть чистота сердца, истинное просвѣщеніе, свобода народа и христіанское самопожертвованіе“. Ихъ идеаломъ политическимъ было не централизованное государство, а федерація подъ протекторствомъ русскаго императора, но чтобы это стало возможно, надо стремиться прежде всего — распространять убѣжденіе о необходимости уничтоженія крѣпостного права, и расширеніи просвѣщенія ¹⁾).

¹⁾ Въ нашей литературѣ донинѣ не рассказана исторія этого люботытнаго общества. Свѣдѣнія о немъ см. въ «Научномъ Словникѣ» (ст. о Костомаровѣ, Шев-

Фактъ возникновенія Кирилло-Мефодіевскаго братства чрезвычайно любопытенъ; его значеніе простирается не только на южнорусскую, но и на цѣлую русскую литературу. Онъ подтверждаетъ высказанное выше положеніе, что развитіе южнорусской литературы возникло и шло параллельно съ славянскимъ „возрожденіемъ“, съ которымъ оно здѣсь вступало въ прямую связь и солидарность. Въ русской литературной жизни вообще „братство“ было заявленіемъ панславизма, очень непохожаго на тотъ, который начинался въ это же время въ московскомъ кружкѣ — панславизма, основаннаго не на господствѣ одного племени надъ другими, а на равноправности и внутренней свободѣ ¹⁾. Въ этомъ характерѣ той и другой постановки вопроса отразились и разница исходныхъ теоретическихъ пунктовъ, и разница государственнаго положенія народностей: одной—подчиненной, другой—официальной и господствующей. Теорія кievская не вышла тогда изъ предѣловъ тѣснаго кружка, и ея славянская доля никогда уже не была высказана въ ея цѣломъ смыслѣ; сами дѣятели „братства“ впоследствии далеко не остались вѣрны старымъ идеямъ,—тѣмъ не менѣе, въ трудахъ людей этого круга и ихъ ближайшихъ преемниковъ сказывался иной, противъ московскаго, взглядъ на развитіе народныхъ литературъ и на между-славянскія отношенія, взглядъ, въ которомъ было много исторически вѣрнаго и человѣчески справедливаго. Полагаемъ, что этому взгляду, въ болѣе широкой постановкѣ, предстоитъ больше и больше приобрѣтать распространенія и вліянія на ходъ „славянской идеи“ въ Россіи.

Такимъ образомъ, когда послѣ десятилѣтняго перерыва, съ 1856 возобновились труды украинскихъ писателей, движеніе оказалось гораздо болѣе серьезнымъ. Въ 1861, органомъ его явилась „Основа“, которая въ теченіи двухъ лѣтъ своего существованія доставила очень много матеріала, поэтическаго, историческаго, этнографическаго и публицистическаго. „Основа“ не удержалась дольше, отчасти потому, что начинались уже снова неблагополучныя внѣшнія обстоятельства, отчасти потому, что ея содержаніе было слишкомъ ограничено только предметами чисто украинскими. Она вызвала много новыхъ силъ; но

ченкѣ, Кулишѣ), въ упомянутой «Жизни Кулиша» и др.; воспоминаніи Костомарова въ пражскомъ изданіи Шевченка, очень неполны; у Киркора, О literaturze robrat. narod., стр. 64, о преслѣдованіяхъ Костомаровскаго кружка написано вздоръ. Въ разговорѣ надъ Костомаровымъ сказано было, какъ говорятъ, что онъ осуждается за «основаніе тайнаго общества, въ которомъ обсуждаемо было бы соединеніе Славянъ въ одно государство».

¹⁾ Необходимо, впрочемъ, оговорить, что иногда и московскіе панслависты высказывались въ подобномъ смыслѣ; но обыкновенно преобладала теорія московской гегемоніи.

главными дѣятелями послѣ Шевченка остались Костомаровъ и Кулишъ. Это было настоящее начало такъ называемаго новѣйшаго *украинофильства*. „Основа“ была крупнымъ и вліятельнымъ фактомъ, но имѣла и крупные недостатки: въ ея теоріяхъ дѣло украинофильства утверждалось больше на непосредственной, но неясной любви къ родному краю и племени, чѣмъ на опредѣленной мысли о свободѣ личной и общественной, свободѣ научнаго изслѣдованія. До „Основы“ малорусскіе писатели были чистыми дилеттантами, — и такими оставались еще и въ ней: съ „народнымъ“ направленіемъ мирились вещи, для народнаго дѣла бесполезныя или чуждыя; южнорусскимъ дѣятелямъ слѣдующаго поколѣнія не нравились напр. нападенія на „модный матеріализмъ“, которыя можно было бы предоставить другимъ ¹⁾, исключеніе исторіи изъ круга содержанія народной книги, примиреніе съ общественнымъ status quo, дѣятельность особаго рода (какъ А. Стороженка) — такъ какъ эти вещи не показывали особеннаго политическаго и общественнаго пониманія. Оттого потомъ одни замолкли, другіе потеряли прежнюю силу, третьи заблудились.

Исторія украинофильства за послѣднія пятнадцать лѣтъ такъ близка, что нѣсколько полная передача ея невозможна уже по однимъ чисто внѣшнимъ причинамъ, отъ насъ независящимъ; да и всегда трудно доводить исторію до настоящей минуты. Но необходимо указать главные черты этого движенія, которое — какъ увидимъ, даже по мнѣнію людей изъ совсѣмъ иного, великорусско-славянофильскаго лагеря — заключаетъ въ себѣ цѣнные жизненные элементы и должно бы дополнять ими русское развитіе. Къ сожалѣнію, оно было обставлено самыми неблагоприятными условіями, теряло подъ ихъ гнетомъ возможность литературнаго дѣйствія, и наконецъ протестъ противъ этихъ условій поставилъ дѣло на совсѣмъ новую почву.

Съ той обще-славянской точки зрѣнія, какую мы указывали и съ какой смотримъ на южнорусское движеніе, оно представляетъ естественное проявленіе народнаго (хотя бы областного) самосознанія; стремленіе къ развитію мѣстныхъ особенностей имѣетъ, поэтому, за себя все нравственно-общественное право; оно не представляетъ также (какъ говорятъ его противники) никакого преступленія противъ господствующаго литературнаго языка, потому что подобныя движенія только вызываютъ на свѣтъ уже существующую внутреннюю потребность (которая доказывается всей предшествующей исторіей) и слѣд. только дополняютъ органическій процессъ національнаго развитія, и въ частности еще потому, что одна изъ существенныхъ задачъ украинофиль-

¹⁾ «Основа», 1862, май, 2.

ства, именно стремление работать для Галицкой Руси, доселѣ была совсѣмъ чужда русской литературѣ ¹⁾.

Вслѣдствіе малой общественно-политической развитости русской жизни, всякое новое движеніе принимается большинствомъ съ подозрительностью и враждой, которыя не могутъ не вліять тяжело на ходъ понятій и на самыхъ дѣятелей, особенно наиболѣе искреннихъ. Украинифильство подверглось обвиненію въ политической неблагонадежности еще тогда, когда оно едва начало складываться и мало давало повода къ этому обвиненію. Здѣсь мы имѣемъ возможность только указать первые источники движенія.

Въ украинифильствѣ выразилась не только непосредственная любовь къ своей народности, но наконецъ и сознание ея междуплеменныхъ и общественныхъ отношеній. Тѣ, что было съ конца прошлаго вѣка однимъ дилеттантствомъ и романтизмомъ, въ сороковыхъ годахъ, въ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, становилось глубокимъ, задушевнымъ, исторически-сознательнымъ стремленіемъ. Эта была первая попытка самосознанія: она кончилась — какъ выше указано, но спокойная и серьезная оцѣнка ея могла бы показать, что въ ней затронуты были вопросы, существенно важные для самого русскаго общества и русской власти. Эти вопросы были: мысль о Славянствѣ (какъ теперь очевидно, неясная для нашего общества и понинѣ), мысль о просвѣщеніи народа (на отсутствіе котораго мы и понинѣ жалуемся), мысль о защитѣ малорусскихъ народныхъ элементовъ отъ господства поль-

¹⁾ Poleмическая литература о нашемъ украинифильствѣ значительно превышаетъ самую литературу украинифильства на малорусскомъ языкѣ—немногочисленную уже вслѣдствіе падавшихъ на нее стѣсненій. Споръ начался въ особенности съ «Основы», и велся съ начала 1860-хъ годовъ въ «Днѣ», «Рус. Вѣстникѣ» и «Моск. Вѣдомостяхъ», «Сиб. Вѣдомостяхъ», «Голосѣ», «Сіонѣ» (органъ русскихъ Евреевъ), «Кіевлянинѣ», «Кіевскомъ Телеграфѣ», «Вѣстникѣ Юго-Западной Россіи», въ галицкой «Правдѣ», «Метѣ», «Словѣ» и т. д. Замѣтимъ лишь нѣкоторыя статьи:

— Костомаровъ, «Днѣ русскія народности», въ «Основѣ», 1861, мартъ; «О южно-русскомъ языкѣ», тамъ же, 1862, май.

— В. Будянскій, Заѣтки о Галиціи (Сиб. Вѣдом. 1867, № 213—214, по связи галицкихъ отношеній съ нашими малорусскими).

— Волынецъ, Съ галицкой границы (Сиб. Вѣдом. 1867, девять статей, важныхъ въ томъ же смыслѣ).

— «Славянское Обозрѣніе» (въ Сиб. Вѣд 1868)

— М. Т—въ, «Восточная политика Германіи и обрусеніе», въ Вѣстникѣ Европы 1872, февраль—май; «Евреи и Поляки въ юго-западномъ краѣ», тамъ же, 1875, июль.

— Б. В., «Письма Русина» (въ Сиб. Вѣд. 1873, №№ 5, 44, 64, 174, 180, 188, 229, 280).

— Українецъ, Литература российска, великоруска, украинска и галицка. Львовъ, 1873—1874 (изъ «Правды» этихъ годовъ, т. VI—VII);—того же автора: По вопросу о малор. литературѣ. Вѣна, 1876, и друг. сочиненія.

— Выдумки «Кіевлянина» и польскихъ газетъ о малорусскомъ патріотизмѣ (изъ «Кіевскаго Телеграфа»). Кіевъ, 1874.

— Хв. Вѣлк..., Письма изъ Кіева (въ Сиб. Вѣдом. 1874, №№ 63, 196).

— Гогоцкій, Современ. украинифильство (въ Р. Вѣстникѣ, 1875, т. 115, 117).

скаго элемента (противъ котораго позднѣе сама власть приняла мѣры военно-политическія, и общественно-политическія, въ формѣ „обрусѣнія“). Такова была общественно-политическая подкладка литературнаго движенія, возникавшаго въ сороковыхъ годахъ. Послѣ промежутка десятилѣтняго молчанія, тѣ же идеи возобновились и нашли, болѣе или менѣе, выраженіе въ „Основѣ“ и другихъ трудахъ ея главныхъ дѣятелей. То-есть, общественная мысль (южнаго края), оттолкнутая разъ, снова возвращалась на прежній путь, потому что справедливо чувствовала и понимала въ немъ насущный интересъ своего общества. При освобожденіи крестьянъ всѣмъ разумнымъ людямъ была ясна мысль о необходимости работать для народа, его просвѣщенія, для поднятія его положенія. Событія первыхъ шестидесятихъ годовъ показали, что эта давняя мысль о между-племенныхъ отношеніяхъ имѣла настоящую практическую важность, — малорусская оппозиція польскому элементу оказала и политическую пользу для самого правительства. Новое поколѣніе, какъ обыкновенно бываетъ, принимало идеи стараго украинофильства съ жаромъ, еще не охлажденнымъ опытами, вело ихъ изъ отвлеченной области въ практическую жизнь, отдавало имъ искренній энтузіазмъ, — а съ другой стороны, неосторожное выраженіе, одиночный поступокъ возводились въ обвиненіе цѣлаго направленія, цѣлаго круга людей; дѣйствительныя отношенія толковались превратно, союзники принимались за враговъ и враги за союзниковъ; неразвитое большинство вторило обвиненію, повторяя ходячія клички и ничего не понимая. Создается тягостная атмосфера, матеріальная и нравственная; въ ней и жило современное украинофильство. Положеніе было тѣмъ прискорбнѣе и страннѣе, что мотивы движенія въ самой русской литературѣ были объясняемы весьма достаточно.

Національное положеніе украинофильства такъ объясняетъ одинъ безпристрастный критикъ.

«До перваго раздѣла Польши юго-западнѣй край былъ постоянной ареной кровавой борьбы за національность. Цѣлымъ рядомъ мелкихъ возстаній, разразившихся незадолго до раздѣла Колівинциною, малорусская національность защищалась противъ ополяченія, шляхетской и жидовской эксплуатаціи. Съ указаннаго времени (какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Т—овъ въ статьяхъ «Вѣстн. Европы», 1872) положеніе дѣлъ рѣзко измѣняется и въ краѣ замѣтно усиливается польско-шляхетскій элементъ. Цѣлые города и мѣстечки отдаются въ собственность польскимъ магнатамъ; униатскимъ священникамъ, стоявшимъ за національность и желавшимъ противодѣйствовать переходу униатовъ въ католицизмъ посредствомъ проповѣдей на русскомъ (даже великорусскомъ) языкѣ, запрещается дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Всѣ эти мѣры, очевидно, могли имѣть только и дѣйствительно имѣли одинъ логическій исходъ — самое широкое ополяченіе народа съ одной стороны, а съ другой то, что Поляки, которымъ принадлежала вся земля въ краѣ, получили пол-

ную возможность провозгласить, какъ политическій принципъ, что юго-западный край есть край польскій.

«Вотъ въ какомъ положеніи находился національный вопросъ въ юго-западномъ краѣ, когда въ началѣ 60-хъ годовъ, въ средѣ кievской интеллигенціи проявилась идея національнаго самосознанія. Первымъ дѣломъ ея было заявленіе, что край и университетъ—не польскіе; вторымъ, возможно широкое распространеніе національнаго сознанія и борьба со всякими вѣшними вліяніями посредствомъ поднятія уровня народнаго образованія».

Кievская интеллигенція поняла, что послѣднее есть лучшее средство противъ притязаній Поляковъ, которые позаботились завести свои школы съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ. Въ Кievѣ явились воскресныя школы, содержимыя на частныя средства; нужны были книги—явились книжки, изъ которыхъ нѣкоторыя (какъ «Де що про свѣтъ божій») выдержали до трехъ изданій въ русскомъ переводѣ, копеечныя изданія Квижки, Шевченка; при «Основѣ» стали собирать деньги для изданія малорусскихъ книгъ. Эти книжки началъ издавать Костомаровъ...

Въ какомъ положеніи былъ народъ? Народъ, которому историческая судьба не дала даже выработать себѣ имени, который называетъ Великорусса «Русскимъ» и однако цѣлой пропастью отдѣленъ отъ Поляка, этотъ народъ не нуждался въ національномъ возрожденіи: онъ обнаружилъ это на фактѣ—въ прогиводѣйствіи польскому возстанію въ юго-западномъ краѣ, прогиводѣйствіи по собственной инициативѣ. Но этому народу нужно было обезпеченіе его народности, и какъ одно изъ первыхъ средствъ къ этому—образованіе.

Началась въ интеллигенціи и другая работа, тѣсно связанная съ первой—изученія историческія и этнографическія: повсемѣстное собраніе этнографическихъ матеріаловъ, записываніе пѣсенъ, сказокъ и проч.; собраніе свѣдѣній объ экономическомъ, юридическомъ, этнографическомъ бытѣ народа; изслѣдованія по архивамъ, по плану, составленному Иванишевымъ, тогдашнимъ ректоромъ кievскаго университета.

Польская интеллигенція не осталась равнодушной, когда подрывались ея идеи. Она пыталась дѣйствовать на самолюбіе украинскіхъ патріотовъ, клеймя ихъ именемъ «хлопомановъ»; но патріоты этимъ не оскорбились. Началась литературная полемика: *Gazeta Narodowa*, *Biblioteka Warszawska* осмѣивали малорусскую поэзію; *Czas*, *Revue Contemporaine*, *Dziennik Literacki* печатали нелѣпности Духинскаго, доказывали, что Малоруссы—отрасль польскаго племени, и что земля ихъ—польская. На это отчасти отвѣчала уже «Основа». Украинофилы считаютъ намѣреннымъ дѣломъ своихъ враговъ, что вслѣдъ затѣмъ явились доносы на «сепаратизмъ»—слово, которое стало моднымъ вслѣдствіе американской войны и усердно выкликалось извѣстною партией, ополчавшейся на украинофильство. Въ первый разъ оно было сказано «Сіономъ», еврейскимъ изданіемъ, злымъ на украинофиловъ, говорившихъ о еврейской эксплуатаціи малорусскаго народа. «Московскія Вѣдомости» и «Р. Вѣстникъ» подхватили это обвиненіе, но усовершенствовали его еще другимъ—что украинофилы и повстанцы-Поляки чуть-ли не одно и то же. (Вълк., Спб. Вѣд. 1874, № 63).

Таково было основное содержание украинофильства—желание дать своему племени какую-нибудь долю образовательныхъ средствъ, защитить его отъ польскаго вліянія, противъ котораго вскорѣ стало бороться само правительство, и наконецъ, помочь своими силами родственной Галиціи.

Амнистія Кирилло-Мееодіевскаго кружка совпадала вообще съ оживленіемъ русской общественности въ половинѣ 1850-хъ годовъ. Съ этого времени оживляются и малорусскіе литературные интересы— что и было первымъ началомъ украинофильства. Послѣ сороковыхъ годовъ пробудилась снова потребность литературнаго выраженія на родномъ языкѣ. Съ 1857 года выступила писательница, подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка (М. А. Марковичъ) извѣстная и въ русской, и въ южнорусской литературѣ. Ея малорусскіе рассказы изъ народной жизни были высоко оцѣнены малорусскими критиками и публикой по своимъ художественнымъ достоинствамъ, по обилію чувства, по вѣрности изображеній. Въ этой области Марко-Вовчокъ, кажется, еще не превзойденъ ни однимъ изъ южнорусскихъ писателей, нынѣ дѣйствующихъ: „Повістки (Народні оповидання)“, Спб. 2-е изд., 1861; „Оповідання“, Спб. 1865; „Сочиненія“, т. I, рассказы изъ украинскаго народнаго быта, Спб. 1867; „Укр. народныя рассказы“, перев. И. Тургенева, Спб. 1860. Изданіе „Основы“ вызвало къ дѣятельности многихъ, болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, которые занялись изображеніемъ народнаго южнорусскаго быта, отчасти продолжая прежнюю нить малорусской литературы (съ Основьяненка), отчасти въ связи съ русской реалистической школой. Изъ числа ихъ наибольшей извѣстностью пользуется Алексѣй П. Стороженко (1814—1874, служившій въ 1860 хъ годахъ при М. Н. Муравьевѣ въ западномъ краѣ), по умѣнью рисовать народный бытъ и владѣть народнымъ языкомъ (Українські оповидання. Спб. 1863, 2 т.) Далѣе: Л. И. Глѣбовъ (Глѣбовъ: „Байки“, Кіевъ 1863, 2-е изд. Кіевъ и Черниговъ 1872); А. Нечуй-вѣтеръ; Ст. Руданскій; М. Т. Номись (Українські приказки, Спб. 1864); А. Конисскій; Ѳ. Г. Кухаренко; Дм. Олельковичъ; Ст. Носъ и др. Еще до изданія „Основы“ сталъ писать помалорусски Д. Л. Мордовцевъ, издавшій „Малорусскій литературный сборникъ“ (Саратовъ, 1859), въ которомъ соединены труды его и Костомарова. Н. Гатцукъ издалъ „Ужинокъ рідного поля“ (М. 1875). Изъ новаго поколѣнія писателей долженъ быть замѣченъ Ив. Левицкій (Повісті, Кіевъ 1874; На Кожемякахъ, комедія, 1875; Маруся Богуславка, опера, 1875; рядъ популярныхъ книжекъ: Унія и Петро Могила, Перші кіевські князі, Татари и Литва. 1875—76): онъ сдѣлалъ попытку рисовать не одинъ народный бытъ, но и

нравы того образованнаго класса, котораго до сихъ поръ не касались украинскіе повѣствователи; въ своей главной повѣсти „Хмари“ онъ изображалъ именно проявленія украинскаго народнаго чувства въ новыхъ образованныхъ поколѣніяхъ и встрѣчу его съ враждебными элементами обществѣнности; „Запорожці“ — разсказъ съ романтическими мечтаніями о южнорусской старинѣ. — Въ послѣдніе годы были собраны прежнія украинскія сочиненія Костомарова (Іеремія Галка, „Сбірникъ творів“, Одесса, 1875). М. Старицкій издалъ книгу переводовъ изъ сербской народнои поэзіи (Сербскіи народні думи і пісні. Кіевъ 1876), и проч.

Какъ ни мало благоприятны были обстоятельства, малорусское движеніе не ограничилось, какъ бывало, одними чисто литературными, беллетристическими попытками. Оно направлялось также на работу для народнои школы, на изданіе образовательныхъ книгъ, на изслѣдованія историческія и этнографическія, наконецъ на установленіе литературно-общественныхъ связей съ Южноруссами въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи. Приводимъ нѣсколько частныхъ.

Забота о народнои школѣ явилась у патріотовъ украинскихъ еще съ конца 50-хъ годовъ. Въ польскои средѣ шли уже приготовленія къ возстанію; Поляки заводили по деревнямъ школы, гдѣ ксендзы учили украинскихъ поселенцевъ по польскимъ книгамъ, въ Кіевѣ польскіе студенты учили своихъ хлопцевъ. Въ противодѣйствіе этому, кіевскіе студенты-Украинцы открыли „воскресныя школы“, 1859; народную школу открыли также при гимназіи въ Бѣлой-церкви, — въ школахъ давали для чтенія малорусскія книжки, непонятное въ русскихъ книгахъ толковали по-малорусски ¹⁾. Но необходимы были первоначальныя книги для ученія и чтенія. Ихъ думалъ издавать Шевченко, потомъ къ этой мысли возвратился Костомаровъ и въ „Основѣ“ (1862, май) призывалъ малорусскихъ писателей не довольствоваться дилеттанствомъ — писаньемъ стишковъ на мужицкѣи ладъ, а идти на практическую помощь народу: „соловья баснями не кормятъ“, для образованія народа нужны книжки на его языкѣ. При „Основѣ“ объявленъ былъ сборъ денегъ на изданіе этихъ книгъ, и нѣсколько книжекъ явилось; лучшей изъ нихъ были „Оповідання з святаго писання“, свещ. Стеф. Опатовича.

При первомъ началѣ украинофильства, русская публицистика не была противъ этого движенія, которое было естественно, встрѣчала его даже радушно. Органомъ его была много разъ упомянутая „Основа“

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что первымъ начинателемъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ, а потомъ въ Петербургѣ былъ извѣстный *русскій* ученый, нисколько не принадлежавшій къ украинофильству.

(1861—1862). Журналъ подготовлялся въ такое время, когда въ русскомъ обществѣ еще живо было одушевленіе первыхъ годовъ нынѣшняго царствованія, когда литература была наполнена стремленіями къ прогрессу, первыми опредѣленными мыслями о народномъ благѣ, духомъ національнаго примиренія; по крайней мѣрѣ въ литературѣ проявленія украинской самодѣятельности еще не возбуждали недоумѣній и подозрительности. Но это было очень недолго.

Съ того же 1862 въ русской жизни обозначился ясно поворотъ, неблагоприятный для общественной инициативы; онъ вскорѣ отразился и на положеніи украинофильства. Пока еще продолжалось начавшееся движеніе; по официальнымъ видамъ считалось нужнымъ противодействовать польской пропагандѣ, воскресныя школы были цѣлы, въ Кіевѣ основана была (въ 1862—63) „временная педагогическая школа“, для образованія учителей въ малорусскія школы; педагоги русскіе и мѣстные учителя высказывались за употребленіе въ низшей школѣ на ряду съ русскимъ и малорусскаго языка... Но дѣло скоро измѣнилось. Кіевскія воскресныя школы были закрыты; въ 1863 запрещено преподаваніе и изданіе школьно-популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ; въ газетной литературѣ извѣстнаго сорта, которая въ это время взялась представлять русскіе „національные“ консервативные интересы, началось заподозриванье „украинофильства“, сопоставленіе его съ „нигилизмомъ“, въ немъ открыта была „польская интрига“, наконецъ — „сепаратизмъ“. Причины этого поворота были разныя. „Консервативная“ литература (которая сама вчера была либеральной) съ успѣхомъ эксплуатировала это положеніе вещей въ смыслѣ *videant consules*. У насъ это въ особенности развязываетъ руки худшимъ инстинктамъ толпы и связываетъ руки у людей и направленій заподозрѣнныхъ; такъ ничего не стоило приравнять украинофильство съ такъ называемымъ „нигилизмомъ“, на который однако оно вовсе не было похоже, съ другой стороны съ „польской интригой“ — въ вопіющее противорѣчіе съ фактами. Любопытно, что сами украинофилы утверждали напротивъ (и приводили доказательства), что обвиненія противъ украинофильства шли прежде всего именно изъ польскаго лагеря и были настоящей „польской интригой“: что польскіе паны юго-западнаго края (еще передъ возстаніемъ) доносили на украинскія школы и книжки, какъ вредно волнующія народъ (напр. что „Грамматка“ Кулиша будить въ народѣ старыи „казацкій и гайдамацкій духъ“). Извѣстно теперь, что польскіе революціонеры-паны были обыкновенно плохіе либералы: видя польскую національность въ шляхетскомъ преданіи и католицизмѣ, они не могли выносить украинофильскихъ сочувствій къ народу, который должны были отзываться невыгодно на польскихъ притязаніяхъ

на юго-западный край ¹⁾. Не понявши этого, русскіе „охранители“ присоединили свой голосъ къ тѣмъ же обвиненіямъ, и сами стали игрушкой именно той „польской интриги“, противъ которой столь усердно ратовали. Далѣе, противъ воскресныхъ школъ возстали наши клерикалы, видѣвшіе (какъ и польскіе паны) вольнодумство въ воскресныхъ школахъ и украинофильствѣ: шелъ вопросъ о передачѣ народной школы въ руки духовенства, и ревнители этой передачи думали оказать услугу духовенству, нападая на тогдашнюю украинскую школу. Наконецъ еврейскій „Сіонъ“, раздраженный обличеніями еврейской эксплуатаціи малорусскаго народа, пустилъ въ ходъ обвиненіе украинофиловъ въ „сепаратизмѣ“, т.-е. ни болѣе ни менѣе какъ въ намѣреніи отдѣлать Малороссію (неизвѣстно, куда) отъ Россіи.

Нападенія на украинофильство обыкновенно соединялись съ реакціонными тенденціями и въ самыхъ русскихъ дѣлахъ. отождествленіе украинофильства съ „польской интригой“ совсѣмъ спутало понятія о малорусской литературѣ даже у многихъ, кто прежде относился къ ней доброжелательно.

Славянофилы, въ 1850-хъ годахъ, привѣтствовали малорусскія проповѣди Гречулевича, потомъ малорусское переложеніе евангелія, брали-было сторону украинофильства, но наконецъ тоже заговорили о „польской интригѣ“. „Моск. Вѣдомости“ сначала принимали подписку на изданіе малорусскихъ книгъ; въ „Соврем. Лѣтописи“ принять былъ протестъ кіевскихъ „хлопомановъ“ (какъ тогда презрительно называли украинофиловъ ихъ противники) противъ клеветъ, взводимыхъ на нихъ мѣстными панами-реакціонерами. Но Катковъ уже спорилъ съ „Основой“, утверждая, что украинофилы „передразниваютъ“ народную рѣчь; въ заключеніе сталъ говорить о „польской интригѣ“. Мѣстный „Вѣстникъ юго-западной Россіи“, Говорскаго, явившійся въ это время, сначала самъ былъ въ связяхъ съ украинофилами (напр., статья: „Что такое хлопманы“, 1862, кн. 5,—въ ихъ защиту) и утверждалъ, что украинская молодежь, при всѣхъ увлеченіяхъ, больше опасна польскому панству, чѣмъ Россіи,—этотъ же журналъ сталъ вскорѣ объявлять украинофиловъ союзниками польскаго возстанія, отчасти поддѣлываясь подъ

¹⁾ Украинофилы справедливо замѣчали, что по своему шляхетскому ретроградству польскіе революціонеры-паны были, по нашимъ отношеніямъ, всего ближе не съ какимъ-нибудь либерализмомъ и украинофильствомъ, а съ «Московскими Вѣдомостями»: послѣдніе замѣтили это неблагополучное сосѣдство, когда появилась «Вѣсть», которая, предпринявъ проповѣдь «охранительныхъ началъ», была открытымъ органомъ русскаго и польскаго крѣпостничества.

духъ времени, отчасти желая повредить „хлопоманамъ“ въ вопросѣ о передачѣ народной школы въ руки духовенства; утверждалъ очень пріятную Полякамъ мысль, что малорусскій языкъ есть испорченный польскій и т. п.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ продолжалась полемика по разнымъ сторонамъ предмета, въ 1874 году возобновилась, между прочимъ, по поводу кievскаго археологическаго съѣзда и перешла наконецъ въ галицкія, вѣнскія и т. д. изданія. Въ Россіи этотъ періодъ украинофильства завершился въ 1876 закрытіемъ въ Кіевѣ юго-западнаго отдѣла русскаго Географическаго Общества.

Этотъ эпизодъ вражды къ украинскому движенію даетъ мало утѣшительное свидѣтельство о положеніи русскої общественности. По старой привычкѣ къ внѣшней одноформенности, по старой боязни къ какой-либо общественной инициативѣ по невниманію къ процессамъ развитія народностей, украинское движеніе—естественность котораго доказывалась уже его исторической продолжительностью—при первыхъ нѣсколько яркихъ заявленіяхъ встрѣчено было (въ значительной долѣ общества) съ непріязнью, которая можетъ принести вредъ обѣимъ сторонамъ. Забывалось, что сила цѣлаго достигается развитіемъ частей, сила государства—развитіемъ силъ мѣстныхъ; что „двѣ русскія народности“ составляютъ фактъ исторіи, котораго нельзя вычеркнуть ни журнальной бранью, ни мѣропріятіемъ, и что обѣ онѣ однако соединены тѣснымъ родствомъ, глубокой исторической связью и дорожатъ однѣми преданьями; забывалось, что дѣйствительное народное сознаніе достигается только просвѣщеніемъ, и матеріальное процвѣтаніе только искреннимъ вниманіемъ къ народнымъ нуждамъ; что благородная мысль о народѣ возникла у патріотовъ украинскихъ, какъ и у русскихъ, еще во времена крѣпостного гнета, не какъ политическая бредня, а какъ глубокое чувство къ народу и къ родинѣ, у многихъ какъ настоящее христіанское чувство, теплое и безкорыстное; забывалось, наконецъ, что забота о народности въ западномъ краѣ имѣла широкій политическій смыслъ, какъ поднятіе русскаго національнаго элемента, туземнаго и гораздо болѣе многочисленнаго, противъ политическихъ притязаній польскихъ, и, наконецъ, какъ воздѣйствіе на ту же русскую народность, отдѣленную

отъ русскаго политическаго центра, въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи. Къ сожалѣнію, непріязнь и порождаетъ непріязнь.

Въ русской литературѣ высказывались впрочемъ и совсѣмъ иные взгляды на эти отношенія. У многихъ не только не было вражды къ украинскому движенію, но было полное сочувствіе къ его общественнымъ и литературнымъ успѣхамъ. Они чувствовали единство того и другого народа, и одинаково желали добра двумъ отгѣнкамъ цѣлаго. Кромѣ множества историческихъ и образовательныхъ связей между ними, въ развитіи нашей новѣйшей литературы есть еще звано, въ лицѣ великаго писателя, которымъ начинается ея настоящій періодъ, и котораго обѣ народности съ равнымъ правомъ могутъ считать своимъ. Мы говоримъ о Гоголѣ. Исторія двухъ народностей въ теченіе многихъ вѣковъ была одна, и русскій изслѣдователь долженъ признать старія и новыя историческія заслуги племени, уважать его этнографическія особенности. Малорусская народная поэзія послѣ самихъ Малоруссовъ едва ли кому такъ понятна, какъ русскому читателю. Рыльцевъ поэтизировалъ эпизоды малорусской исторіи: Пушкинъ восхищался малорусскими пѣснями, и слѣдъ впечатлѣнія остался въ „Полтавѣ“; Тургеневъ переводилъ рассказы Марка-Вовчка; Шевченко, возвратившійся изъ ссылки,—мы помнимъ это,—былъ встрѣченъ въ русскомъ литературномъ кругѣ съ самымъ живымъ сочувствіемъ; Костомаровъ, котораго такъ упрекали за нелюбовь къ старой Москвѣ и за пристрастіе къ Малороссіи, пользовался у читателей и слушателей популярностью, какаѣ у насъ рѣдко достается ученому.

Отмѣтимъ, наконецъ, что въ средѣ славянофиловъ высказывались сочувствія къ малорусскому народу и его развитію, очень любопытныя со стороны такихъ исключительныхъ партизановъ великорусской народности. Таковы бывали отзывы Хомякова о малорусской литературѣ для народа, о южнорусскихъ историческихъ изученіяхъ ¹⁾, и въ особенности отзывы Гильфердинга. Говоря, при одномъ случаѣ, о развитіи въ русскомъ обществѣ славянской идеи, онъ особенныя надежды возлагалъ при этомъ именно на Малоруссовъ.

„Въ средѣ русскаго народа особенное призваніе должны имѣть въ этомъ Малоруссы. Киевъ ближе къ другимъ Славянамъ, чѣмъ Москва, и точно также племя малоруссійское ближе къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ великорусское: оно ближе къ нимъ своимъ языкомъ, который, не имѣя такого рѣзко опредѣленнаго чина, какъ нашъ великорусскій языкъ, стоитъ какъ-бы на серединѣ между нимъ и нарѣчіями западныхъ Славянъ, и въ западныхъ краяхъ малорусскаго племени сливается съ рѣчью Венгерскихъ Словаковъ; оно ближе къ другимъ Славянамъ и въ отношеніи историческомъ и общественномъ.. Наконецъ и то,

1) Ср. Вѣсти. Евр. 1874, мартъ, 451.

въ чемъ малорусское племя отдалилось отъ коренныхъ началъ славянскихъ, уступивъ западнымъ общественнымъ началамъ (большее развитіе въ народѣ начала личности, отсутствіе поземельной общины, большая особенность городской жизни и т. п.) служить какъ бы переходомъ отъ своеобразнаго славянскаго быта племени великорусскаго къ западно-европейскому быту Славянъ западныхъ. А ко всему этому прибавимъ, что вѣковая борьба съ Поляками,—для насъ имѣющая преимущественно значеніе государственнаго вопроса и представляющаяся намъ болѣе или менѣе, какъ нѣчто безличное и огвлеченное, а у Малоруссовъ затрогивающая всѣ струны народной жизни, какъ домашняя, личная тяжба, что эта повседневная борьба Малоруссовъ непременно должна вызывать въ нихъ, какъ примирительницу, идею славянскую. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, Малоруссы могутъ первые выработать въ своей средѣ и внести въ общественное сознаніе Русской земли идею славянства; они стоятъ какъ бы связующимъ звеномъ нашимъ съ остальнымъ славянскимъ міромъ... Эту мысль я выдаю не болѣе какъ за предположеніе, за гаданіе; однако, можетъ быть, не даромъ Шевиченко, поэзія котораго имѣла единственно мотивы народные, напелъ въ ней, кромѣ струны народной малороссійской и струны религіозной, еще третью струну — славянскую (поэмы „Гусь“ и великобѣнное посланіе къ Шафарыку, — и то и другое написаны еще въ сороковыхъ годахъ)¹⁾.

Но полное осуществленіе славянской идеи,—прибавлялъ этотъ писатель,—достигнется лишь тогда, когда она усвоится и землею великорусской и станетъ общественнымъ двигателемъ всей Россіи: тогда только совершится и наше собственное народное самосознаніе ¹⁾.

II. Народная поэзія.

Параллельность малорусскаго движенія съ обще-славянскимъ, между прочимъ, обнаруживается въ ревностномъ изученіи „народности“, къ которому вскорѣ обратилась возрождавшаяся литература. Оригинальность и богатство малорусской народной поэзіи, разъ почувствованныя, вызвали восторженныхъ любителей и собирателей. Народность, менѣе своеобразная по правамъ, быту, поэтическому содержанію, имѣла бы меньше поводовъ настаивать на своей индивидуальности. Напротивъ, народность малорусская, при всемъ обилии великорусскихъ вліяній, проникавшихъ въ нее различными путями сосѣдства, администраціи, образованія, при всемъ обрусѣніи высшихъ классовъ сохранила столько своеобразнаго, что особенность ея была очевидна: настоящій Малоруссъ (хохолъ) издавна держался особнякомъ отъ Великорусса (москаля, кацапа); населенія, находясь рядомъ, не смѣшивались; и когда народная стихія была разъ вызвана въ литературно-общественномъ движеніи,

¹⁾ Гильфердингъ, Собраніе сочиненій I, 338—340.

она еще болѣе возбуждала къ заявленію и развитію народныхъ особенностей.

Малорусскія „думы“ и пѣсни представляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій славянской народной поэзіи. Малоруссы, вмѣстѣ съ Великоруссами, Болгарами и Сербами, принадлежатъ къ той славянской группѣ, которая имѣетъ дѣйствительный народный эпосъ, и слѣд. одно изъ свидѣтельствъ стародавности и подлинности своего народного существа: эта группа исключительно сохранила почти донинѣ даръ эпическаго творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ въ лирикѣ, обрядовыхъ пѣсняхъ и самыхъ обычаяхъ сберегла гораздо больше далекой бытовой старины, чѣмъ осталось ея въ народной поэзіи западныхъ племенъ подъ чужими бытовыми и книжными вліяніями. Но, какъ было большею частью у Славянъ, національная поэзія жила исключительно въ народной средѣ и, кромѣ самой послѣдней эпохи, возвращеніе къ народности почти никогда не входило въ литературное развитіе. Поэтому, историческая судьба малорусской поэзіи остается очень темна: нѣтъ памятниковъ, которые сберегли бы древнія редакціи ея произведеній, слѣд. выводы объ ея древности могутъ дѣлаться только теоретически и по историческимъ аналогіямъ.

Въ этой древности, изслѣдователей ставилъ въ особенное недоумѣніе вопросъ (недавно снова поставленный на кievскомъ археологическомъ съѣздѣ 1874): почему малорусскій эпосъ (какъ онъ извѣстенъ теперь) не знаетъ тѣхъ преданій стараго кievскаго эпоса, которыя по видимому необходимо должны были въ немъ сохраниться и которыя напротивъ сбереглись такъ хорошо въ поэзіи сѣверной Руси. Нѣкоторые объясняли это именно новостью самого малорусскаго племени: оно не знало древне-кievскихъ преданій, потому что заняло эти мѣста въ болѣе поздній періодъ. Но этотъ фактъ могъ имѣть, и безъ сомнѣнія имѣлъ, другія очень естественныя причины. Во-первыхъ, отсутствіе древнихъ преданій въ современномъ народѣ не есть исключительное, потому что теперь еще нѣкоторые воспоминанія о древнихъ временахъ сохраняются въ видѣ отрывочныхъ, неясныхъ сказаній. „Слово о полку Игоревѣ“, оставшееся слѣдомъ несомнѣнно южнорусской поэтической дѣятельности XII вѣка, представляетъ въ своихъ чертахъ не столько родства съ сѣверными редакціями кievскаго эпоса, сколько съ послѣдующей малорусской думой. А главное въ томъ, что преданія древне-кievскія были заслонены тѣмъ новымъ содержаніемъ, какое явилось въ позднѣйшей исторической жизни южнорусскаго народа и доставило богатую пищу для воспроизведеній народной поэзіи: XVI—XVII вѣка были для южнорусскаго народа новымъ героическимъ періодомъ; его могущественныя впечатлѣнія были слишкомъ свѣжи, чтобы ихъ можно было связать со стариной въ какую-нибудь эпическую преемственность,

и были такъ близки народному чувству, что старыя преданія забылись и на ихъ мѣсто возникла новая поэтическая „дума“¹⁾.

Съ этой поры сохранилось нѣсколько литературныхъ свидѣтельствъ о южнорусской поэзи, въ частности о думахъ. Въ первый разъ, сколько извѣстно, о думахъ упоминается въ анналахъ Сарницкаго подъ 1506 годомъ²⁾, т.-е. почти въ одно время съ первыми извѣстіями о самомъ козачествѣ, хотя разумѣется и козачество и думы явились раньше, чѣмъ ихъ названія попали въ акты и лѣтописи. Въ старой чешской грамматикѣ знаменитаго Яка Благослава, оконченой въ 1571 и изданной нынѣ по рукописи XVI вѣка, приведенъ въ подлинникѣ любопытный памятникъ южнорусской поэзи тѣхъ временъ, подъ именемъ „словенской пѣсни изъ Венеціи, гдѣ много Словаковъ или Хорватовъ“. Пѣсня идетъ вѣроятно изъ-за Дунаева, и имѣетъ свои параллели въ извѣстныхъ теперь³⁾. Упомянутый прежде Иоаннъ Вишенскій, въ одномъ изъ своихъ посланій съ Авоны къ православнымъ землякамъ Малой Россіи, убѣждая ихъ хранить отеческую вѣру и бодро держаться въ борьбѣ съ противниками, преподастъ имъ наставленіе о благочестивомъ житіи, и здѣсь—въ томъ же духѣ, какъ бывало въ русскихъ церковныхъ предписаніяхъ тѣхъ временъ—строго осуждаетъ народные обычаи и пѣсни. Перечисленіе ихъ даетъ любопытныя этнографическія черты.

Иоаннъ Вишенскій совѣтуетъ во-первыхъ «очистить» праздничныя ярмарки, потому что иначе—«праздникъ есть твой таковой не христіанскій, але дьявольскій.

«*Коліды* зъ мѣсть и зъ сель ученіемъ выженѣте; не хочеть бо Христось, да при его Рождествѣ дьявольскіе коліды мѣсце мають, але нехай собѣ ихъ въ пронасъ свою занесеть.

«*Щедриіи вечерь* изъ мѣсть и зъ сель въ болога заженѣте, нехай зъ дьяволомъ сѣднѣть, а не съ христіанъ ся ругаеть.

«*Волочьное* (г. наз. волоченныя пѣсни) по Въскресеніи зъ мѣсть и зъ сель выволокнуи, утопѣте. Не хочеть бо Христось при своемъ славномъ Въскресеніи того смѣху и руганя дьявольскаго имѣти.

«На Георгія мученика праздникъ дьявольскій на поле пшеницныхъ са-тапѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте: гнѣваеть бо ся на

1) Эгого взглядъ мы высказывали въ первомъ изданіи настоящей книги. Прекрасныя объясненія этого вопроса даны были г. Жигецкимъ, Очеркъ звуковой исторіи, 287—291; ср. «Вѣстн. Евр.» 1876, іюнь, 593—598; также взглядъ Косломарова, въ «Вѣстѣхъ», 1872, XII, 30—32.

2) «Per idem tempus duo Strusii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiac, quas *dumas* Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit». Annales, sive de origine et gestis Polonorum et Lituorum, 1587, VII, 379.

3) J. Hradil a J. Jireček, Jana Blahoslawa Grammatika Česká. Вѣна 1857, стр. 341. Обязательное объясненіе пѣсни сдѣлалъ Потебня: «Малорусская нар. пѣсня по списку XVI вѣка». Воронежъ, 1877 (изъ «Филолог. Записокъ»).

землю вашу Георгій мученикъ, што не маиъ христіанина православного, которій бы ругане тое діавольское очисти и изгнати могъ.

«Пирогы и лица надгробныя въ Острозѣ и гдѣ бы ся находило уразитѣ, да ся въ христіанствѣ тотъ квась поганскій не находятъ.

«*Кутала* на Крестителя утопѣте, и огненное скаканя отбѣчете; гнѣнаеть бо ся Креститель на землю вашу, што ся на день памяти его попускаете діаволу ругатися вами зъ васъ же самихъ.

«Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ ихъ ласку мѣти, да погребите и вопалите колоски и шибенциѣ (начели), на день ихъ чиненныя по Волюню и Подолю, и гдѣ бы ся только тое находити мѣло; мерзско бо имъ на землю съ небеси смотрѣти па тое діавольское позорище, христіанскимъ людемъ збираючися». (Акты, оти. къ исторіи Южной и Западной Россіи, II, 223—224).

О козацкихъ думахъ встрѣчаемъ далѣе извѣстїя у историковъ войнъ Хмельницкаго. Когда сынъ Хмельницкаго, Тимошей, женился на дочери молдавскаго господаря, теща, въ угожденіе ему, приготовила свадебный пиръ по украинскому обычаю, а невѣста, въ вечеръ расплетанія косы, приказала себѣ пѣть козацкія думы¹⁾. Малорусскіе историки дѣлаютъ самого Богдана Хмельницкаго авторомъ извѣстной пѣсни, въ которой изображалось печальное положеніе Малороссіи тѣхъ временъ, окруженной врагами²⁾.

Польскій историкъ XVII вѣка, Станиславъ Темберскій, приводитъ въ латинскомъ извлеченіи извѣстную донинѣ пѣсню о Байдѣ, относя се къ Дмитрію Вишневецкому (1564), знаменитому своими военными подвигами основателю первой Запорожской Сѣчи³⁾. Наконецъ, отъ семнадцатаго вѣка есть уже рукописи, въ которыхъ записаны современныя пѣсни о событіяхъ козацкихъ войнъ⁴⁾. Но главнымъ хранителемъ этихъ пѣсенъ былъ самъ народъ. Собранныя изъ его устъ, эти произведенія жили, такъ сказать, вторую жизнь, сближая своей поэтической силой образованные классы современнаго общества съ славнымъ прошедшимъ и съ народной средой.

1) Костомаровъ, Богд. Хм., изд. 1870, III, 42—43.

2) Малороссія уже соединилась съ Россіей; но Москва заключила миръ съ Польшей—въ надеждѣ избранія Алексѣя Мих. польскимъ королемъ; Австрія и Турція грозилы Украйнѣ, требуя отъ нея покорности Польшѣ—изъ опасенія усиленія Россіи. «Все это повергло Хмельницкаго въ тоску и уныніе, а потомъ въ болѣзнь. Въроятно въ эти грустныя минуты гетманъ-поэтъ создалъ ту печальную аллегорическую пѣсню, въ которой подъ видомъ бѣдной чайки, обижаемой двумя птицами, плачущей за дѣтей своихъ, выражена такъ поэтически судьба современной Южной Руси, если только правда, что эта пѣсня сочинена лицомъ, а не создана народомъ». Костомаровъ, тамъ же, III, 241.

Это—извѣстная пѣсня: «ой біда, біда—чайці небози». Текстъ ея (много разъ печатанный), и замѣчанія о пей см. у Закревскаго. Старосѣвскій Бандурнста, II, 37—38. Она приписывалась и другимъ историческимъ лицамъ Украйны.

3) Chronologia synoptica palmitis Coributei. Краковъ, 1669, стр. 16—17; Антон и Драгомановъ, «Истор. Пѣсни», I, стр. 154 и слѣд.

4) См. напр. у Костомарова, 3-й томъ, въ приложеніяхъ; Антоновича и Драгоманова, «Историч. Пѣсни»; см. также Ягнча, Gradja za historiju Slov. nar. roszije, стр. 74—77; и Archiv fur slav. Philologie II, 297—307, замѣтки Петрова и Житецкаго.

Первые собиратели малорусской народной поэзии являются одновременно съ тѣмъ, когда литературныя попытки на малорусскомъ языкѣ стали впервые пріобрѣтать характеръ сознательнаго направленія. Какъ самостоятеленъ былъ ихъ инстинктъ, видно изъ того, что русскія и малорусскія собранія являлись почти безъ указаній и образцовъ въ иностранной литературѣ, безъ которыхъ обыкновенно не обходились наши литературныя и научныя школы. Романтизмъ наводилъ литературу на область народныхъ преданій; распространеніе національныхъ тенденцій внушало мысль объ изученіи народности,—и еще Гердеръ высоко цѣнилъ и собиралъ „Голоса народовъ“,—но въ частности, собраніе народныхъ пѣсенъ было дѣломъ новое, и въ немъ русская и малорусская литература показали много самобытнаго пониманія. Первую попытку указать на малорусскій эпосъ сдѣлалъ князь П. Цертелевъ, въ „Опытѣ собранія старинныхъ малоросс. пѣсенъ“, Спб. 1819. Далѣе ревностнымъ собирателемъ малорусскихъ пѣсенъ былъ Максимовичъ, которому вообще принадлежитъ большая заслуга въ малорусскихъ изученіяхъ.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (1804—1873), изъ небогатыхъ дворянъ Полтавской губерніи, учился въ московскомъ университетѣ, сначала по словесному, потомъ по физико-математическому факультету, былъ специалистомъ по ботаникѣ, съ 1829 сталъ въ томъ же университетѣ профессоромъ ботаники, а въ 1834 назначенъ былъ въ Кіевъ уже на кафедрѣ русской словесности. Это впрочемъ былъ уже давній любимыи его предметъ: еще въ 1827, когда онъ защищалъ магистерскую диссертацию по ботаникѣ, онъ издалъ свое первое собраніе „Малоросс. пѣсенъ“. Въ 1834, изданъ былъ другой болѣе обширный сборникъ, съ историко-филологическими примѣчаніями. Въ сороковыхъ годахъ Максимовичъ оставилъ университетъ, и жилъ въ деревнѣ, изрѣдка бывая въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Его труды направились теперь окончательно на изслѣдованіе исторіи, литературной старины и этнографіи южной Россіи: въ свое время эти труды давали множество важныхъ указаній, и способствовали разработкѣ южнорусскаго прошлаго. Выше упомянуто, какъ въ капитальномъ вопросѣ о происхожденіи малорусскаго племени Максимовичъ защищалъ старобытность народа и языка; особеннымъ его интересомъ было объясненіе малорусской народной поэзіи. Въ 1845, Максимовичъ приготовилъ третье изданіе своихъ пѣсенъ, но по какимъ-то цензурнымъ затрудненіямъ оно могло выйти лишь черезъ нѣсколько лѣтъ (Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, Кіевъ 1849). Не перечисляя въ частности трудовъ Максимовича, довольно указать, что изданіе ихъ начато было въ послѣдніе годы югозападнымъ отдѣломъ Географич. Общества въ Кіевѣ, а по закрытіи этого отдѣла продолжается Церковно-Археологическимъ

Обществом въ Кіевѣ же ¹⁾. Дѣятельность Максимовича любопытна между прочимъ тѣмъ, что она была почти исключительно посвящена одному краю,—это мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ слова, притомъ дѣйствовавшій въ такое время, когда при всей специальности его работъ онѣ далеко не имѣли благопріятныхъ условій. Одинъ изъ биографовъ его напелъ возможнымъ сказать, что какъ Ломоносовъ, по выраженію Пушкина, былъ первымъ русскимъ университетомъ, такъ „Максимовичъ былъ для Кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ чело-вѣкомъ“. Его личныя связи съ литературнымъ кругомъ Пушкина, потому съ Гоголемъ придавали его трудамъ и силу живаго вліянія на тогдашній ходъ литературныхъ идей.

Какъ писатель, Максимовичъ прекрасно владѣлъ малорусскимъ языкомъ, напр., въ переводѣ Слова о полку Игоревѣ; онъ былъ также однимъ изъ первыхъ малорусскихъ переводчиковъ Св. Писанія, именно въ „Псалмахъ, переложенныхъ на украинское нарѣчіе“ (1859, 1867).

Послѣднее изданіе пѣсенъ Максимовича въ свое время считалось авторитетнымъ; но теперь болѣе внимательное изученіе открыло, что въ этомъ сборникѣ есть поддѣлки,—на которыя, какъ видно, смотрѣли тогда очень снисходительно ²⁾. Въ тѣ же годы, И. И. Срезневскій (род. 1812), впослѣдствіи столь извѣстный славистъ, началъ издавать „Запорожскую Старину“ (2 части, въ 6 книжкахъ, Харьковъ, 1833—1838), гдѣ сообщено было значительное число думъ и пѣсенъ съ историческими объясненіями, но, какъ теперь выясняется, и здѣсь, какъ у Максимовича, было много несомнѣнныхъ поддѣлокъ ³⁾. Далѣе, явился сборникъ Платона Лукашевича: „Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни“, Спб. 1836, который воспользовался и русинскимъ матеріаломъ. Въ пятидесятыхъ годахъ старые сборники были смѣнены новымъ сборникомъ упомянутаго прежде профессора харьковскаго, послѣ кіевскаго университета, Амвросія Метлинскаго: „Народныя южно-русскія пѣсни“, Кіевъ, 1854 ⁴⁾. Въ 1856—57 вышли „Записки о Южной Руси“ г. Кулиша, съ замѣчательнымъ этнографическимъ матеріаломъ. Эта книга также не обошлась безъ поддѣлки; издатель напечаталъ мнимо древнюю думу—о морскомъ походѣ князя-язычника въ

¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Кіевъ, 1876—1877, 2 большихъ тома; при третьемъ томѣ должна явиться и біографія Максимовича.

²⁾ См. указанія объ этомъ у Антон. и Драгом. «Истор. Пѣсня», т. I, предисловіе. Вообще о Максимовичѣ, см. некрологъ въ «Вѣсти. Евр.», 1874, мартъ, 442—453; Костомаровъ, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1877, № 25.

³⁾ «Истор. Пѣсни», въ предисловіи. Какъ это дѣлалось, еще неизвѣстно; но самъ издатель такъ выражается впослѣдствіи о «Старинѣ». «Пѣкаторыя изъ этихъ пѣсенъ записаны самимъ мною со словъ пѣвцовъ, другія мнѣ доставлены пріятелями и благопріятелями». Сборн. статей Акад. т. V, вып. II, 461—462.

⁴⁾ О немъ см. въ статьѣ Де-Пуле о Харьковскомъ университетѣ, въ «Вѣсти. Евр.», 1874, февр. 101—104.

христіанскую землю, *сообщенную* Шишацкимъ-Иличемъ (I, стр. 172—178), но явно и притомъ дурно сочиненную ¹⁾.

Костомаровъ издалъ тогда въ „Малорусскомъ литер. сборникѣ“ Д. Мордовцева (Саратовъ, 1859) пѣсни, *собранныя имъ въ 1844* на Воляни. Н. Закревскому принадлежатъ: „Лѣтопись и описаніе города Кіева“, М. 1858; „Описаніе Кіева“, 2 тома. М. 1868, и „Старосвѣтскій Бандуриста“ (3 ч.), М. 1860—61, собраніе пѣсенъ, пословиць, загадокъ, и малорусскій словарь.

Великимъ *пособіемъ* для изученія малорусской народности послужили изслѣдованія историческія. Мы видѣли выше, что со времени войнъ Хмельницкаго и въ теченіе XVIII вѣка малорусскіе патріоты-историки съ любовью собирали свѣдѣнія и *разсказывали* о прошедшихъ судьбахъ своего края. Труды ихъ лежали долго „подъ спудомъ“, или ходили по рукамъ въ спискахъ. Въ нашемъ столѣтіи продолжателями ихъ дѣла явились Дм. Ник. Бантышъ-Каменскій, потомъ Н. А. Маркевичъ (1804—1860) съ своими исторіями Малороссіи ²⁾, и съ *сороковыхъ годовъ* въ особенности извѣстный заслуженный славистъ, Осипъ Макс. Бодянский (1808—1877). Въ 1846 году, московское „Общество исторіи и древностей россійскихъ“ предприняло изданіе извѣстныхъ „Чтеній“, и Бодянский, *который передъ тѣмъ былъ* выбранъ секретаремъ общества и въ сущности былъ главнымъ его дѣйствующимъ лицомъ, особенное вниманіе обратилъ на малорусскія историческія произведенія стараго времени, до тѣхъ поръ никому не извѣстныя, кромѣ немногихъ любителей. Это было возстановленіе цѣлой литературы. Въ отдѣлѣ „матеріаловъ“, среди множества важныхъ источниковъ исторіи обще-славянской и русской, въ „Чтеніяхъ“ открылся цѣлый рядъ старыхъ малорусскихъ историческихъ памятниковъ. Въ 1849, изданіе „Чтеній“ *подъ редакціей* Бодянскаго было прекращено „по независящимъ обстоятельствамъ“, но и въ это короткое время Бодянский успѣлъ издать замѣчательнѣйшія вещи, какъ Лѣтопись Самовидца, труды Ригельмана, Симоновскаго, Ханенка, „Исторія Руссовъ“ Конисскаго и т. д. Когда черезъ десять лѣтъ, „Чтенія“ *были возстановлены*, Бодянский снова сталъ дѣйствовать въ Обществѣ исторіи и древностей и продолжалъ по прежней программѣ замѣчательное изданіе, необходимое для тѣхъ, кто изучаетъ малорусскую (также обще-русскую, и славянскую) древность, исторію и этнографію ³⁾.

¹⁾ Тогда же это было указано въ рецензій «Современника». Ср. «Истор. Пѣсни», I, Предисл. XXI.

²⁾ Выше упомянуто книжка того же Маркевича: «Обычай, повѣрья и проч. Малороссіянъ». Кіевъ, 1860. О Маркевичѣ см. «Р. Старину», 1874, кн. 5.

³⁾ О Бодянскомъ у насъ будетъ еще рѣчь впереди; *некрологъ* его въ «Вѣсти. Евр.», 1877, окт. 899—904.

Въ сороковыхъ годахъ начался рядъ другихъ изданій, чрезвычайно важныхъ для изученія прошлаго юго-западной Руси. Во второй четверти столѣтїа, правительство, сколь ни мало поощряло литературу, имѣло свои представленія о важности историческихъ изслѣдованій, и въ параллель извѣстной археографической комиссіи въ Петербургѣ, начавшей съ тридцатыхъ годовъ изданіе старыхъ актовъ и лѣтописей, въ Кіевѣ основана была въ 1843 „временная комиссія для разбора древнихъ актовъ“. Ревностнѣйшими начинателями этого дѣла были Максимовичъ и Ник. Дм. Иванишевъ (1811 — 1874), профессоръ и одно время ректоръ Кіевскаго университета. Иванишевъ сталъ вообще самымъ дѣятельнымъ работникомъ по археологическому изслѣдованію разныхъ остатковъ мѣстной древности, въ особенности по изученію архивной старины юго-западнаго края и изданію памятниковъ, которые доставили обильный матеріалъ для историковъ южной и западной Россіи и раскрыли историческую непрерывность ея русской народности подъ наплывомъ разныхъ чуждыхъ элементовъ ¹⁾. Выше, въ библиографіи, указаны изданія этой кіевской „временной комиссіи“. Въ 1859, Комиссія ближе ознакомившись съ кіевскимъ центральнымъ архивомъ, составленнымъ въ 1852 при кіевскомъ университетѣ изъ городскихъ и земскихъ актовыхъ книгъ, губерній Кіевской, Волынской и Подольской, расширила свои труды и начала изданіе „Архива Юго-Зап. Россіи“, по слѣдующей программѣ; 1) матеріалы для исторіи православія въ западной Украинѣ; 2) акты объ устройствѣ селеній; 3, о козакахъ и гайдамакахъ; 4) о происхожденіи шляхетскихъ родовъ; 5) о городахъ; 6) объ экономическомъ и юридическомъ бытѣ крестьянъ ²⁾. Каждому изъ отдѣловъ посвящено уже по нѣскольку томовъ. вмѣстѣ съ Иванишевымъ работала, и послѣ него остался главной ученой силой „Архива“ В. Б. Антоновичъ, какъ въ громадномъ трудѣ разбора матеріаловъ и редакціи изданія, такъ и въ историческомъ изслѣдованіи внутреннихъ отношеній стараго юго-запада. Таковы труды г. Антоновича, явившіеся результатомъ его архивныхъ изслѣдованій: „Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра“; „Изслѣдованіе о происхожденіи казачества“; „Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи въ XVIII вѣкѣ“; изслѣдованія о городахъ, о крестьянахъ, наконецъ о гайдамачествѣ, — все образцовые труды, гдѣ наглядно и доказательно выясняется народная исторія южной Руси ³⁾. Выше упомянуто о другомъ мѣстномъ изданіи, богатомъ матеріалами

¹⁾ Подробная біографія Иванишева, впрочемъ, довольно странная, въ «Древней и Новой Россіи», 1876.

²⁾ Всего въ центральномъ архивѣ считалось 5,815 актовыхъ книгъ и 453,331 отдѣльныхъ актовъ съ XVI вѣка. Историческаго матеріала оказалось множество, хотя разсмотрѣно было еще не болѣе 500 книгъ.

³⁾ О дѣятельности В. Б. Антоновича см. «Недѣлю», 1878, № 20—21.

и изслѣдованіями по южнорусской, особенно церковной исторіи — „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“. А. М. Лазаревскому принадлежитъ важное изслѣдованіе: „Малоросс. посполитые крестьяне, 1648—1783“ (Черниговъ 1860) и другія изысканія о старой Малороссіи. О трудахъ г. Костомарова мы говорили: по признанію малорусскихъ критиковъ, труды Костомарова о народной сторонѣ русской исторіи стали основой новаго украинства; его полемика съ Поляками и Москвичами выявила сосѣдскія и родственныя отношенія малорусскаго народа; изслѣдованія о федерализмѣ древней Руси и старое „Кирилло-Меѳодіевское братство“ дали первое начало украинскаго панславизма.

Съ 1860-хъ годовъ начинаются особенно усердныя этнографическія изысканія, собираніе памятниковъ народной поэзіи, описаніе обычаевъ, наблюденіе народнаго быта общественнаго и экономическаго. Замѣчательные результаты этихъ трудовъ явились особенно въ 1870-хъ годахъ въ цѣломъ рядѣ важныхъ изданій и были справедливо оцѣнены нашими и западно-славянскими учеными. Съ 1873 года въ Кіевѣ началъ дѣйствовать „юго-западный отдѣлъ“ русскаго Географическаго Общества. Въ 1874—1875 вышли два тома „Записокъ“, гдѣ кромѣ изслѣдованій по естественной исторіи и экономіи страны помѣщены были замѣчательныя этнографическія работы П. П. Чубинскаго, А. А. Руссова, („Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ“), Н. В. Лисенка (о музыкальныхъ особенностяхъ думъ и пѣсень Остапа Вересая), М. П. Драгоманова, П. С. Иващенко, А. И. Лоначевскаго, Г. И. Купчанко („Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ“, съ картой и сборникомъ пѣсень).

Рядомъ съ этимъ являлись замѣчательныя отдѣльныя собранія, напр. И. Я. Рудченко, Народныя южнорусскія сказки. 2 ч. Кіевъ 1869—70; Чумацкія народныя пѣсни, Кіевъ 1874 (ср. Вѣст. Евр. 1872, кн. IX—X); Лисенка, Сборникъ украинскихъ пѣсень, 2 вып. Кіевъ 1872; А. И. Сементовскаго, Малорусскія загадки, Спб. 1872; Ефименко, Сборникъ малоросс. заклинаній (въ „Чтеніяхъ“ 1874, I, 1—70). Но въ особенности трудъ гг. Антоновича и Драгоманова: „Историческія пѣсни Малорусскаго народа“ (т. I. Кіевъ 1874; первый вып. II-го тома, 1875), образцовое изданіе пѣсень, основанное на обильномъ количествѣ вариантовъ, впервые освобождающее тексты отъ поддѣлокъ и подправокъ и снабженное обстоятельными историческими комментаріями. Къ сожалѣнію, о продолженіи этого изданія нѣтъ пока никакихъ извѣстій. Изъ матеріаловъ, собраныхъ въ кіевскомъ Географическомъ Обществѣ, г. Драгомановъ составилъ „Малорусскія народныя преданія и рассказы“, Кіевъ 1876. Костомаровъ, уже въ своей книгѣ 1843 года сдѣлавшій попытку историческаго опредѣленія рус-

ской народной поэзии, возвратился къ этому предмету въ статьяхъ о великорусской народной поэзии (Вѣстн. Евр. 1872, VI), и особенно подробно о малорусской („Историч. значеніе южнорусскаго нар. пѣсеннаго творчества“, въ Бесѣдѣ 1872, IV—VI, VIII, X—XII). Онъ подробно останавливался также на изданіяхъ Антоновича и Драгоманова¹⁾

Остается упомянуть еще объ одномъ монументальномъ предпріятіи по изученію юго-западнаго края, исполненномъ малорусскими силами. Это—„Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русской край, снараженной Имп. Рус. Геогр. Обществомъ. Юго западный отдѣлъ“ (шесть большихъ томовъ, 1872—1877). Мысль о снаряженіи экспедиціи въ западный русскій край для этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій возникла въ петербургскомъ Географическомъ Обществѣ еще въ 1862. Тогда же выработаны были программы, но политическія волненія западнаго края заставили отложить дѣло до болѣе спокойнаго времени. Въ 1865 вопросъ былъ поднятъ снова, снова обсуждены и отчасти измѣнены программы, даже начато исполненіе предпріятія (поѣздка С. Максимова въ западный край), но дѣло шло весьма неудовлетворительно. Наконецъ, въ 1869, коммиссія Географическаго Общества, завѣдывавшая этимъ дѣломъ, выбрала для изслѣдованія сѣверно-западнаго края г. Кузнецова, а для юго-западнаго пригласила П. П. Чубинскаго. Успѣхъ этого послѣдняго выбора вѣроятно превзошелъ ожиданія Географическаго Общества. Изслѣдованія поведены были съ замѣчательной энергіей и обдуманностью. Съ половины слѣдующаго, 1870, года, въ Общество уже начали поступать результаты трудовъ экспедиціи, которая встрѣтила самое теплое сочувствіе въ образованныхъ кругахъ южнаго края и могла воспользоваться изученіями, собраніями, указаніями, помощью мѣстныхъ ученыхъ и любителей. Съ 1872 начали появляться „Труды“ экспедиціи Чубинскаго, которые печатались въ Петербургѣ подъ наблюденіемъ Костомарова и П. Гильтебрандта.

Въ 1-мъ томѣ (вып. 1, 1872; вып. 2, 1877) заключаются матеріалы о народныхъ вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ, колдовствѣ; загадки и пословицы. Томъ 2-й (въ печати) долженъ заключать сказки мифическія и бытовья.

¹⁾ Объ «Историч. Пѣсняхъ»—въ «Вѣстн. Евр.», 1874, XII; о «Нар. преданіяхъ и разказахъ»—въ «Р. Стариѣ», 1877, XIX. Замѣгимъ еще рецензіи «Пѣсенъ» и «Малор. преданій» А. Н. Веселовскаго («Слб. Вѣдом.», 1874, № 278 и въ «Др. и Новой Россіи», 1877, II, 205—211); рецензіи «Пѣсенъ» Ив. Новичкаго (въ «Кіевлянинѣ», 1874, № 100); «Малор. народныя думы и кобзарь О. Вересаѣ», Ор. Миллера, въ «Др. и Новой Россіи», 1875, IV, 348—362. Объ Остапѣ Вересаѣ, котораго мы слышали въ Петербургѣ, см. также галицкую «Правду», 1868

Прибавимъ еще, что въ «Памятной книжкѣ» Саратовской губ. на 1872 годъ, Саратовъ, 1872, есть свѣдѣнія о малорусскихъ островахъ этой губерніи: «Малороссійскія гѣсни, записанныя въ Баладѣ, Аткарскаго уѣзда», С. Иллюминарскимъ (ч. II, отд. III, 1—27); «Слобода Самойлова», съ малорусскимъ населеніемъ, И. Горизонтова (тамъ же, стр. 28—43).

Томъ 3-й (1872): народный дневникъ. Томъ 4-й (1877): обряды—родины, крестины, свадьбы, похороны, съ подробнымъ описаніемъ обычаевъ, массою относящихся къ нимъ пѣсень и 138 № нотъ. Томъ 5-й (1874: 1209 стр.): пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточные ¹⁾. Томъ 6-й (1872): народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Томъ 7-й (вып. 1, 1872; вып. 2, 1877): Евреи; Поляки; племена не-малорусскаго происхожденіи; Малоруссы— статистика, сельскій бытъ, языкъ, съ тремя картами: еврейскаго населенія юго-западнаго края, населенія католическаго и польскаго, и картой южнорусскихъ нарѣчій и говоровъ.

Таково богатое содержаніе, добытое экспедиціей въ очень короткое время. Фактъ очень замѣчателенъ, если обратить вниманіе на то, что эти матеріалы собраны и изслѣдованія сдѣланы исключительно мѣстными учеными силами, и быстрый успѣхъ предпріятія показываетъ, что въ обществѣ южнорусскомъ есть дѣйствительно живой интересъ къ всестороннему изученію своего народа и его общественныхъ отношеній, тотъ интересъ, на который указывало украинифильство и котораго само оно было выраженіемъ.

Изложенный выше ходъ научной реставраціи народной малорусской поэзіи показываетъ, что теперь еще трудно дать ея точную исторію. Съ одной стороны нѣтъ почти никакихъ записанныхъ памятниковъ съ изъ старыхъ временъ, съ другой ея современный составъ нельзя считать вполне выясненнымъ и собраннымъ. Еще только начато первое критическое изданіе историческихъ пѣсень; еще только явился, въ экспедиціи Чубинскаго, первый опытъ систематическаго собранія народно-поэтическаго и бытового матеріала; едва начато сравнительно-историческое изученіе русской народной поэзіи въ трудахъ Веселовскаго, Драгоманова, Бусласва, и предъ настоящими и будущими изслѣдователями лежитъ еще длинный рядъ вопросовъ, между прочимъ и по самымъ основнымъ пунктамъ. Лучшій обзоръ малорусской народной поэзіи, въ ея современномъ status quo, читатель найдеть въ названномъ выше сочиненіи г. Костомарова.

Новые изслѣдователи малорусскаго эпоса указываютъ въ немъ слѣдующіе періоды, отвѣчающіе историческимъ періодамъ народной жизни: 1) пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго, составляющія воспоминаніе изъ стараго еще до-татарскаго быта, который послѣ, при Гедиминовичахъ, продолжался до половины XVI вѣка или до Люблинской уніи; 2) пѣсни козацкаго вѣка, о борьбѣ съ Татарами и Поляками; 3) пѣсни вѣка гайдамацкаго, времени упадка козачества, но еще продолжавшихся притѣсненій въ тѣхъ частяхъ южной Руси,

1) Объ этомъ см. Ягича, Archiv, I. 320 и слѣд.

которыя оставались пока подъ польскимъ владычествомъ; 4) пѣсни вѣка рекрутскаго и крѣпостного, и наконецъ 5) новѣйшія пѣсни про волю.

Южнорусскій эпосъ забылъ, или почти забылъ преданія стараго Кіева, но взамѣнъ того народъ создалъ самобытную эпопею козацкой эпохи, которая отличается рѣзко отъ эпоса, сохранившагося на сѣверѣ Россіи. Въ то время какъ въ сѣверномъ эпосѣ наиболѣе развитымъ пунктомъ осталась Кіевская древность съ ея богатствами, а позднѣйшія историческія эпохи тронуты слабѣе и случайнѣе, центръ южнаго эпоса—вѣка козацкихъ войнъ; когда сѣверный эпосъ уже издавна забывался народомъ и въ послѣднее время былъ настоящимъ открытіемъ—въ захолустьяхъ, нетронутыхъ историческою жизнью, эпосъ малорусскій до послѣднихъ десятилѣтій оставался свѣжимъ фактомъ народной жизни. Наконецъ, сѣверная былина, въ своей основной кіевской части, осталась въ разумѣніи народа далекой миѳической древностью, непрічастной настоящему, и могла сохранить тонъ эпическаго невозмутимаго спокойствія; южная дума выросла изъ живыхъ событій, и въ эпической тонъ приливаетъ лирическое чувство.

Порожденный новыми условіями, южнорусскій эпосъ отличается такимъ образомъ и иными свойствами. Между тѣмъ какъ древній кіевскій эпосъ, даже какъ онъ сохраняется теперь, носитъ въ себѣ много миѳологическаго, не только въ случайныхъ подробностяхъ, но въ самой своей основѣ, новый малорусскій эпосъ исключительно героическій. Миѳологическіе мотивы и старыя эпическія формы остались въ немъ однимъ приѣмомъ, условной манерой: это скорѣе поэтическій символизмъ, чѣмъ миѳологическое воспоминаніе. Существенное содержаніе эпоса—дѣйствительная исторія, его герои—дѣйствительные герои національной борьбы, которыхъ подвиги, характеры, трагическая судьба поражали воображеніе и чувство народа. Такимъ образомъ малорусскій эпосъ обнимаетъ всѣ существенные періоды исторической малорусской жизни съ XV-го по XVIII столѣтіе, рассказываетъ о борьбѣ съ Татарами и Турками въ степяхъ и на Черномъ морѣ, о бѣдствіяхъ невольничества, о войнахъ съ Польшей, наконецъ о новѣйшихъ событіяхъ, гайдамачествѣ и пр. При всемъ поэтическомъ колоритѣ этихъ произведеній въ нихъ нрѣдко съ точностью можетъ быть указанъ историческій фактъ, послужившій имъ основаніемъ, лицо, выбранное въ герои, и наконецъ общественныя и бытовыя отношенія;—все это трудно указать въ древнемъ эпосѣ. Поэтическая картина думы оттѣпается теплымъ чувствомъ лирической пѣсни и представляетъ нрѣдко замѣчательныя красоты, и это дѣлаетъ ее однимъ изъ привлекательнѣйшихъ явленій всей славянской поэзіи. Живое чувство природы даетъ

думѣ множество поэтическихъ образовъ, выразительно обставляющихъ эпическій сюжетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ собственно народная жизнь упадаетъ, малорусскій эпосъ теряетъ свою производительность. XVIII столѣтіе еще сохранило черты малорусской старины; Запорожье еще доживало послѣдніе дни; бурные подвиги прежняго времени находили отголосокъ въ удалыхъ походахъ гайдамакъ, въ „коливцинѣ“,—и малорусская дума еще свѣжо хранилась въ памяти народа: бандуристы, кобзари, лирники могли еще передавать богатый запасъ старыхъ преданій, но теперь изслѣдователи-этнографы и любители слѣшать слышать и записать пѣсни „послѣднихъ менестрелей“ малорусской поэзіи.

Лирическія пѣсни Малоруссовъ отличаются той же поэтической свѣжестью и глубокимъ чувствомъ: кромѣ пѣсенъ личнаго, особенно женскаго чувства, малорусская поэзія представляетъ большое разнообразіе обрядныхъ и бытовыхъ пѣсенъ.

Одинъ изъ большихъ знатоковъ южнорусской народной поэзіи, самъ собиравшій ее изъ устъ народа, Костомаровъ, такъ сравниваетъ ее съ поэзіей великорусскаго племени: «Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, осязаемаго, осязательнаго тѣла для признанной разѣ идеи, великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріальному и уступаетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушайтесь къ голосу пѣсенъ, присмотритесь къ образамъ, сотвореннымъ воображеніемъ того и другого племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народнымъ произведеніямъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лишены были поэзіи, напротивъ, въ нихъ высокопоэтической является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлили себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества.

«Великорусскій народъ, практическій, матеріальный по преимуществу, восходитъ къ поэзии только тогда, когда выходитъ изъ сферы текущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлекаясь, примѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность опозтеизирования всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, такъ часто ниспадаетъ до простой забавы и развлечения. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку, тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени она болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эпоса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи. Въ великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически

плѣняетъ насъ въ южнорусскихъ пѣсняхъ..... Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ—все дышетъ, мыслитъ, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, рѣдко возвышается (въ пѣсняхъ великорусскихъ) надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ изображается съ тою анакреонтическою граціею, которая скрадываетъ тривиальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина, въ великорусскихъ пѣсняхъ, рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матерію; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко высказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противоположность натуры того и другого племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода выработывается прелесть слова и выраженія, доходящая до истинной художественности; отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслію». (Историч. Монографіи, I, 266—268).

Народность бѣлорусская всего позднѣе у насъ обратила на себя вниманіе, и до сихъ поръ изучалась всего менѣе. Бѣлорусскій край, присоединенный при раздѣлахъ Польши, считался краемъ польскимъ, оставался по прежнему въ рукахъ польской администраціи, польскихъ помѣщиковъ, католическаго духовенства; никто не вспоминалъ, что народная масса въ этомъ краѣ — русская. Только недавно, съ польскаго возстанія, мы спохватились, что и здѣсь живетъ русскій народъ, и только теперь начались настоящія изученія.

Но этотъ край такъ долго жилъ въ союзѣ съ Польшей, доставилъ ей столько матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, что Польша естественно тоже считала его своимъ. И, если мы, говоря словами г. Безсонова, „теперь, весьма поздно, спохватились называть и признавать Бѣлоруссію своею..., то мы никакъ не осмѣлимся упрекнуть литературу и науку другую, польскую или ополяченную, за то, что она также точно, и гораздо раньше насъ, считала и вела дѣло изученія бѣлорусской народности и старины своимъ, собственнымъ и приснымъ,

убѣждаясь къ тому и дѣйствительнымъ родствомъ, хотя подалѣе нашего, и родствомъ привычки давняго сожительства, и памятью о существѣ или корнѣ мѣстныхъ, позднѣе ополяченныхъ, формъ жизни“¹⁾. Первыя изученія были сдѣланы польскими писателями, и ихъ труды, особенно прежніе, были большою научною заслугой. „Дурно, — продолжаетъ Безсоновъ, — если въ дѣло это замѣшивалась политика, съ исключительностью польской тенденціи: но это случалось, въ настоящемъ вопросѣ, лишь позднѣе, а мы должны вспомнить, что мы сами разсчитывали, по крайней мѣрѣ недавно, сдѣлать изъ всего этого также орудіе политическое. Во всякомъ случаѣ другая сторона предварила насъ“... Прежніе польскіе дѣятели, „не обинуясь, называли языкъ и народъ съ его произведеніями прямо *русскимъ*, и только позднѣе, подъ вліяніемъ политики, стали появляться и утвердился разныя хитросплетенныя названія, скрывавшія суть дѣла, не чуждыя, къ сожалѣнію, и нашему собственному невѣжеству“.

Отсылая читателя, который искалъ бы подробностей о ходѣ изученій бѣлорусской народности, къ названной книгѣ Безсонова, приводимъ лишь главнѣйшія указанія.

Еще знаменитый польскій лексикографъ Линде въ своемъ „Словарѣ польскаго языка“ (1-е изд. 1814) ввелъ многія бѣлорусскія выраженія, и съ ними черты быта и народнаго творчества. Лукашъ Голембѣвскій въ своихъ сочиненіяхъ (особенно, *Lud Polski*, 1830) сообщилъ довольно чертъ бѣлорусскаго быта, между прочимъ нѣсколько пѣсенъ, въ подлинникѣ, хотя въ латинской азбукѣ. Извѣстный польско-русскій археологъ, Зоріанъ Доленга-Ходаковскій самъ собиралъ бѣлорусскія пѣсни изъ устъ народа. Мало-по-малу интересъ къ народному творчеству возрасталъ; пѣсни являлись въ сборникахъ уже съ полнымъ польскимъ правописаніемъ или просто переводились на польскій языкъ, такъ что къ тогдашнимъ сборникамъ надо относиться очень осторожно. Въ нашемъ столѣтіи западный и южный край дали Польшѣ цѣлый рядъ замѣчательныхъ поэтовъ, и въ томъ числѣ величайшаго изъ польскихъ поэтовъ, Мицкевича, и нѣтъ сомнѣнія, что народная поэзія *Украины и Бѣлоруссіи* имѣла свою долю вліянія на ихъ поэтическое развитіе. Изъ болѣе крупныхъ сборниковъ этого времени, бѣлорусскія пѣсни (подъ именемъ „славяно-кривическихкихъ“) попали въ книжки: „*Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny*“, Вильна 1837—44; „*Piosenki gminne ludu Pińskiego*“, Ковно 1851, Ромуальда Зенкевича; „*Pieśni ludu*“, Варшава 1836, извѣстнаго Казимира-Владислава Войцицкаго. Книжка Алекс. Кыпинскаго, „*Via-lorus*“, Парижъ, 1840, тенденціозна и ненаучна.

1) Бѣлор. пѣснн, XX—XXI.

Въ русской литературѣ, кажется, впервые Калайдовичъ, извѣстный археологъ, обратилъ вниманіе на особенности бѣлорусскаго нарѣчія Позднѣе, П. В. Кирѣвскій, которому принадлежать столь великія заслуги въ изученіи русской народной поэзіи, возбуждаемый примѣромъ Ходаковского, посѣтилъ Бѣлоруссію, и хотя самъ не собиралъ здѣсь пѣсенъ, но вошелъ въ сношенія съ нѣсколькими лицами, которыя доставили ему пѣсни, записанныя польскимъ письмомъ. Извѣстно однако, что, кромѣ небольшой доли, онъ такъ и не могъ самъ издать своего собранія. П. Безсоновъ, предпринявъ изданіе собранія Кирѣвскаго (сначала, изданіе духовныхъ стиховъ) и дополняя ихъ самъ, коснулся и области бѣлорусской и между прочими народными бѣлорусскими рукописями приобрѣлъ замѣчательную рукопись этого рода изъ XVII вѣка ¹⁾.

Между тѣмъ на мѣстѣ дѣло развивалось своимъ путемъ. Бѣлорусская старина, въ общемъ составѣ исторической „Литвы“, нашла замѣчательныхъ историковъ въ лицѣ знаменитаго Нарбутта, Ярошевича, Лукашевича, Крашевскаго, Даниловича и пр. Затѣмъ, начались русскія изданія западныхъ актовъ, начиная съ трудовъ прот. Григоровича и кончая изданіями виленской археографической комиссіи, гдѣ съ 1867 г. председательствуетъ галицкій ученый, выѣхавшій въ Россію, Я. Головацкій. Гр. Тышкевичъ, извѣстный мѣстный археологъ, издалъ въ 1847, на польскомъ языкѣ, описаніе Борисовскаго уѣзда Минской губ., а затѣмъ стали появляться статистическія и этнографическія описанія уже на русскомъ языкѣ. Таковы труды А. Киркора, въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, „Этнограф. Сборникѣ“ Петерб. Геогр. Общества, 1858, и проч. Но у Киркора мѣстное населеніе еще не всегда называется русскимъ, это — „славянское“ племя, нарѣчіе его — „кривичанское“; но сравнительно съ прежнимъ, и то былъ успѣхъ. Въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ и другихъ изданіяхъ Геогр. Общества разбросано вообще довольно много свѣдѣній и матеріаловъ, но все это еще очень случайно, отрывочно, не приведено къ общему вопросу; остается не выяснена самая область русской народности западнаго края, въ ея цѣломъ. Много свѣдѣній представляютъ далѣе „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“, издававшіеся съ конца 1850-хъ годовъ при генеральномъ штабѣ, по губерніямъ; но собственно этнографическая сторона этихъ описаній страдаетъ тѣми же недостатками; такъ и здѣсь еще, напр. у г. Корева, повторяется „кривичанское“ племя и бѣлорусскія пѣсни называются пѣснями „Славянъ“. Въ „Матеріалахъ“ изданы описанія гу-

¹⁾ Образцы изъ нея даны были въ «Историч Хрестоматіи» Буслаева, М. 1861, стр. 1623—1624.

берній: виленской—Коревы (1861), ковенской—Аванасьева (1861), минской—Зеленскаго (1864), смоленской—Цебрикова (1862), гродненской—Бобровскаго (1863, обширное и лучшее изъ всѣхъ описаній, гдѣ много мѣста заняла и этнографія). Далѣе, этнографическій матеріалъ о бѣлорусской народности находимъ въ изданіяхъ *II отдѣленія Академіи*; сборники пословицъ Шпилевскаго, Носовича; первый бѣлорусскій словарь, Носовича.

Польское возстаніе и потомъ усмиреніе его отразились въ положеніи края, а также въ литературѣ *очень странными явленіями, которыя вѣрно указаны Безсоновымъ* (тамъ же, XVII—XVIII, XLVII, LIII). Явились въ краѣ особаго рода дѣятели, которыхъ нельзя было признать лучшими представителями русскаго общества и образованности. Въ первый разъ узнали, что западный край — русскій; возникла идея „обрусенія“ и также „возстановленія“ русской народности въ краѣ, которымъ владѣли Поляки. Но оказалось, что самая народность Бѣлоруссіи была не та, каковую „дѣятели“ ожидали встрѣтить; и они принялись подправлять эту народность на *извѣстный имъ образецъ*. Это отразилось и въ той области, гдѣ повидимому надо было бы ожидать пониманія историческихъ процессовъ, и разнообразія явленій въ одномъ племенномъ типѣ.

Въ это время явилось изданіе П. Гильтебрандта: „Сборникъ памятникъ народнаго творчества въ сѣверозападномъ краѣ“, Вильна 1866, изданіе не критическое, куда между прочимъ попали и поддѣланныя пѣсни, и грубыя разсужденія о національныхъ отношеніяхъ края. Тотъ же издатель, *вмѣстѣ съ другими лицами* работалъ надъ „Археографическимъ Сборникомъ“ по исторіи западнаго края.

Нѣсколько пѣсенъ, хорошо записанныхъ, помѣщено было въ „Вѣстникъ Западной Россіи“; безъ ученыхъ претензій, съ ошибками, но не бесполезно „Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверозап. края“, М. Дмитріева, Вильна, 1869. А. Сементовскій издалъ „Этнографическое обозрѣніе Витебской губерніи“, Спб. 1872. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ книги. Одна — „Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта“, П. Безсонова вып. 1, М. 1871 ¹⁾. Другая — „Бѣлорусскія народныя пѣсни съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями, съ приложе-

¹⁾ Предисловіе Безсонова, которое мы цитировали, важное какъ свидѣтельство дѣйствующаго лица и очевидца, можетъ дать читателю *любопытныя данныя* о положеніи народности въ краѣ вслѣдъ за польскимъ возстаніемъ. Мы исполнили согласны съ авторомъ въ его защитѣ народной индивидуальности и во взглядѣ на «дѣятелей», — но находимъ забавными нападенія на «Петербургъ», который у него во всемъ виноватъ. Бѣльшее безпристрастіе сказало бы г. Безсонову, что «дѣятелей», «олонофаговъ», «обрусителей» и т. п. Мосева воспитывала столько же, если не гораздо больше.

ніемъ объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній“, П. Шейна, Спб. 1874. Эти два изданія представляютъ начало серьезнаго, научнаго изслѣдованія бѣлорусскаго народнаго быта и поэзіи.

III. Г а л и ц к і е Р у с и н ы .

Галицкая земля въ древности принадлежала къ центральнымъ пунктамъ Славянства ¹⁾. Здѣсь была Великая Хорватія и Великая Сербія, откуда вышли нѣкогда на юго-западъ племена этого имени. Имя Хорватовъ долго сохранялось и на мѣстѣ, за однимъ изъ племенъ карпатскаго края. Въ IX вѣкѣ, западная часть нынѣшней Галиціи входила въ составъ извѣстнаго велико-моравскаго княжества, въ X-мъ одно время принадлежала чешскому королевству, отъ него взята была Польшей; восточная часть была въ концѣ X вѣка завоевана кievскимъ княземъ Владиміромъ: этотъ край уже тогда назывался „Червонная Русь“ (Червенскіе города). Отнятый королемъ польскимъ Болеславомъ, онъ былъ снова завоеванъ русскими князьями Ярославомъ и Мстиславомъ, и съ половины XI вѣка оставался въ родѣ князя Ростислава Владиміровича. Въ половинѣ XII столѣтія Владимірко выбралъ своей

- ¹⁾ По этнографіи и статистикѣ Галицкой и Венгерской Руси и Буковины, см.:
 — Шафарикъ, Slov. Národopis, 1849, и статистики Австро-Венгрии.
 — Як. Головацкій, Cesta po halické a uherské Rusi, въ чешскомъ «Часописѣ» 1841—42, и еще 1843; Карпатская Русь, въ «Слав. Сборникѣ» I, 1875, 1—31; II, 1877, 55—84, съ этнографической картой Галиціи, Буковины и Венгерской Руси.
 — И. Срезневскій, Русь Угорская, въ «Вѣстникѣ Географ. Общества». Спб. 1851—1852, IV.
 — Дешко, о Карпатской Руси, въ галицкой «Семейной Библиотекѣ» 1855.
 — Н. J. Bidermann, Die ungarischen Ruthenen. I. Statistik, Geo- und Ethnographie. II. Historischer Theil. Innsbruck, 1862—67.
 — Schmedes, Geogr.-statist. Uebersicht Galiziens und der Bukowina. Lemberg, 1869.
 — «Славянскій Сборникъ» I, 1873, 31—88 (статьи Наумовича и другихъ).
 — Н. Sturpnicki, Geogr.-statystyczny opis królestwa Galicyi i Lodomeryi. Lwów, 1864.
 — Wl. Raracki, Ludność Galicyi, Lwów 1874.
 — Г. И. Купчанко, Нѣкоторыя историко-географ. свѣдѣнія о Буковинѣ. Кіевъ, 1875 (въ «Запискахъ юго-зап. отдѣла Геогр. Общ.» т. II, 289—369). Буковина и ея народонаселеніе, въ Буков. Календарѣ 1875.
 — «Австро-Венгрія». Составл. Ф. Фельдманомъ и А. Риттихомъ, подъ ред. Н. Обручева. 3 вып 4^о. Спб. 1874—76.
 По исторіи:
 — Обція книги по русской и польской исторіи, для древней исторіи Галича и Владиміра-Вольнскаго.
 — Engel, Geschichte von Halitsch und Wladimir; 2 ч. Вѣна, 1793; Gesch. der Ukraine und der ukrain. Kosaken, wie auch der Konigr. Halitsch und Wladimir. Halle 1796.
 — Денисъ Зубрицкій (Dion. Zubrzycki), Kronika miasta Lwowa. Lwów 1844; Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси, до конца XV столѣтія. Пер. съ польскаго О. Бодянскаго. М. 1845; Исторія древняго Галицко-русскаго княжества, 4 ч. Львовъ, 1852—55 (по-русски).

столицей Галичъ на Днѣстрѣ, — это было начало *Галицкаго княжества*. Владимірко, предприимчивый, хитрый и энергическій, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ удѣльныхъ князей своего времени. Его сынъ былъ знаменитый Ярославъ Осмомыслъ, упоминаемый въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Съ переходомъ русскаго великаго княженія на сѣверовостокъ, въ Суздаль, Галичъ составилъ особое владѣніе, обыкновенно не признававшее главенства князей суздальскихъ. Исторія Галицкаго княжества въ XII—XIII вѣкахъ имѣла свои блестящія времена процвѣтанія и политической силы, — но также смуть внутренней и вѣшной борьбы. Уже по смерти Ярослава Галичъ становится предметомъ споровъ между русскими князьями разныхъ линій, а также сосѣдами, Поляками и Венграми. Въ 1199 умеръ послѣдній изъ Ростиславичей, и послѣ новыхъ волненій Галицкое и Владиміро-Волынское княжества соединились подъ властью другого знаменитаго князя Галицкой Руси, Романа, который присоединилъ къ своему княжеству самый Кіевъ и назывался даже „самодержцемъ всей Руси“. Но Романъ правилъ недолго. Сынъ его, Даниль, остался по смерти отца ребенкомъ, въ молодости нѣсколько разъ получалъ престолъ своего отца, въ 1224 году сражался съ русскими князьями противъ Татаръ при Калкѣ, и только къ срединѣ XIII вѣка утвердился въ Галичѣ, и назывался *королемъ русскимъ*. Съ татарскимъ нашествіемъ, связи Галича съ восточной Русью прерываются: югъ былъ въ упадкѣ отъ татарскихъ разореній; сѣверъ былъ далеко, а дома все настойчивѣе становились притязанія и вліянія

— К. *Stadnicki*, *Synowie Gedymina*, 3 тома. Львовъ, 1853 (именно томъ 2-й; *Lubart, książę Wołyński*).

— М. Смирновъ, Судьба Червонной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшею (1387). Спб. 1860.

— *Aug. Bielowski*, *Królestwo Galicyi*, въ *Bibl. Ossolińskich, poczet nowy*, I, 1—43. Львовъ, 1862.

— Ис. Шараневичъ (*Izydor Szaraniewicz*), Исторія Галицко-Володимирской Руси отъ найдавнѣйшихъ временъ до року 1453. Львовъ, 1863, съ картой; *Kościelne sprawy na Rusi za rządów Kazimierza Wielkiego*. *Bibl. Ossol.*, тамъ же, II, 318—337; *Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie XV wieku*. *Lwów* 1869; *Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-völker im Alterthum und im Mittelalter*. *Lemberg* 1871.

— А. Петрушевичъ, сочиненія, указанія далѣе въ текстѣ.

— Дулишкевичъ, Историческія черты Угро-Русскаго народа. Унгарь, I—III. 1875—77.

— А. Шагуна (еп. трансильванскій), *Gesch. der griechisch-orientalischen Kirche in Oesterreich*. *Hermanstadt*, 1862.

— I. *Fiedler*, *Beiträge zur Geschichte der Union der nen in Ungarn*, *Ruth* въ *Sitzungsberichte vñsкаой акад XXXIX* 1862.

— Орлай, «Исторія о Карпато-Россахъ», въ Сѣверн. Вѣстникѣ, 1804.

— Войтковскій, «Объ уніи венгерскихъ Русиновъ», *Рус. Бесѣда*, 1859, кн. IV.

— Игумень Арсеній, «Русскіе въ Венгріи», *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1863, июль, 699—716.

— Матисовъ, «Движеніе народной жизни въ Угорской Руси», *Бесѣда*, 1871, VI, 225—248.

— Влад. Мордвиновъ, *Православная церковь въ Буковинѣ*. Спб. 1874.

— Г. А. Деволанъ, Угорская Русь. Историческій очеркъ. М. 1878.

польскаго и венгерскаго сосѣдства. Конецъ XIII вѣка занятъ былъ правленіемъ Льва Даниловича. Правнукъ Льва, Юрій II Андреевичъ, былъ послѣднимъ самостоятельнымъ княземъ Галича. По его смерти, въ 1337 году, Галицкая Русь снова стала добычей, за которую спорили княжество Литовское, Польша и Венгрія. Въ 1352, король польскій Казиміръ, въ династическомъ договорѣ съ Людовикомъ венгерскимъ (послѣ Казиміра онъ былъ королемъ польскимъ), уступалъ ему верховное право на Галицію,—это обстоятельство черезъ 420 лѣтъ и послужило основаніемъ для такъ-называемой „ревиндикаціи“ Галиціи со стороны Австріи. Наконецъ, въ 1387 Галицкая Русь была окончательно присоединена къ Польшѣ, какъ собственность польской короны, и называлась съ тѣхъ поръ „рускимъ воеводствомъ“; Волинь, которая раньше досталась Литвѣ, присоединена была къ Польшѣ въ составѣ княжества Литовскаго, вслѣдствіе брака Ядвиги и Ягелла.

Такимъ образомъ, въ началѣ своей исторіи Галицкая Русь была непосредственно связана съ цѣлой Русью и составляла часть древней федераціи русскихъ княжествъ: это былъ тотъ же народъ (южно-русскій), тотъ же княжескій родъ, то же кievское православіе, іерархія, бытъ, языкъ, наконецъ письменность. Древнія племенные дѣленія и здѣсь, какъ въ цѣлой Руси, со временемъ исчезли и смѣнились объединяющимъ именемъ Руси, обозначающимъ тогда, какъ извѣстно, въ особенности южную отрасль русскаго народа; эту Галицкую Русь тянуло къ Кіеву; въ Кіевѣ также считали ее своею, и авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ съ гордостью говоритъ о галицкихъ князьяхъ, какъ о славѣ русскаго княжескаго рода.

Но съ половины XIV вѣка дѣло измѣняется. Галицкая Русь вошла въ составъ Польши и съ тѣхъ поръ дѣлила ея внѣшнюю политическую судьбу въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ до паденія этого государства. Польское господство обнаружилось постепеннымъ и, наконецъ, крайнимъ упадкомъ русской народности. Галицкая Русь отличалась отъ другихъ русскихъ земель, между прочимъ, той особенностью, что здѣсь уже рано, съ XII вѣка, развилась боярская аристократія, которая, поставивъ свои сословные интересы выше народныхъ, несетъ ббльшую долю вины въ политическихъ бѣдствіяхъ Галицкой Руси. Подъ господствомъ Польши, галицкіе высшіе классы стали принимать польскіе обычаи, языкъ, католичество, и наконецъ совсѣмъ отрывались отъ народной массы. Русская народность въ концѣ-концовъ осталась только за этой массой, больше и больше терявшей свои права національныя, церковныя и общественныя. Словомъ, здѣсь съ половины XIV вѣка началось то положеніе вещей, которое въ Кіевской и западной Руси развилось особенно съ XVI столѣтія, вызвавши тамъ бурную національную реакцію. Здѣсь подобный отпоръ былъ невозможенъ;

народъ рано остался безъ руководителей, когда его боярство соединилось съ польскимъ, притомъ былъ страшно ослабленъ и подавленъ внѣшними бѣдствіями: еще съ съ древняго періода страна, кромѣ княжескихъ междоусобій, польскихъ и венгерскихъ войнъ, подвергалась набѣгамъ и опустошеніямъ отъ Татаръ, Молдаванъ, козаковъ, Турокъ. Наконецъ, религіозныя стѣсненія надолго оставили народъ и безъ церковнаго руководства. Уже въ 1361 году основана была во Львовѣ католическая епископія, хотя въ ту пору католиковъ было еще мало, и то были только пришлые Поляки, Венгры, Нѣмцы; католицизмъ тотчасъ сталъ властью, онъ давалъ своимъ послѣдователямъ разныя выгоды и привилегіи, а съ другой стороны, православная митрополія не была замѣщена почти двѣсти лѣтъ (1361—1539). Когда совершилась брестская унія, галицкіе епископы (львовскій и перемышльскій) больше ста лѣтъ не приступали къ ней; Галичане приняли дѣятельное участіе въ защитѣ православія, но въ 1700 году епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій принялъ унію, которая господствуетъ въ Галиціи и доннынѣ.

Несмотря на то, что Галицкая Русь гораздо раньше Кіевской и Западной подверглась двойному гнету, національно-политическому и религіозному, и народныя силы были подорваны, здѣсь напало сильный откликъ національно-религіозное возбужденіе, охватившее съ XVI вѣка Литву и Украину. Когда здѣсь поднялись волненія въ защиту правъ народа и религіи, эта борьба нашла и въ Галицкой Руси своихъ ревностныхъ участниковъ и руководителей. Здѣсь въ XVI столѣтіи основывались братства, школы, типографіи, которыя доставляли полемическое оружіе для обороны православія; на галицкой землѣ совершились многіе рѣшительные эпизоды войнъ Хмельницкаго. Но войны кончились; въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, Заднѣпровская („правобѣчная“) Украина осталась за Польшей, а тѣмъ болѣе Галиція: шляхетско-республиканское правленіе лежало всей своей тяжестью на русскомъ народѣ; православные элементы подавлены уніей; русская народность была унижена и презираема.

Съ первымъ раздѣломъ Польши, Галиція отошла къ Австріи, которая на основаніи упомянутаго договора 1352 между королемъ польскимъ и венгерскимъ заявляла права на Галицію, какъ на достояніе венгерской „короны“. Галиція получила при этомъ титулъ королевства (Königreich Galizien und Lodomerien,—т.е. Галицкое и Владимірское). Правленіе Іосифа II ознаменовано большими преобразованіями въ управленіи, заботами объ устройствѣ края, закрытіемъ католическихъ монастырей, основаніемъ во Львовѣ университета, но вмѣстѣ стремленіями къ германизации, для выполненія которой явилось много пришлаго чиновничества, особенно своихъ же братьевъ-Славянъ, Мораванъ и Чеховъ. Но впослѣдствіи польскій элементъ снова господствовалъ надъ русин-

скимъ. Въ 1809, по вѣнскому миру Австрія потеряла значительную часть Галиціи, вошедшую тогда въ составъ герцогства Варшавскаго, но Вѣнскій конгрессъ возстановилъ ее опять въ прежнемъ видѣ: такъ она остается и до настоящаго времени.

Внутреннія политическія отношенія Галиціи подѣ австрійскимъ правленіемъ, какъ мы видѣли, остались тѣ же, какія завѣщала Польша. Продолжалась борьба между двумя національными элементами, или вѣрнѣе подавленіе русинскаго польскимъ. Австрійское управленіе только временами нейтрализовало эту борьбу, но не уничтожило ея. Поляки, по старому преданію, продолжали считать себя господами Русиновъ и вообще не хотѣли признавать въ Галиціи другой національности кромѣ польской. Въ 1846, когда Поляки задумали возстаніе, въ польскомъ и панскомъ смыслѣ, русинскіе крестьяне извѣстной страшной рѣзней польскихъ помѣщиковъ заявили противъ нихъ свой протестъ и соціальный, и національный. Австрійское правительство опять сочло нужнымъ воспользоваться русинскимъ элементомъ противъ польскаго, и тогда-то графъ Стадіонъ, правитель Галиціи, „изобрѣлъ Русиновъ“, какъ говорили вѣнскіе юмористы того времени. 1848 годъ открылъ наконецъ и для русской народности въ Галиціи перспективу политическихъ правъ, и съ тѣхъ поръ борьба выступила наружу, переходя различныя положенія, то извѣстной свободы, то прежняго притѣсненія; австрійское правительство смотря по обстоятельствамъ то „изобрѣтаетъ“ и поддерживаетъ Русиновъ, когда надо воздержать Поляковъ, то опять „отдаетъ ихъ на жертву“ Полякамъ...

Главные событія исторіи Галицкой Руси.

- 907—Галиціе «Хорваты» участвуютъ въ походѣ Олега на Царьградъ.
 981—Владиміръ, русскій князь, завоевалъ отъ Ляховъ Перемышль и Червенскіе города (Червошную Русь).
 1145—Владимірко. Княжество *Галицкое*.
 1153—1187. Ярославъ Осмомыслъ.
 1199—Романъ, князь владиміро-волинскій, соединяетъ Волинь и Галичъ
 1249—1264. Даниль Романовичъ, въ Галичѣ, «король русскій».
 1268—1270. Левъ Даниловичъ строитъ Львовъ.
 1335 (около)—Смерть Юрія II Андреевича, правнука Льва, послѣдняго самостоятельнаго русскаго князя въ Галичѣ.
 1387—Присоединеніе Галицкой Руси къ Польшѣ (Волинь ранѣе досглась Гедимину). Галиція дѣлитъ исторію Польши и Малороссіи.
 [Съ XIII вѣка нашествія Татаръ; потомъ Молдаванъ, Турокъ; козацкія войны].
 1772—Первый раздѣлъ Польши. Галиція отходитъ къ Австріи.
 1777—Присоединеніе Буковины къ Австріи.
 1784—Основаніе университета во Львовѣ, при Иосифѣ II. (Въ 1806, этотъ университетъ соединенъ съ Краковскимъ).

1795—Третій раздѣлъ Польши.

1809—Вѣнскій миръ.

1817—Возобновленіе львовскаго университета.

1846—Галицкая рѣзня.

1848—Начало національно-политическаго возрожденія Галицкой Руси.

Выше мы говорили, какимъ образомъ сдѣлались предметомъ спора южные памятники древней русской письменности, которые въ послѣдующіе вѣка стали историческимъ преданьемъ Россіи сѣверной и московской, и поэтому считаются фактомъ обще-русской, даже по преимуществу великорусской исторіи, а съ другой стороны у малорусскихъ историковъ считаются за преданье собственно малорусское. Галицкіе ученые и патріоты также видятъ въ нихъ достояніе своей исторіи ¹⁾: Несторъ, Иларіонъ, Владиміръ Мономахъ, Кирилль Туровскій, Даніилъ Заточникъ, Слово о полку Игоревѣ, усвоиваются и ими какъ южнорусское историческое воспоминаніе; Южная Русь, къ которой они себя причисляютъ, является у нихъ „представительницей всего умственнаго развитія по всѣмъ землямъ, называвшимся русскими“ (Головацкій, Предподав., 14). Словомъ, эта оторванная часть Руси вполне объединяетъ свою старую исторію съ исторіей кievской Руси, — и имѣетъ на то полное право, потому что въ тѣ вѣка составляла съ ней одно цѣлое, и политическое и національное. Какъ была тѣсна эта связь въ понятіяхъ того времени, видно изъ лѣтописи, которая знаетъ близко Червонную Русь и слѣдитъ за ней наравнѣ со всѣми другими русскими землями, видно изъ „Слова о полку Игоревѣ“, ко-

¹⁾ По литературѣ Галицкой Руси см.:

— Иосифъ Левницкій, Судьба галицко-русскаго языка и литературы, въ «Денникѣ» П. Дубровскаго, 1843, мартъ и апрѣль, и въ Jahrb. der slav. Liter., Иордана, 1844, 5—6 Heft.

— Як. Головацкій, Три вступительніи преподаванія о русской словесности. Львовъ, 1850; Историческій очеркъ основанія Галицко-русской Матиці въ проч. Львовъ, 1850; Библиографія галицко-русская съ 1772—1848 года, въ «Галичанинѣ», 1863, вып. III—IV, стр. 309—327; О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи со времени Австрійскаго владѣнія въ той землѣ (39 стр.; изъ Науковаго Сборника, вып. II, 1865); О червонно-русской литературѣ, въ «Познѣ Славянъ», стр. 197—204; Дополненіе къ Очерку славяно-русской библиографіи, Ундольскаго (въ Сборникѣ стат. Акад. XI, 1874), и другія библиогр. замѣтки въ томъ же Сборникѣ, т. X, XVII.

— Зоря Галицка, съ 1848; Галичанинъ; Временникъ Института Ставропигійскаго; Науковий Сборникъ; Правда, и др. галицкія изданія представляютъ много историческаго матеріала.

— Основа, 1862: «Русины въ 1848 году» (апр.); «Библиограф. указатель галицко-русской словесности», Вл. Межова (июнь).

— Современникъ, 1861: «Национальная безтактность» (кн. 7).

— М. Г—овъ, Литературное движеніе въ Галиціи, въ «Вѣстникѣ Евр.» 1873, сент.-октябрь.

— М. Драгомановъ, о галицко-русской литературѣ въ предисловіи къ изданію повѣстей О. Федьковича. Кіевъ, 1876; разборъ «Дополненія» Головацкаго, въ Древней и Нов. Россіи, 1876, I, 90—93.

— Українець, Литература російська, великорусская и пр. Львовъ, 1873—74 (изъ «Правды» г. VI—VII).

торое дѣлаеть извѣстное поэтическое обращеніе къ галицкому князю Ярославу ¹⁾. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ лѣтописей нашей старины, Волинская, извѣстная своимъ оригинальнымъ живымъ разговоромъ, принадлежитъ именно галицко-волинскому краю древней Руси. Но въ Галицкой Руси еще несравненно болѣе чѣмъ въ Кіевской, эти древнѣйшія преданія забылись потомъ, подъ вліяніемъ цѣлыхъ вѣковъ чужой власти, католицизма и униі.

Далѣе, галицкіе историки считаютъ преданьемъ своей литературы и Литовскій Статутъ, дѣятельность Швайпольта Фіоля въ Краковѣ, Скорины и Константина Острожскаго, и самое козачество съ его подвигами и его поэзіей. Кому въ дѣйствительности принадлежали эти факты, мы видѣли прежде: факты, происходившіе въ Вильнѣ и Кіевѣ, нельзя, разумѣется, приписать Львову, но народно-общественное движеніе, начавшееся съ XVI вѣка въ Руси литовской, кіевской и галицкой, начавшееся при одинаковыхъ источникахъ, условіяхъ и цѣляхъ, представляло тѣсную солидарность, которая часто не даетъ никакой возможности выдѣлять мѣстные факты изъ цѣлаго. Такова была роль, которую играли въ этомъ движеніи Львовское братство, галицкія школы и типографіи, церковные дѣятели и писатели. Труды этихъ дѣятелей въ составѣ южнорусской образованности XVI—XVII вѣка принесли также свою историческую долю для послѣдующаго развитія образованности обще-русской.

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ, образовательная дѣятельность юга раздѣлилась и главное теченіе ея направилось въ Россію. Въ той части Южной Руси, которая осталась за Польшей, и особенно въ Галиціи, продолжалось прежнее угнетеніе русской народности и ея православія; но сила сопротивленія все болѣе и болѣе упадала, и положеніе галицко-русской народности становилось по

— М. Колодскій, Записки о Галиціи, въ Спб. Вѣдом. 1869, №№ 293, 297, 305.

Другія указанія приведены выше въ библиографіи о русскомъ украинифильствѣ. По языку:

— Тѣ труды, которые упомянуты выше для языка малорусскаго.

— M. Lutskaý, Grammatica Slavo-ruthena seu Vetero-Slavicae, et actu in montibus Carpathicis Parvo-Russicae, seu dialecti viventis linguae, Пестъ 1830.

— I. Lewicki, Grammatik der klein-russischen sprache in Galizien.

— I. Wagilewicz, Gram. języka małoruskiego w Galicyi. Lwów, 1845.

— I. Lozinski, Gram. języka ruskiego. Przem. 1846.

— Я. Головацкій, Росправа о языкѣ южно-русскомъ и его нарѣчійхъ, Львовъ 1849 (и при Истор. очеркѣ Матицы); Грамматика русскаго языка. Во Львовѣ, 1849.

— Осадца, Грамматика русскаго языка (по Мяклошпчу). Львовъ, 1864.

— П. Дячанъ, Методична грамматика языка малорусскаго, Львовъ, 1865 (учебникъ).

¹⁾ «Галичкы Осмомысле Ярославе! — говоритъ авторъ Слова: — високо сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облакъ, судяи рядя до Дуная: грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіену врата; стреляеши съ огня злата стола салтъани за землями. Стреляи, господине, Кончака, погананаго кощя, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!»

истинѣ плачевнымъ. Высшіе классы уже давно стали переходить въ католицизмъ и становились польскими; мѣщане лишены своего городского самоуправления и отданы на произволъ старостъ и каштеляновъ; не стало богатыхъ купцовъ и ремесленниковъ; торговля была въ рукахъ Евреевъ. Старая враждебность польскаго и русскаго элемента въ населеніи доходила до крайней степени: вражда племенная усиливалась шляхетскимъ презрѣніемъ къ „хлопу“,—потому что Русинами остались только „попъ да хлопь“. Значеніе и образованіе духовенства все болѣе и болѣе понижалось: братства уже не дѣйствовали съ прежнею ревностью, и главное изъ нихъ, Ставропигійское во Львовѣ, подчинено было римской коллегіи de propaganda fide; имущества православной церкви присвоивались католиками; низшее духовенство было бѣдно и необразовано ¹⁾. Выше стояло и по образованію и въ матеріальномъ отношеніи духовенство монашеское, послѣ принятія уніи устроенное по іезуитскому образцу. Изъ этихъ такъ-называемыхъ „базиліанъ“ выбирались епископы и другія церковныя власти; въ ихъ рукахъ остались еще большія имущества, типографіи, школы; по изгнаніи іезуитовъ, къ базиліанамъ перешли и высшія латинскія школы. Но базиліане дѣйствовали въ польскомъ смыслѣ и составляли переходъ къ чистому католицизму, а старая книжность, знаніе славяно-русскаго языка становилось все больше рѣдкостью.

Въ 1772 году Галиція вступила въ составъ Австріи, въ качествѣ полу-польской провинціи. Вообще говоря, подъ новой властью матеріальный бытъ улучшился, но русинская народность еще надолго осталась подчиненной и угнетенной. Несмотря на все мѣры австрійскаго правительства, которыя имѣли цѣлью улучшеніе администраціи, уравниеніе народностей, не изцѣлилась язва старой междуплеменной вражды. Поляки, потерявъ политическую независимость, хотѣли вознаграждать себя расширеніемъ своей національной области на счетъ Русиновъ и значительно успѣвали въ этомъ по прежнему авторитету матеріальной силы, общественнаго значенія и образованности. Выше упомянуто было о реформахъ Іосифа II. Галицкіе историки съ благодарностью вспоминаютъ о тогдашнихъ мѣрахъ австрійскаго правительства; Іосифъ II, выполняя свои либеральныя и филантропическія идеи, далъ ожить тѣмъ двумъ сословіямъ, какія одни представляли тогда русинскую народность — крестьянству и духовенству: онъ вводилъ правильную администрацію и судъ, облегчилъ участь русинскаго

¹⁾ Въ предисловіи къ славяно-русскому словарю, изданному въ Супраслѣ 1722, говорится о невѣжествѣ духовныхъ лицъ: «Съ неисчетною болестію сердца взобрѣли (т.-е. наши, увидѣли) искусители или экзаминаторове поставляемыхъ въ іерейство людей, яко сотый іерей едва славенскій сразумѣть языкъ, невѣдай что чтесть въ божественной службѣ, съ погибелію своея и порученыхъ паствѣ его душъ».

крестьянства, ограничивъ права помѣщиковъ, открылъ всѣмъ сословіямъ равный доступъ въ школы и т. д. Іосифъ II желалъ поднять народное образованіе, требовалъ, чтобы духовенство учило и проповѣдовало на народномъ языкѣ. Въ 1783, основана первая русская духовная семинарія, гдѣ впервые открылось русское преподаваніе въ заведеніи, содержимомъ казной. Въ ноябрѣ 1784 основанъ университетъ во Львовѣ, гдѣ вскорѣ введено было преподаваніе на русскомъ языкѣ ¹⁾, сначала въ богословскомъ факультетѣ, потомъ и въ другихъ. Въ галицкія школы приходили кромѣ Галичанъ, русскіе изъ Седмиградіи и Венгріи. Въ числѣ профессоровъ былъ извѣстный Петръ Лодій, родомъ угорскій Русинъ, впоследствии вызванный въ Россію и занимавшій въ Петербургѣ кафедры философіи и потомъ права. Но Русины отдыхали недолго. Поляки уже вскорѣ приобрѣли снова господствующее положеніе. Австрійское правительство, считавшее прежде полезнымъ поддерживать Русиновъ для противодѣйствія Полякамъ, тянувшимъ къ Варшавѣ, послѣ окончательнаго раздѣла Польши успокоилось съ этой стороны и соединилось съ Поляками для притѣсненія Русиновъ. Стремленія Русиновъ представлены были какъ опасныя церкви и правительству, русское преподаваніе было прекращено, наконецъ самый университетъ перенесенъ въ 1806 въ Краковъ; во Львовѣ остался только лицей. Русскія лекціи окончились здѣсь въ 1808 ²⁾. Старанія галицкихъ духовныхъ властей установить по крайней мѣрѣ низшія школы съ народнымъ языкомъ разбивались о противодѣйствіе католическаго польскаго духовенства и нѣмецкаго чиновництва, которые считали заботу излишней, находя, что можно просто перевести на польскій языкъ нѣсколько нужныхъ церковныхъ книгъ, и что не стоить для мужиковъ размножать языки и азбуки; тогда уже полагали, что въ крайнемъ случаѣ русинскія книги можно печатать латинскими буквами. Уже въ 1816 заявлено было мѣстными властями, что изъ политическихъ соображеній было бы бесполезно вмѣсто польскаго языка распространять русинскій, такъ какъ послѣдній составляетъ нарѣчіе русскаго языка.

Галицкіе историки, какъ ни хвалили смѣну польской власти австрійскою, замѣтили однако очень вѣрно, что съ 1772 года явилось одно крупное неблагопріятное обстоятельство: галицкіе Русины были совсѣмъ отрѣзаны отъ своихъ малорусскихъ единоплеменниковъ, предоставлены были самимъ себѣ, открыты всѣмъ чужимъ притѣсненіямъ

¹⁾ Въ то время мѣстный языкъ назывался не русинскимъ и не «рутенскимъ», а просто «русскимъ»: *lingua russica*, *russische Sprache*. Собственно говоря, языкъ тогдашняго преподаванія было славяно-русскій.

²⁾ Къ этому времени названіе «русскаго» языка уже замѣняется «рутенскимъ», менѣе поражающимъ подозрительный слухъ: *ruthenische* или *Landessprache*, *lingua patria*.

—католическимъ, польскимъ и нѣмецкимъ. Дѣйствительно, опоры имъ можно было искать только въ своемъ племени.

Новѣйшая галицкая литература стала складываться по воспоминаніямъ о старой книжности XVI—XVII вѣка, по нѣкоторымъ русскимъ образцамъ XVII—XVIII столѣтія; съ конца прошлаго вѣка, въ связи со львовскимъ университетомъ и его русскими лекціями, началось сближеніе съ русской литературой, но шло очень недалеко. Литературныя попытки дѣлались по образцамъ старыхъ уцѣлѣвшихъ книгъ и русскихъ книгъ прошлаго вѣка: стихотворная часть литературы состояла изъ риторическихъ виршей на торжественные случаи, во вкусѣ старыхъ бурсы, на странномъ мѣшаномъ языкѣ, гдѣ церковно-славянскій до-ломоновскій языкъ искажался незнаніемъ его формъ и примѣсю польской и русинской. Гораздо болѣе живыя вліянія обнаруживаются въ тридцатыхъ годахъ.

Между галицкими книжными людьми не было недостатка въ патриотахъ, желавшихъ развитія своей народности,—но они долго не могли выбиться изъ тяжелыхъ условій своего быта, изъ мелкой борьбы съ окружающимъ притѣсненіемъ народности, изъ униатства, удалившаго ихъ и отъ Малоруссовъ и отъ собственной старины; не мудрено, что они долго не находили пути. Наконецъ, проникають и сюда отголоски славянскаго возрожденія, говорившаго о возстаніи Славянъ для новой жизни, и съ другой стороны, дошли сюда произведенія малорусской литературы на Украинѣ, гдѣ уже прямо давались образцы того, какъ народный языкъ можетъ быть поднятъ до литературнаго выраженія. Украинская литература могла оказать самое непосредственное дѣйствіе, потому что вся исторія не помѣшала племенному тождеству Русиновъ съ Малоруссами въ народной области языка, быта и поэзіи. Сами Русины были не въ силахъ поднять знамя своей народности; но когда рядомъ, въ Малороссіи, народный южнорусскій языкъ явился въ книгѣ, создавалась маленькая литература, это не могло не затронуть самыхъ глубокихъ инстинктовъ и не возбудить сочувствій у Русиновъ. Народная поэзія Малоруссовъ оказала то нравственно-національное дѣйствіе, о какомъ мы упоминали. Тогда уже изданы были сборники Цертелева и Максимовича; польскіе ученые, Доленга-Ходаковскій, Вацлавъ изъ-Олѣска обратили вниманіе на русскія пѣсни въ Галиціи и ставили ихъ выше польскихъ: это признаніе придавало также бодрости галицкимъ патриотамъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ составилъ небольшой кружокъ галичанъ-студентовъ львовскаго университета, которые поставили себѣ цѣлью изученіе своей народности и основаніе галицкой литературы. Примѣры возрожденія у другихъ племенъ укрѣпляли ихъ въ мысли, что ихъ народъ—они считали его, въ цѣломъ, 15 милліоновъ—имѣеть такое же право на особое лите-

ратурное развитіе. Въ этомъ кружкѣ были Шашкевичъ, Вагилевичъ, Головацкій, Илькевичъ и другіе; чтобы закрѣпить свое народно-славянское направленіе, они приняли славянскія имена Руслана, Далибора, Ярославъ, Мирослава и пр. Въ 1834 году они задумали издать небольшую книжку—изъ народныхъ пѣсень и собственныхъ статей въ прозѣ и стихахъ; но мѣстныя власти не только запретили книжку, но и отдали писателей подъ надзоръ полиціи. Позднѣе, однако, друзья успѣли издать книжку въ Пештѣ (такъ какъ въ Венгріи были на то свои порядки), но въ Галиціи она была снова запрещена. Это была „Русалка Днѣстровая“ (у Будимѣ, письмомъ корол. всеучилища Пештанскаго 1837. XX, 135, мал. 8^о), съ которой можно считать начало новѣйшей галицкой литературы.

Маркіанъ Шашкевичъ (1811—1843) есть замѣчательнѣйшій писатель этой поры. Сынъ священника въ Золочевскомъ округѣ, онъ учился во львовскомъ университетѣ; здѣсь ему попались „Енеида“ Котляревскаго, сборникъ пѣсень Максимовича и малороссійская грамматика Павловскаго (1818), и произвели въ немъ совершенный переворотъ: эти книги открыли ему новый путь—онъ принялся за изученіе своего народа, его пѣсень, преданій, обычаевъ, книжной старины; онъ сталъ съ увлеченіемъ работать надъ возрожденіемъ народности и подѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ на кружокъ друзей, который собрался около него. „Днѣстровая Русалка“ была въ особенности его дѣломъ. Его „Думки“ и „Псалмы Руслановы“ были началомъ новой поэтической литературы; многія изъ его пѣсень перешли въ народъ. Шашкевичъ рано умеръ, священникомъ въ томъ же Золочевскомъ округѣ; но онъ успѣлъ положить основаніе дѣлу. Имя его пользуется у галицкихъ патріотовъ великимъ уваженіемъ: онъ „первый пробудилъ Галичанъ къ настоящей русской жизни“, „далъ услышать чародѣйные звуки родного слова“, „указалъ путь галицкой литературѣ“¹⁾.

Иванъ Вагилевичъ (1811—1866) учился въ львовской униатской семинаріи, за участіе въ „Днѣстровой Русалкѣ“ и за связи съ славянскими учеными (напр. Шафарикомъ) былъ исключенъ изъ кандидатовъ на духовныя мѣста; только въ 1845 исключеніе было отмѣнено, онъ сталъ священникомъ; въ 1848 онъ много работалъ для пробужденія народности, но уже вскорѣ разошелся съ прежними товарищами (по отзыву Головацкаго, „предался Полякамъ“), перешелъ въ прогестантство, не мало бѣдствовалъ, потомъ былъ однимъ изъ бібліотечарей въ Институтѣ Оссолинскихъ, во Львовѣ, переводчикомъ, началь-

¹⁾ Ср. «Правду» 1868, 132. О біографіи Шашкевича, см. Головацкаго, въ «Вѣнѣ Русинамъ» 1846, стр. 47—66; Дѣдицкаго, «Вспоминка о Маркіанѣ Шашкевичу» въ Зорѣ Галицкой 1860, стр. 488—497, Ом. Огоновскаго, въ «Правдѣ» 1872, 157—163.

никомъ львовскаго архива, и много работаль—по исторіи края, языку, этнографіи и археологіи. Его русинское писательство ограничилось участіемъ въ „Русалкѣ“; потомъ онъ писалъ по-польски, и ученые работы разсѣяны въ журналахъ, въ чешскомъ „Часописѣ“, „Варшавской бібліотекѣ“, „Бібліотекѣ Оссолинскихъ“ и т. д. Многое осталось въ рукописяхъ ¹⁾.

Запрещеніе „Русалки“ мало поощряло галицкихъ патриотовъ, но съ тридцатыхъ годовъ появлялись отдѣльные труды, говорившіе объ интересѣ къ народности. Такова была книжка Григорія Илькевича (ум. 1841): „Галицкіи приповѣдки и загадки“ (Вѣна 1841); нѣсколько грамматикъ—Левицкаго, Вагилевича, Лозинскаго; нѣсколько пѣсенныхъ сборниковъ, печатанныхъ латинскими буквами—Вацлава изъ-Олѣска, Жеготы Паули, Лозинскаго. Но хотя Пашкевичъ указываль для литературы настоящій путь—въ народномъ духѣ и на живомъ народномъ языкѣ, еще появлялись старыя риторическія вирши. Таковы писанія Іосифа Левицкаго („Стихъ“ въ честь галицкаго митрополита. Перемышль 1838), Сим. Лисенецкаго („Возврѣніе страпилица во Пестѣ и Будѣ“ и пр.; описаніе наводненія Дуная, Вѣна 1838); и т. д. Любопытно, что авторы подобныхъ виршей, уродуя церковный языкъ, думали, что пишутъ по-малорусски.

Максимовичъ, разбирая въ „Кіевлянинѣ“ 1841 подобные плоды червоно-русской литературы, пришелъ въ ужасъ отъ ихъ языка, невозможности котораго повидимому ни мало не сознавали сами писатели. Онъ старался объяснить имъ, что литература не можетъ существовать съ языкомъ искусственнымъ, и что орудіемъ ея долженъ быть живой народный языкъ ²⁾. Но убѣжденія его были довольно безу-

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія въ Slovník Naučný, s. v; ср. «Правду» 1868, 274.

²⁾ «Желаю Лисенецкому и всѣмъ товарищамъ его возможныхъ усилій на поприщѣ стиловорномъ, — писалъ Максимовичъ, — мы замѣтимъ одно: зачѣмъ на его «Возврѣніи» надписано, будто оно изображено языкомъ малорусскимъ? Ни одинъ Малороссіянинъ не назоветъ этого языка своимъ, да это и не великорусскій, и не белорусскій языкъ: это — *искусственное* словено-русское словосочиненіе, которымъ лѣтъ за сто писали наши русскіе стихотворцы, и отъ того ихъ произведенія состарѣлись преждевременно... Литературный или письменный языкъ нашъ усовершенствовался черезъ приближеніе къ живому, естественному народному языку русскому, отъ котораго такъ далеко былъ книжный языкъ русскихъ писателей прошлаго вѣка. Тредьяковскій, котораго стихи такъ неарекрасны, народныя пѣсни называль *подлыми*; между тѣмъ какъ Пушкинъ лучшимъ щегольствомъ для своихъ несравненныхъ стиховъ почиталь *выраженіе народное*, и очень любилъ свои пѣсни, написанныя въ народномъ вкусѣ...

«Вѣковой опытъ нашего русскаго стихотворства долженъ послужить въ урокъ для писателей червоно-русскихъ. Пусть они избѣгаютъ искусственнаго словосочиненія и стихосложенія! Живая литература у нихъ можетъ процвѣсти только на ихъ народномъ живомъ языкѣ: пусть они всѣ изучаютъ его въ народныхъ пословицахъ, поговоркахъ, сказкахъ и еще болѣе въ пѣсняхъ малороссійскихъ, особенно украинскихъ, гдѣ народное движеніе процвѣло съ наибольшою силою и красотою. Тѣмъ болѣе это прилично червоно-русской Музѣ, которая возрождается въ средоточіи словенскаго міра, и въ ту именно пору, когда почти всѣ Словены сознали цѣну своей народности и такъ горячо за нее ухватились».

спѣшны — потому что этотъ языкъ еще и теперь держится у одного разряда галицкихъ писателей.

Небывалое прежде оживленіе литературы началось съ 1848 года. Не одни Галичане думали, что старымъ порядкамъ пришелъ конецъ; конституція, объявленная въ мартѣ, освобожденіе крестьянъ, провозглашеніе равнаго права народностей, какъ будто осуществляли давно питаемая надежды: оставалось самому обществу воспользоваться своимъ правомъ. Возбужденіе умовъ отразилось усиленной дѣятельностью литературной ¹⁾.

Тотчасъ по объявленіи конституціи во Львовѣ собралась русинская „головная рада“ (родъ политическаго клуба), которая поставила себѣ цѣлью опредѣлить желанія и охранить права народа; основалась галицко-русская „Матица“, для изданія дешевыхъ полезныхъ книгъ; во львовскомъ университетѣ открыта кафедра русскаго языка и словесности; преподаваніе русскаго языка введено въ гимназіяхъ восточной (русинской) Галиціи. Опираясь на „равноправность“, львовская „головная рада“ требовала введенія русскаго языка не только въ школахъ, но въ „публичныхъ урѣдахъ“, т.-е. въ управленіи и судѣ. Рада чувствовала трудность достигнуть такого результата, но Русины рассчитывали, что правительство окажетъ имъ свою помощь. Дѣло въ томъ, что правительство опять искало тогда средствъ противодействовать Полякамъ, и Русины доставляли это средство: первое время имъ не противорѣчили, соглашались, что русинскій языкъ имѣетъ то же право какъ и польскій; но когда венгерское возстаніе было усмирено и Поляки перестали быть страшны, правительство стало опять на ихъ сторону, потому что не слѣдовало очень поощрять и Русиновъ; оно нашло, что русскій языкъ еще не вполне развитъ, и потому пусть останется официальнымъ языкомъ нѣмецкій, пока Русины не готовятъ людей, способныхъ занять мѣста учителей и чиновниковъ.

Такимъ образомъ Галичане оказались снова въ очень невыгодномъ положеніи. Они было - заявляли усердно свою вѣрность престолу, но престолъ не задумывался отдавать ихъ въ жертву Полякамъ.

Къ этому присоединялись внутреннія затрудненія. Событія шли

¹⁾ О событіяхъ 1848 года и новѣйшемъ положеніи галицкихъ дѣлъ см. новыя исторіи Австріи, напримѣръ, Шпрингера; также:

— Denkschrift der ruthenischen Nation in Galizien zur Aufklärung ihrer Verhältnisse, von der ruth. Hauptversammlung (Головной рады). Lemberg, 1848, 31 Juli.

— An die Russinen. Mit kurzen historisch-politischen und statist. Notizen über die Russinen überhaupt und jene Galiziens insbesondere. Von einen Russinen. Lemb. 1848.

— Słow kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości. Lwów, 1848.

— D. Zubrzycki. Grenzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Lemb., 1849; (ero же) Die ruthenische Frage in Galizien, beleuchtet von einem Russinen. Lemb., 1851.

— М. Т—овъ, Русскіе въ Галиціи, Вѣстн. Европы, 1873, кн. 1—2.

скорѣе, чѣмъ Галичане успѣли приготовиться къ нимъ. Возраженіе властей, что русинскій языкъ еще не развитъ для оффиціального употребленія, не было лишено основанія. Въ то же время, когда Русины подняли политическій вопросъ о правахъ своей народности, „соборъ ученыхъ русскихъ и любителей народнаго просвѣщенія“ собрался во Львовѣ для учрежденія Матицы, и въ вопросѣ литературномъ долженъ былъ буквально начать съ азбуки: съ опредѣленія правописанія, печатнаго шрифта и литературнаго языка. Вопросъ былъ не шуточный: до тѣхъ поръ образованные Галичане гораздо лучше владѣли польскимъ языкомъ, нежели своимъ¹⁾; теперь нельзя было создать вдругъ готоваго письменнаго языка: одни хотѣли писать языкомъ церковно-русскимъ, другіе—народнымъ. Вопросъ о языкѣ, обычный вопросъ возрождавшихся славянскихъ литературъ, заключалъ въ себѣ далеко не одно литературное и филологическое разногласіе.

Мало-по-малу оно выразилось въ двухъ главныхъ партіяхъ (не считая перебѣжчиковъ въ польскую сторону). Одна настаиваетъ и теперь на „обще-русскомъ“ единствѣ и старается писать на русскомъ языкѣ; другая говоритъ о единствѣ въ предѣлахъ южнорусскаго племени и вводитъ въ книгу языкъ народный. Партіи отличались и политическими взглядами. Первая (которую Поляки называли отъ церкви св. Георгія, или св. Юра, „святоюрцами“), состоявшая прежде всего изъ галицкаго духовенства, отличалась клерикальнымъ консерватизмомъ въ понятіяхъ, порядочнымъ пренебреженіемъ къ черни и, противодѣйствуя Полякамъ, старалась заискивать у власти и лавировать въ „высшей политикѣ“. Вторая ожидала, что единственное средство поднять русскую народность въ Галиціи есть забота о народныхъ массахъ, ихъ образованіи и самосознаніи—слѣдовательно, литература на языкѣ народа, потому что другой онъ не можетъ понимать; слѣдов., далѣе, сближеніе и соединеніе съ малорусскимъ возрожденіемъ въ Россіи; политическіе взгляды этой партіи болѣе свободолюбивые и демократическіе. При трудномъ политическомъ положеніи русинской народности подъ нѣмецко-польской властью, галицкіе патріоты до-сихъ-поръ не могли согласно выяснитъ національныхъ отношеній своего народа. Отсюда—постоянныя взаимныя инкриминаціи, которыя особенно со стороны святоюрцевъ теряли часто всякую мѣру.

Разногласіе галицкихъ партій длится и по сію минуту, поэтому необходимо войти въ нѣкоторыя подробности.

Старѣйшій ветеранъ галицкой литературы, Я. Головацкій, изображаетъ новѣйшій ходъ галицкой словесности, послѣ 1848 и донынѣ, съ слѣдующей политической точки зрѣнія:

«Русскіе Галичане, — говоритъ онъ, — застигнутые 1848 годомъ безъ подготовки въ своемъ языкѣ, полуграмотные, начали писать по-русски

1) Ср. Головацкаго въ «Поэзіи Слав.», 200.

какъ пошло, питаясь надеждой, что со временемъ естественнымъ ходомъ выработается правильный письменный языкъ.

«Передовые люди» видѣли, что галицко-русская письменность должна слиться съ русскою, но немногіе дерзали выступить явно съ этимъ мнѣніемъ, боясь потерять довѣріе и поддержку правительства. Графъ Стадіонъ еще въ 1848 году сказалъ: «если галицко-русскій языкъ и *россійскій* одинъ и тотъ же, то мнѣ лучше поддерживать Поляковъ». Со времени назначенія графа Голуховскаго намѣстникомъ во Львовѣ, Поляки тѣмъ усерднѣе начали противождать русскому дѣлу... Стѣснительныя мѣры правительства принудили Русскихъ въ 1854 году закрыть русскій клубъ во Львовѣ и превратить «Галицкую Зорю» изъ политической газеты въ литературный журналъ. Разсчеты Галичанъ, что Поляки никогда не перестанутъ волновать Австрію, которая, не будучи въ состояніи одна подавить ихъ революціонныя вспышки, всегда будетъ нуждаться въ русскихъ Галичаныхъ, оказались неосновательными. Когда князь Шварценбергъ «удивилъ міръ австрійской неблагодарностью» и Поляки стали на сторону Австріи противъ Россіи, то австрійскій патріотизмъ русскихъ Галичанъ не могъ подавить внутренняго чувства и племенного сродства—и австрійцы убѣдились, что, въ случаѣ столкновенія съ Россіей, нельзя будетъ сдѣлать изъ русскихъ Галичанъ покорное орудіе австрійской политики. Съ тѣхъ поръ правительство начало еще сильнѣе угнетать и оскорблять русскихъ—и безпрестанными обидами довело ихъ до полного (?) отреченія отъ солидарности съ Австріей. Это выразилъ одинъ изъ передовыхъ Галичанъ въ 1866 году (послѣ сраженія подъ Садовой), выступивъ въ «Словѣ» съ положеніемъ, что русскіе Галичане и Малоруссы одинъ и тотъ же народъ съ Великороссіянами, что они составляютъ одну національность по происхожденію, по исторіи, по вѣрѣ, по языку и литературѣ; и никто не прекословилъ и не возражалъ ему, кромѣ заклятыхъ украинофиловъ и Поляковъ.

«Впрочемъ, начало двухъ русскихъ народностей еще до сихъ поръ смущаетъ умы галицкихъ украинофиловъ, которые, поддерживаемые Поляками (?), сдѣлались политической партіей, враждебной Россіи.. Нѣмцы и Поляки наперерывъ стараются разными подложными теоріями затемнить здравый смыслъ народа въ его понятіяхъ объ единствѣ его съ Великою Русью въ исторіи, языкѣ и литературѣ (?), заманивая неопытныхъ въ сѣти малорусскаго, украинскаго и польско-русскаго патріотизма... Люди, предавшіеся врагамъ Руси, морочимые Нѣмцами и Поляками, морочатъ самихъ себя и другихъ, а народу и наукѣ не въ состояніи, разумѣется, принести никакой пользы. Разсудительные люди изъ Галичанъ признаютъ одну русскую народность и одну русскую литературу». («Поэзія Славянъ», статья о червоно-русской литературѣ, стр. 203—204).

Въ такой постановкѣ вопроса есть однако крупныя недоразумѣнія и историческія невѣрности. Можно было бы сказать, что Галичане должны стремиться къ объединенію съ русскимъ народомъ (и въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ бы представлять тотъ центръ, къ которому естественно могла примкнуть отставшая доля), но сказать, что Галичане съ Великороссіянами составляютъ одну національность не только по происхожденію (что вѣрно), но и по своей дальнѣйшей исторіи,

вѣрѣ, литературѣ—есть большая натяжка. Напротивъ,—по исторіи они раздѣлились еще въ XIII вѣкѣ; по вѣрѣ—Галичане униаты, а Велико-россіяне православные; по литературѣ, они разошлись еще въ томъ же XIII вѣкѣ. Гораздо болѣе тѣсная связь соединяла Галичанъ съ Малоруссами, но и эта связь съ конца прошлаго вѣка очень ослабѣла,—и другая партія имѣла разумныя основанія, когда прежде всего старалась возстановлять именно эту связь. Съ историческимъ недоразумѣніемъ соединялась вредная практическая ошибка. Когда святоюрская партія занималась свой книжной теоріей обще-русскаго единства, народъ предоставлялся въ этой теоріи самому себѣ: если бы даже справедлива была теорія, то въ настоящую минуту народъ галицкій оставался совершенно чуждъ „обще-русской“ стихіи, въ національномъ, религіозномъ, образовательномъ и всего меньше государственномъ отношеніи и, оставаясь въ своихъ *нынѣшнихъ* условіяхъ нуждался прежде всего въ литературѣ, которая говорила бы на его языкѣ и сдѣлала бы что-нибудь для его самосознанія. Нравственное и матеріальное положеніе галицкаго народа было таково, что эта образовательная помощь была для него неотложна. Чѣмъ дольше онъ оставался бы въ своемъ нынѣшнемъ заброшенномъ состояніи, тѣмъ дольше продолжалось бы общественное и политическое порабощеніе. Партія, забывающая о народѣ, работаетъ сама противъ своей народности, потому что послѣдняя можетъ извлечь свои силы только изъ рядовъ самого народа.

Это и поняла другая партія, которую Головацкій называетъ украинофилами и которой онъ придаетъ свои неблагополучные эпитеты. Эти „украинофилы“ или „народовцы“ могли впадать въ нѣкоторыя крайности: съ ними можно было спорить, но считать все направленіе плодомъ „мороченія“ отъ Нѣмцевъ и Поляковъ, значить ничего не понимать ни въ потребностяхъ литературнаго возрожденія, ни въ интересахъ своего народа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ господствовать русскому языку, котораго еще не знаютъ сами его партизаны? Какъ отказываться отъ народной индивидуальности, когда надъ ней еще господствуетъ нѣмецко-польская власть и когда спасеніе только въ возрожденіи и образованіи народной массы?

Въ литературномъ отношеніи здѣсь повторилось отчасти явленіе, которое мы видѣли въ сербской книжности прошлаго вѣка. Мнимая обще-русская школа у Галичанъ была похожа на ту „славено-сербскую“ школу, которая, не умѣя еще открыть настоящей литературной формы, стала писать смѣсью церковнаго, извѣстнаго изъ книгъ, и народнаго языка, и впоследствии съ ожесточеніемъ напала на Вука, который хотѣлъ писать для народа и взялъ для того его собственный языкъ. У Галичанъ дѣло было еще сложнѣе: также не сумѣвши го-

ворить языкомъ народа, они предпочли мѣшанный языкъ, гдѣ былъ не только элементъ славяно-русскій и народный, но также польскій и канцелярско-латинскій. Такъ какъ подобный языкъ въ дѣйствительности нигдѣ не существовалъ, то смѣсь очевидно была произвольная, и въ разныхъ рукахъ въ нее попадали разные дозы того или другого языка. Очевидно также, что языкъ этотъ былъ непонятенъ для народа. Заблужденіе тѣмъ болѣе странно, что русинскій народъ, издавна потерявшій свой высшій классъ, не имѣющій зажиточнаго средняго класса, состоитъ только изъ сельскихъ населеній, и народность литературнаго языка становилась необходимою.

Но приведенное изложеніе и исторически невѣрно. „Передовые люди“ изъ Галичанъ (подъ которыми авторъ разумѣлъ именно людей „старо-русской“ партіи), вовсе не такъ были убѣждены въ „единствѣ галицкой народности, языка“ и проч. съ великорусскими, какъ авторъ утверждаетъ. Напротивъ, тотъ первый кружокъ, въ которомъ началось галицкое возрожденіе, кружокъ Шашкевича, не зналъ этихъ тенденцій и считалъ свою народность (что она и есть) южнорусской, какъ наша Малороссія: сюда прежде всего тянули ихъ сочувствія. Самъ Головацкій, наиболѣе авторитетный изъ „старо-русскихъ“ писателей, не считалъ тогда свою народность за „россійскую“ (какъ называютъ Галичане нашу русскую народность) и отождествлялъ ее съ южнорусскою. Въ этомъ смыслѣ написана его замѣчательная для своего „Росправа“ (1848), гдѣ онъ съ любовью собиралъ свѣдѣнія о *своемъ* южнорусскомъ языкѣ¹⁾. „Передовые люди“ долго не могли выяснитъ себѣ этого дѣла и высказывались весьма различно, смотря даже по случайнымъ политическимъ обстоятельствамъ: то они считали себя 15-милліоннымъ народомъ (вмѣстѣ съ нашими Малоруссами), то 3-милліоннымъ (т. е. собственно Галичанъ, венгерскихъ Русскихъ и Буковинцевъ), и только позднѣе стали говорить о „единствѣ народности“ своей съ великорусскою или „россійскою“—и все эти мнѣнія высказывали одни и тѣ же люди на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ. Какъ не велико было „единство“, видно изъ признанія Головацкаго, что въ первое время даже передовые люди „писали по русски, какъ попало“, и самъ онъ, лучший между Галичанами знатокъ языка и партизанъ „единства“, въ тѣ годы не меньше другихъ мѣшалъ русскій языкъ съ малорусскимъ²⁾.

1) Относительно литературнаго языка онъ и тогда настаивалъ на необходимости дать въ немъ мѣсто исторической сторонѣ языка (что вообще справедливо), но думалъ также, что «языкъ изъустный народа е заповню правдиве в перше жерело для письменного языка, бо въ устахъ народа найчистѣйше заховуютьсѣ всѣ форми, цѣлый ладъ и складъ языка, правый духъ его». Стр. 74. То же въ «Предподаваніяхъ», 1849, гдѣ онъ предпочитаетъ малорусскую народность великорусской.

2) Замѣчено было, что самый манифестъ Русской Рады о желаніяхъ руссаго

Въ ту пору, какъ видимъ, „передовые люди“ сами находились въ большомъ недоумѣннн относительно своего языка, и къ сожалѣннню надо сказать, что правильной оцѣнкѣ дѣла съ ихъ стороны помѣшало ихъ старое, полу-семинарское, полу-польское образованіе и обычаи; они вынесли отсюда какое-то странное высокомеріе и презрѣніе къ тому же народу, который сами намѣревались „взносить“ и развивать²⁾.

Разладъ двухъ партій усилился съ шестидесятыхъ годовъ. Оживленіе (хотя и кратковременное) малорусской литературы въ Россіи около 1860 года, сообщилось и въ Галицію: галицкая молодежь увидѣла здѣсь нѣчто болѣе живое, съ интересомъ читала украинофильскія изданія и настаивала, что и у нихъ дѣло должно быть поставлено такъ же. Русское украинофильство указывало, какъ слѣдовало заботиться со народномъ образованнн, давало образчики популярныаъ книгъ на народномъ языкѣ. Старое поколѣннн, которому вообще не правилась такая литература на языкѣ „черни“, стала въ прямо враждебное отношеніе къ „народовцамъ“; позднѣе она не преминула воспользоваться

народа и объ охрaтѣ его свободы написанъ такимъ «русинскимъ» языкомъ, которымъ никто никогда не говорилъ и гдѣ только польскія слова были переписаны русскими буквами. Русская Рада писала:

«Чувствомъ народности напоени, и въ томъ намѣреннн собралнсьмыя, мы Русини, котрымъ добро и счастье народу на сердца, и будемъ дѣлати въ способъ *наступающій*»:

а) Первымъ заданьемъ нашимъ буде *заховати* вѣру и поставити на ровни *обрядокъ* нашъ и права перкви и священниковъ нашихъ съ правами другихъ *обрядковъ*.
 б) Розвивати и *взносити* народность нашу во всѣхъ ея частехъ: *выдосконаленемъ* языка нашего, *затровожденемъ* его въ школахъ низшихъ и вышшихъ, *выдаванемъ* писемъ часовыхъ, *утримованемъ* кореспонденцій съ письменными *такъ* нашими, *якъ* инными до щену славянського належачими, розширенемъ добрыхъ и ужиточныхъ *книжокъ* въ языкѣ рускомъ, и усиленнымъ стараньемъ *впровадити* и на ровни поставити языкъ нашъ зъ инными въ урядахъ публичныхъ и т. д.

в) Будемъ чувати надъ нашими правами конституційными, розпознавати потреби народу нашего и поправлена быту нашего на дорозѣ конституційной шукати, а права наши одъ всякой напасти и оскорблена *стале* и сильно хоронити.

О томъ-то всемъ васъ, братья Русини, свѣдомыхъ чинимъ, и упоминаемъ, абысте такъ, якъ доси, незломную вѣру *заховали* нашему найяснѣшему цесареви и королеви конституційному Фердинанду I, въ томъ силномъ *переконанно*, що подъ возможнымъ заступленьемъ Австріи права наши и народность наша укрьпнтися и силы свои розвинутн могутъ». (Основа, 1862, стр. 45).

1) Вотъ чрезвычайно характерныя слова Дениса Зубрицкаго, рисующія это пренебреженіе къ „черни“:

«Есть мрачные *изступленники*, — говоритъ Зубрицкій, — или скорѣе низкіе невѣжды (?), въ лѣтѣ доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку *собственного* языка (?), употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушавшіеся только простонародному разговору собственныхъ слугъ и работниковъ, и желавшіе теперь, чтобы мы писали свою исторію на областномъ нарѣчнн *галицкой черни*. Странное требованнн! Исторіи пишутся для образованнаго и обучающагося класса народа. Для простонародна доволно молитвенника, катехизиса и псалтыри..» — которыхъ, впрочемъ, старо-русская партія тоже не желала видѣть на народномъ языкѣ. (Исторія древняго гал. княж. II, 47, пр. 13).

Далше упоминаемъ, что самъ Зубрицкій въ прежнее время не владѣлъ «наукой *собственного* языка» и писалъ свои сочиненія по-польски и по-нѣмецки.

противъ „заклятыхъ украинофиловъ“ (которыхъ приравнивала къ Полякамъ) и тѣми обвиненіями въ нигилизмъ, какія поднялись въ русской литературѣ противъ украинофильства, и тѣми обвиненіями въ „козаколюбствѣ“, какія шли отъ тѣхъ же Поляковъ. Тотъ протестъ 1866, гдѣ „старо-русская“ партія заявила о единствѣ Галичанъ съ Великоруссами, далеко не былъ такимъ „полнымъ отреченіемъ отъ солидарности съ Австріей“, какъ это кажется Головацкому. Еще не задолго передъ тѣмъ то же „Слово“ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ возставало противъ „непряхильныхъ Малороссамъ журналистовъ-диктаторовъ, на сѣверѣ Россіи Каткова, завятаго противника Малороссовъ, на югѣ Говорскаго“, и было за малорусское единство: могъ ли такой радикальный поворотъ во мнѣніяхъ быть всеобщимъ? Напротивъ, въ цѣломъ кругѣ противниковъ „старо-русской“ партіи манифестація 1866 года произвела самое непріятное, отталкивающее впечатлѣніе: она понята была какъ отреченіе отъ своего народа ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, что вывести изъ приведенныхъ словъ Головацкаго, какъ не заключеніе о совершенной ненужности галицкой литературы?

Въ литературѣ, вопросъ выяснялся однимъ несомнѣннымъ фактомъ: то, что писалось Галичанами на мнимомъ русскомъ языкѣ, было безжизненно и бѣдно содержаніемъ; напротивъ, сколько-нибудь сильный талантъ обращался обыкновенно къ народному языку.

Въ концѣ-концовъ, народовцы подѣйствовали отчасти на своихъ противниковъ; послѣдніе сдѣлали уступку для народнаго языка въ популярныхъ книгахъ, повѣстяхъ и т. п. Но и донинѣ галицкая литература, и по языку, и по содержанію, все еще представляетъ хаосъ—которому пора бы кончиться.

По одной довольно отчетливой библиографіи галицкой литературы, съ 1837 до 1862 вышло до 250 русинскихъ книгъ: большею частью

1) Приводимъ для образчика одинъ отзывъ изъ круга народовцевъ:

«Першимъ починомъ безжизненности старорусской партіи — було прилюдне опущене народнѣй підстави, виреченяся свого народу и языка, яке відбулося в злопам'ятній манифестації здесперованого «Слова» в 1866 р. Хто троха міг застановитись над досягlostю сего акту, мусів зрозуміти, що наші проводирі кинувшись в рамена «общерусизму» — після їх власних слів — готового и «ніякого труда нестоячого» — відцуралися праці и совісного труда для добра народу, зреклися органічного розвою, самовіжого житя, а тим самим и втратили підставу всякого житя. Галицьке «общерусске обединеніє» було неперечною ознакою лінности, здряклости и морального павперизму»... (Правда, 1876, 953).

Обѣ стороны не отличали двухъ разныхъ вещей: «общеруссизмъ» какъ элементъ образовательный, и какъ тенденцію политическую. Въ первомъ смыслѣ онъ былъ бы очень полезенъ для Галичанъ; во второмъ, «старо русская» партія поступила съ своимъ «актомъ» слишкомъ поспѣшно, и по австрийсеямъ, да и по русскимъ отношеніямъ. А когда она въ своемъ «общеруссизмѣ» понимала союзъ съ русскими реакціонными направленіями, то негодованіе народовцевъ было совершенно справедливо.

это были небольшія брошюры, буквари, популярныя книги, „набожныя пѣсни“, поздравительныя и другія торжественныя стихотворенія. Гораздо меньшая доля служила болѣе серьезнымъ предметамъ литературы. Въ классѣ писателей безпрестанно встрѣчаются лица духовныя (уніаты); характеръ ихъ образованія отражался въ ихъ писаніяхъ изобиліемъ реторики и страннымъ книжнымъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ церковнаго, народнаго, польскаго и латинскаго. Въ первое время они и господствовали въ галицкой книжности: изъ ихъ круга образовалась „старо-русская“ партія.

Выѣшнимъ средоточіемъ этого круга былъ „Ставропигійскій Институтъ“ — продолженіе знаменитаго стараго львовскаго братства. Институтъ—единственное церковное общество Русиновъ-мірянъ, которое (по словамъ его собственныхъ историковъ) „отъ своего начала среди безпрестанныхъ тревоженій прошедшихъ вѣковъ до настоящаго часа удержатись возмогло, и соединяя въ собѣ предстоятельство и заступничество тубыльцевъ-Русиновъ, всегда имѣло сильное и благоносное вліяніе на русское народонаселеніе и еще до сего времени по возможности обстоятельствомъ благотворно дѣйствуетъ“¹⁾. Выше указано историческое значеніе стараго братства, игравшаго важную роль въ судьбѣ галицкой церкви и народа: въ 1699 г. оно присоединилось къ уніи и подчинено конгрегаціи de propaganda fide; при Іосифѣ II, въ 1788, когда церковныя братства были вообще уничтожены, львовское было сохранено и въ видѣ „Института“ поставлено въ зависимость отъ правительства; наконецъ, новое положеніе оно получило при заключеніи конкордата.

Въ настоящее время, Ставропигійскій Институтъ „есть вмѣстѣ патрономъ церкви, управителемъ всего церковнаго и приходскаго имѣнія, учредительныхъ фондовъ для обрядоваго училища и сиротскаго заведенія, для стипендій и вспоможеній учащагося рускаго юношества, для исполненія фундованыхъ богослуженій, властелиномъ типографіи, литографическаго заведенія и продажной книжной лавки.. и вознамѣряетъ розширеніе просвѣщенія между рускимъ народонаселеніемъ въ Галиціи; слѣдовательно, есть въ извѣстныхъ отношеніяхъ краевымъ заведеніемъ... Члены того института суть въ относительномъ придворномъ приговорѣ названы отцами и заступниками рускаго народа, слѣдственно яко представители нашої Руси признаны“²⁾.

Этотъ титулъ: *patres et proceres gentis ruthenae*, въ декретѣ 1788 года, былъ предметомъ гордости для отцовъ; Институтъ въ самомъ дѣлѣ оставался единственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ официально

¹⁾ Временникъ Института Ставропигійскаго, рочникъ I—III, Львовъ, 1864—66, пред.

²⁾ Временникъ, II, 96—97.

заявлялась русская народность, и когда, въ 1848 году, австрійское правительство сочло нужнымъ поощрить Русиновъ, „отцы“ явились естественнымъ представительствомъ русинскаго народа. Подъ ихъ авторитетомъ, подъ влияніемъ ихъ понятій книжныхъ, и устроивалась первая литература Галичанъ. Этого авторитета они не хотѣли уступать, когда являлись новыя идеи—политическія и литературныя. Въ рукахъ этой партіи, „святоюрцевъ“ (или „рутенцевъ“, какъ ихъ тоже зовутъ, крылошанъ, группирующихся вокругъ іерархіи) и близкихъ къ нимъ свѣтскихъ „руссофиловъ“, кромѣ Института находится также „Матица“, „Народный домъ“, построенный на пожертвованія галицкаго народа, политическій клубъ „Русская Рада“ и „Общество имени Мих. Качковскаго“¹⁾. Качковскій (ум. въ 1873 году, въ Кронштадтѣ, во время путешествія въ Россію) въ завѣщаніи оставилъ 50.000 гульденовъ на литературныя цѣли, и по инициативѣ Наумовича основано было общество съ его именемъ, поставившее себѣ цѣлью изданіе на эти средства полезныхъ книгъ для народа. Во всѣ эти учрежденія и общества закрыть доступъ „народовцамъ“ и „украинофиламъ“.

Съ 1848 г. галицкая литература оживилась. Основана была „Зоря Галицка“ (1848—1857; въ 1860 году въ видѣ альманаха), важнѣйшее изъ тогдашнихъ галицкихъ изданій, посвященное зашитѣ правъ русинскаго народа и заключающее много свѣдѣній о галицкомъ національномъ движеніи, также старинѣ и литературѣ. Редакторами ея, между прочимъ, были Зубрицкій, Гушалевичъ, Дѣдицкій, Савчинскій. Издавались, кромѣ того, „Семейная Библіотека“ С. Г. Шеховича (1855 — 1856); „Галицкій историческій сборникъ“, издававшійся Матицей (1854—1860, 3 вып.); „Отечественный сборникъ“ В. Зборовскаго (Вѣна, 1858); альманахъ „Перемышлянинъ“ съ 1850-хъ годовъ. Далѣе, въ шестидесятыхъ годахъ: „Временникъ Института Ставропигійскаго“ (1864 — 1866); „Галичанинъ, литературный сборникъ“, издававшійся съ 1862 Я. Головацкимъ и Б. Дѣдицкимъ; „Научный сборникъ“ (Львовъ, 1865).

Въ 1849 году стала издаваться также оффиціальная газета „Галичо-русскій Вѣстникъ“, редакторомъ котораго былъ Н. Устіановичъ; явился органъ русско-польской партіи, „Ruskij Dnewnik“, издававшійся Вагилевичемъ. Съ 1861 г. началась извѣстная газета „Слово“, которая есть главный органъ святоюрской или старо-русской партіи и ведетъ теперь ожесточенную войну противъ „народнаго“ направленія. Оно издавалось сначала Б. Дѣдицкимъ, а въ послѣдніе годы В. Пло-

¹⁾ О немъ см. книжку Дѣдицкаго: «Михаилъ Качковскій и современная галицко-русская литература. Очеркъ биогрaфическій и историко-литературный». Ч. I. Львовъ, 1876. (Ср. «Правду», 1876, 913).

щанскимъ ¹⁾. Въ шестидесятыхъ годахъ въ томъ же направленіи. въ защиту „единства русскаго языка“, дѣйствовали писатели новаго поколѣнія, О. Ливчакъ, издававшій юмористическій журналъ „Страхопудъ“ съ прибавленіемъ „Золотой грамоты“, и въ 1867—1868, Славянскую Зарю“. Того же направленія держался „Другъ“.

Первые галицкіе писатели полагали много усердія на изученіе своей старины, народнаго быта и поэзіи, много хлопотали надъ вопросомъ о литературномъ языкѣ, составляли элементарныя книжки; но чисто-литературная сторона ихъ трудовъ была мало замѣчательна. Они скоро забыли дѣло, начатое Шашкевичемъ, и оставили вѣрный путь народнаго содержанія и языка для риторическаго и безжизненнаго направленія и мѣшанаго книжнаго языка. Даже у лучшихъ между этими писателями рѣдко бывала истинная поэзія, а чаще искусственное стихотворство, отталкивающее уже своимъ языкомъ, мало вразумительнымъ для простыхъ Галичанъ и уродливымъ для насъ: риторика процвѣтала долго — въ „стихахъ“ разнымъ духовнымъ потентатамъ, одахъ, „восторгахъ благодарнаго чувства“, „радостныхъ пѣніяхъ“ и подобныхъ произведеніяхъ, напоминавшихъ вкусы прошлаго столѣтія. Галицкіе писатели обращались иногда и къ русской литературѣ, но уже по свойству литературныхъ взглядовъ своихъ не могли хорошенько понять ея содержанія и характера: Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ были имъ мало доступны не только по ихъ специально-русскому содержанію, Галичанамъ мало знакомому, но вѣроятно и по самому стилю, по живому реализму, по новымъ идеямъ: словомъ, при всемъ желаніи служить своей народности, галицкіе писатели „старо-русской“ школы ни у себя дома не видѣли ея истинныхъ источниковъ, ни въ русской литературѣ не отличали ея живой стороны.

Назовемъ главныхъ писателей этой поры и этого направленія. Мы много разъ упоминали имя Я. Ө. Головацкаго (род. 1814). Родомъ изъ Золочевского округа, онъ учился во львовской гимназіи, потомъ въ Кошицахъ (Кашау), Пестѣ и наконецъ во львовскомъ университетѣ, по богословскому факультету. Онъ принадлежалъ здѣсь къ кружку Шашкевича, и первое стихотвореніе его было помѣщено въ „Днѣстровой Русалкѣ“. Въ 1843 году онъ сталъ священникомъ (уніатскимъ), а въ 1848 приглашенъ былъ на кафедру русскаго языка и словесности во львовскомъ университетѣ. Онъ очень дѣятельно участвовалъ въ галицкихъ изданіяхъ, ученыхъ и политическихъ, защищавшихъ права русской народности, и навлекалъ этимъ ожесточенную вражду со стороны Поляковъ, особенно усилившуюся, когда намѣстникомъ Галиціи

¹⁾ Имя этого публициста у насъ довольно извѣстно. Ср. напр. статью К. В.: „Дѣло г. Иловайскаго въ Галиціи. Небольшая глава изъ славянской патологіи“, Вѣстн. Евр., 1878, янв. 361—379.

сталъ гр. Голоуовскій. Въ 1867, Головацкій отправился на московскую выставку (бывшую своего рода славянскимъ съѣздомъ) и въ томъ же году покинулъ Галицію и назначенъ былъ предсѣдателемъ археографической комиссіи въ Вильнѣ. Главная литературная заслуга Головацкаго заключается въ его историческихъ трудахъ, частью указанныхъ выше въ библиографіи ¹⁾. Въ послѣднее время своей дѣятельности, онъ ревностно проповѣдовалъ „единство русской народности“ отъ Карпатъ до Камчатки. Его послѣднія работы печатались въ трудахъ петербургской Академіи наукъ ²⁾. Къ тому же кружку Пашкевича принадлежалъ Николай Устіановичъ (род. 1811). Родомъ изъ Стрыйскаго округа ³⁾, онъ окончилъ свое образованіе во львовскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ философію и теологію. Первымъ его стихотвореніемъ была „Слеза на гробѣ Михаила, барона Гарасевича“ (русинскаго патріота, терпѣвшаго большія гоненія отъ Поляковъ)—какъ говорятъ, лучшее русинское стихотвореніе до „Днѣстровой Русалки“ и „Вѣнка“ (о которомъ далѣе). Въ 1849, Устіановичъ сдѣлался редакторомъ политической газеты „Вѣстника“, а по запрещеніи его поселился въ своемъ сельскомъ приходѣ. Съ тѣхъ поръ онъ дѣятельно участвовалъ въ галицкихъ изданіяхъ. („Поезіи Н. Устыановича“, изд. Б. Дѣдицкимъ, ч. 1-я. Львовъ 1860). Его стихотворенія ставятся нѣкоторыми въ ряду лучшихъ, какія есть въ галицкой литературѣ. Стиль Устіановича двоякій: сначала онъ писалъ языкомъ народнымъ, но потомъ, по выраженію одного галицкаго критика, „збѣвса з пантелику“ и началъ употреблять искусственный книжный языкъ; стихотворенія второго рода даже „старо-русскій“ писатель, Дѣдицкій, считаетъ натянутыми. Устіановичъ писалъ также и по-польски (напр. „Згадка“ на смерть Пашкевича на русинскомъ и польскомъ языкахъ, 1848 г.). Заслуженнымъ поэтомъ считается Антонъ Могильницкій (род. 1811), также униатскій священникъ, въ послѣдніе годы членъ львовскаго сейма и вѣнскаго рейхсрата, гдѣ онъ ревностно защищалъ русскую народность Галиціи. Онъ написалъ: нѣсколько думъ, эпическую поэму „Скитъ Малавскій“, „Повѣсть стараго Савы изъ Подгорья“, сатирическую поэму „Пѣснь поэта“. Теперь сами Галичане находятъ, что въ его поэмахъ мало поэзіи. Иванъ Головацкій, братъ Якова (род. 1816), учился во Львовѣ и Вѣнѣ сначала

¹⁾ Къ нимъ прибавимъ еще важное изданіе, сдѣланное Головацкимъ: «Widok przemocy na słabą niewinność szrogo wywartej». Историческія записки Феодосія Бродовича, архи-пресвитера греч. униат. капитулы Луцкаго, о событіяхъ на Волыні и Подолѣ въ 1789 году». Ч. 2. Львовъ, 1861—62. На польскомъ языкѣ. Во второй разъ это сочиненіе издано, съ русскимъ переводомъ, въ «Чтеніяхъ» 1868—1869. О пѣсенномъ сборникѣ Головацкаго см. ниже.

²⁾ Подробная біографія Головацкаго въ чешскомъ «Научномъ Словникѣ».

³⁾ Въ мѣстечкѣ Николаевѣ, почему онъ и подписывался иногда «Николаемъ изъ Николаева».

богословію, потомъ медицинѣ, былъ военнымъ врачомъ, а въ послѣдніе годы состоялъ редакторомъ „Вѣстника законовъ державныхъ“ въ русскомъ переводѣ. Ему принадлежитъ „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки“ (уплѣлъ Иванъ Б. Ѳ. Головацкій. Вѣна, 1846—47, 2 части) и „Пѣніе радостнаго голоса государю Николаю Павловичу, императору *всехъ Руги*“ (1845, изд. 1848). Въ „Вѣнкѣ“ кромѣ Головацкаго участвовали и другіе галицкіе писатели; назовемъ изъ нихъ К. Скоморовскаго, писавшаго также подъ псевдонимомъ „Долиняненко“. Іосифъ Левицкій (1801—1860), издавшій первую русинскую грамматику, нѣсколько элементарныхъ книжекъ, переводилъ „Баллады“ Шиллера (Перемышль, 1839—44). Иванъ Гушалевичъ (род. 1823) учился во львовскомъ университетѣ, принялъ духовное званіе, былъ учителемъ русскаго языка во львовской гимназіи, потомъ приходскимъ священникомъ, наконецъ членомъ львовскаго сейма и вѣнскаго рейхсрата. Въ 1849 онъ издавалъ „Новины“, потомъ „Пчолу“, въ 1851—52 „Галицкую Зорю“; въ 1852 издалъ „Цвѣты зъ надъ-Днѣстрянскои ливады“; въ 1860 въ „Галицкой Зорѣ“ напечатаны его пѣсни и „Сонъ князя Льва“; въ 1861 изданы были его „Поезіи“ (ч. 1, Львовъ, съ небольшою біографіей, писанной Дѣдицкимъ). Галицкіе критики ставятъ очень высоко его стихотворенія, — но языкъ ихъ часто мѣшанный и потому тяжелый ¹⁾. Гушалевичъ былъ также и авторомъ „Пастырскаго богословія.“ Иванъ Наумовичъ (род. 1826) извѣстенъ какъ политической дѣятель и ораторъ и также какъ писатель для народа. Богданъ Дѣдицкій (род. 1827) учился во львовскомъ и вѣнскомъ университетѣ, былъ съ 1856 учителемъ русскаго и польскаго языка въ гимназіи въ Перемышль, съ 1861 первымъ редакторомъ газеты „Слово“. Это—дѣятельный стихотворецъ, авторъ поэмъ „Конюшій“ (1853) и „Буй-туръ Всеволодъ, князь Курскій“ (1860), стихотвореній на торжественные случаи и т. д. Въ 1859 году, когда въ правленіе гр. Голуховскаго возникъ въ польскихъ видахъ планъ (при содѣйствіи извѣстнаго чешскаго ученаго Іос. Иречка) замѣнить русское кирилловское письмо латинскимъ, Дѣдицкій возсталъ противъ него въ книжкахъ „О неудобности латинской азбуки въ письменности русской“, Вѣна 1859, и „Споръ о рускую азбуку“, Львовъ 1859 ²⁾.

¹⁾ О политической пѣснѣ Гушалевича: «Миръ вамъ, братья», Дѣдицкій замѣчаетъ, что ее съ 1848 поетъ не только Галицкая Русь, но «знають ее Поляки и сыны иныхъ земель славянскихъ».

²⁾ Споръ объ азбуку начался съ первыхъ шаговъ новой галицкой литературы. Въ тридцатыхъ годахъ нѣкоторые изъ Галичанъ думали ввести латинскую азбуку, напр. Лозинскій. Его опровергалъ М. Шашкевичъ въ книжкѣ: «Azbuca i abecadło. odpowiedź na zdanie J. Łozińskiego o wprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego», Перемышль, 1837. На эту мысль наводило, конечно, содѣйство польской литературы, гдѣ въ то время у многихъ развивался особенный интересъ къ южнорусской народности, а у другихъ желаніе ее ассимилировать. Пово-

Духовными сочиненіями и проповѣдями извѣстны: М. Малиновскій, упомянутый Гушалевиць, Гр. Гинилевичъ, Ст. Мустяновичъ, А. Радолинскій и другіе.

Литературныя и общественныя силы обѣихъ партій были не велики; одна еще не вышла изъ тѣсныхъ рамокъ крылошанскаго образованія,—другая едва набиралась въ свѣтской интеллигенціи. Между тѣмъ передъ ними вставалъ трудный вопросъ о политической и національной судьбѣ Галиціи. Обѣ партіи чувствовали, что Галиція не можетъ существовать самобытно, не можетъ создать отдѣльной литературы; борьба съ Поляками заставляла Русиновъ бросаться въ объятія Австріи, но и здѣсь ихъ ждали тяжелыя и оскорбительныя разочарованія; становилось ясно, что ихъ національный центръ находится „за кордономъ“. Но „за кордономъ“ были двѣ русскія народности. Одна была господствующей народностью могущественнаго государства, но представляла отличную отъ русинской племенную формацию; другая, подчиненная политически, была совершенно тождественна съ русинкой. Одни изъ Галичанъ склонялись на сторону первой, другіе—на сторону второй. Святоюрцы или старо-русская партія—отчасти намѣренно, отчасти думая, что продолжаютъ свое историческое преданіе—старались приблизить свою литературу и письменный языкъ къ русскому, и объясняли своей публикѣ (противъ польскихъ толкованій), что русскій народъ вовсе не чужой и схизматическій, что политическая власть у него не дастъ народа въ обиду Полякамъ. Народовцы думали, что надо, напротивъ, завязать союзъ съ Малой Русью, составляющей одну народность съ Русинами, что это обширное племя въ силахъ одно создать свою литературу, а что отъ Великой Руси можно ждать только поглощенія южнорусской народности.

Но выполненіе этихъ программъ было очень недостаточно. Стремясь къ „обще-русскому единству“, слѣдовало изучить русскую жизнь, языкъ и литературу; но старо-русская партія не дѣлаетъ почти ничего для этого изученія; русская литература остается мало понятна въ Галиціи, и толки о единствѣ ведутся на языкѣ, о порченности

домъ къ книжкѣ Дѣдицкаго о неудобности латинской азбуки послужила новая попытка Бенглинскаго (о немъ далѣе) писать по-русики польской азбукой. Планъ ввести латинскую азбуку, при Голуховскомъ, встрѣтилъ въ Галиціи всеобщее неудовольствіе и былъ тогда же оставленъ.

Споръ старо-русской партіи съ народовцами о литературномъ языкѣ распространился вмѣстѣ и на азбуку: первые употребляли такъ-называемое историческое или этимологическое правописаніе, держась по возможности русско-церковнаго написанія; вторые употребляли кулишовку, а въ послѣднее время стараются приблизить ее еще больше къ народному говору.

(Ср. Головацкаго, въ «Познѣ Слав.», 204; Мих. Куземскаго, Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage in Galizien. Lemberg, 1861).

котораго мы говорили. Со времени польскаго возстанія, галицкіе политики стали справляться съ русскими газетами, но и изъ нихъ вынесли немного: извѣстные толки объ украинофильствѣ, Полякахъ, нигилизмѣ еще болѣе спутали ихъ понятія о Россіи и только прибавили пищи домашнему обскурантизму, котораго и безъ того было довольно.

Такъ-называемые „народовцы“ нашли, что вмѣсто погони за отвлеченнымъ и проблематическимъ обще-руссизмомъ, забота о своемъ народѣ должна обратиться къ его ближайшимъ и живымъ національнымъ связямъ: въ самомъ дѣлѣ, украинство, наибольшая масса того же южнорусскаго племени, въ прошедшемъ успѣло выказать великую энергію въ національной борьбѣ, и теперь представило наиболѣе сильныя выраженія своей народности въ литературѣ. Чтобы поднять галицкую народность, сближеніе съ малорусскою литературою представлялось самымъ естественнымъ дѣломъ. Оно и началось; но съ шестидесятыхъ годовъ и донинѣ вопросъ остается невыясненъ между галицкими партіями. „Объ партіи,—говорилъ одинъ наблюдатель десять лѣтъ тому назадъ,—говорятъ о своей любви къ народу, передъ обѣими стоитъ, какъ самый насущный и первый вопросъ,—охраненіе народности, элементарное народное образованіе... И вмѣсто того, чтобъ дружно работать, оставивъ до поры всякія разногласія изъ-за далекихъ вопросовъ, онѣ именно объ этихъ-то вопросахъ и толкуютъ преимущественно, изъ-за нихъ-то и ссорятся. Изъ-за того, поглотить ли „Москва“ ихъ,—изъ-за того, какъ и на какой языкъ переводить „Гамлета“, объ галицкія партіи забываютъ голодный и безграмотный народъ для того, чтобъ бросать другъ другу въ глаза эпитеты перевертней и запроданцевъ — то „Москвѣ“, то „Полякамъ“! Но что всего непростительнѣе, такъ это мелочная ссора изъ-за азбуки,—изъ-за того, патріотично ли письмо à la Кулишъ, или à la Максимовичъ“. Съ тѣхъ поръ какъ сдѣлано было это замѣчаніе, литература для народа нѣсколько подвинулась, но раздоръ продолжается: партіи стали еще рѣзче другъ противъ друга, и нѣсколько позднѣе тотъ же наблюдатель находилъ, что народовцамъ и нельзя мириться съ тѣмъ обскурантизмомъ и зложелательствомъ, которыя они видѣли отъ „старорусской“ партіи... Съ голоса русскихъ газетъ, шли толки о нигилизмѣ и польской интригѣ и, какъ мы видѣли изъ словъ Головацкаго, старорусская партія не можетъ выносить „заклятыхъ украинофиловъ“ (т. е. своихъ „народовцевъ“) и ставить ихъ рядомъ съ Поляками, т. е. какъ враговъ отечества; польскія и австрійскія газеты кричали о козакоствѣ и москвофильствѣ; внутреннія политическія отношенія запутаны. Во всемъ этомъ никакъ не могли доселѣ разобратъ галицкіе патріоты.

Съ шестидесятыхъ годовъ „народовцы“ обнаружили довольно ожив-

ленную дѣятельность. Они основали собственные журналы, какъ напр.: „Вечерницы“ (1862—63), „Мета“ (1863—65), „Нива“ (1865), и въ особенности „Правда“ (съ 1867 года, подъ разными редакціями), лучший изъ галицкихъ журналовъ. Въ путаницѣ отношеній, явились изданія сомнительной репутаціи, какъ „Русь“, которая была органомъ австрийско-польскимъ; были люди, мѣнявшіе свои политическіе цвѣта, какъ Кс. Климовичъ, сначала издатель „Меты“, потомъ сотрудникъ „Руси“, потомъ издатель „Славянской Зари“, гдѣ былъ славянофиломъ и партизаномъ „единства“, наконецъ издатель „Основы“ (1871). Въ новѣйшее время образовалась новая фракція народовцевъ, начавшая издавать „Громадського Друга“, потомъ по его запрещеніи „Дзвін“ (1878).

Для содѣйствія народной литературѣ, народовцы основали въ 1868 году свое общество „Просвіта“, которое съ тѣхъ поръ издало не мало полезныхъ популярныхъ книгъ и представляетъ одно изъ лучшихъ проявленій галицкой общественной дѣятельности въ народномъ смыслѣ; далѣе, составилось „товарищество имени Шевченка“, основавшее свою типографію, и пр. Старо-русская партія негодовала на „Просвіту“, называя членовъ ея то украинomanами, то ляхomanами, но въ концѣ-концовъ сама нашла нужнымъ обратить больше вниманія на народную литературу: Дѣдицкій сталъ печатать при „Словѣ“ добавленія, подъ названіемъ „Листи до громадъ“; Наумовичъ сталъ издавать народныя книжки, а потомъ основалъ для народа два журнала: „Наука“ и „Русская Рада“; по его мысли основано было упомянутое общество имени Качковскаго, — хотя у людей старой партіи все-таки остается мысль, что народнымъ языкомъ можно писать только для просто-народья, и что „украинщина“ отрываетъ людей отъ „малорусскаго письменства“.

Сближеніе съ нашей украинской литературой съ шестидесятихъ годовъ сдѣлало у Галичанъ большіе успѣхи—по самой силѣ вещей. Появленіе петербургской „Основы“ 1861—62, перваго журнала, специально посвященнаго южнорусскимъ интересамъ, съ именами авторитетныхъ писателей и помнившаго о Галичинѣ, не могло не произвести здѣсь впечатлѣнія. Слава Шевченка въ украинскомъ мірѣ перешла и сюда; его имя стало для молодыхъ поколѣній галицкихъ предметомъ великаго почитанія: объ его поэзіи писались трактаты (Партицкаго, Омел. Огоновскаго, Згарскаго и пр.); въ его имя основывались общества; его годовщина праздновалась въ патріотическихъ кружбѣхъ и становилась напоминаніемъ о народномъ дѣлѣ; во Львовѣ дѣлались изданія его сочиненій. Наши малорусскіе писатели привлекаютъ больше вниманія, чѣмъ когда-нибудь прежде. Сочиненія Костомарова, относящіяся къ южнорусской исторіи, переводятся въ

галицкихъ изданіяхъ (напр. „Хмельницкій“, „Русская исторія въ жизнеписаніяхъ“). Кулишъ, псевдонимъ „Украинець“, прямо участвовали въ этихъ изданіяхъ своими трудами (повѣсти и историческія статьи Кулиша въ „Вечерницахъ“, „Метѣ“, „Правдѣ“). Въ галицкихъ журналахъ являлись произведенія украинскихъ беллетристовъ, какъ Ив. Левицкій-Нечуй¹⁾, Марко Вовчокъ, Стороженко²⁾. Русинскій театръ, основанный на скромныя пожертвованія патріотовъ и открытый во Львовѣ въ 1864, первую пьесю поставилъ драматическую передѣлку повѣсти Квитки „Маруся“ и особенно любимыми были пьесы или передѣлки изъ малорусскихъ писателей, напр., Котляревскаго—„Наталка-Полтавка“, Основьяненко—„Сватанье на Гончаривци“, „Щира любовь“, Шевченка—„Назаръ Стодоля“, „Катерина“ (изъ поэмы), Костомарова — „Сава Чалый“, Кухаренка — „Черноморскій побыть“; далѣе передѣлки изъ Гоголя, пьесы Гоголя-отца, минскаго актера (и малорусскаго писателя) Паливоды-Карпенка. Малорусская драма вообще очень понравилась въ Галиціи: почти въ каждой изъ этихъ пьесъ выставлялась въ сочувственномъ видѣ какая-нибудь черта малорусскаго быта, столь презираемаго польскимъ панствомъ; „Сава Чалый“ прямо проводилъ мысль о полной независимости Руси отъ Польши,—такъ что пьесы возбуждали въ публикѣ народное чувство и самоуваженіе. Эти факты наглядно указывали выгоду сближенія съ малорусской литературой: гораздо болѣе развитая въ тѣсной связи съ обще-русской литературой, она приносила съ собой уже опредѣленные, сознательныя сочувствія къ народу, поэтическое содержаніе несомнѣннаго достоинства, выработанную форму и чистѣйшій народный языкъ—этихъ сочувствій не умѣла еще высказать галицкая литература, этого содержанія и формы она почти еще не знала, этимъ языкомъ еще не могла вполне овладѣть. Въ галицкихъ хрестоматіяхъ („читанки“—Тороньскаго, Партицкаго, Барвинскаго), литературы галицкая и украинская преспокойно слиты въ одно: литература, которую представляютъ эти хрестоматіи, начинается Котляревскимъ, Гулакомъ-Артемовскимъ, Квиткой, продолжается Маркіаномъ Шашкевичемъ, Головацкимъ, Костомаровымъ, Устіановичемъ, Шевченкомъ, Гушалевичемъ, въ перемежку.

Наконецъ и въ галицкой литературѣ явился писатель, въ которомъ сказалось живое, свѣжее отношеніе къ народной жизни. Это былъ Осипъ, или Юрій Городенчукъ Федьковичъ. Онъ родился въ 1834 въ Буковинѣ, между Гуцулами, въ достаточной сельской семьѣ; въ 1848—49 семью постигло несчастье, онъ напелъ пріютъ у одного

¹⁾ Повісті Івана Нечуй. Томъ I. Львовъ, 1872 (Дві москво́вки. Рибалка Панас Круть Причѣпа).

²⁾ Въ «Правдѣ», а также и въ «Словѣ».

нѣмца-живописца, который научилъ его нѣмецкому языку и познакомилъ съ нѣмецкой поэзіей. Въ 1852 ему пришлось идти въ военную службу; она далась ему нелегко; но онъ съ дѣтства научился у сестры „руско-народнымъ“ пѣснямъ и сказкамъ, которыя сдѣлали его любимцемъ между буковинскими и русинскими товарищами въ полку. Въ 1859 онъ получилъ офицерскій чинъ. Въ это время Федьковичъ писалъ уже нѣмецкіе стихи, и одинъ нѣмецкій профессоръ и поэтъ, съ которымъ онъ познакомился въ Черновцахъ, говорилъ ему, что онъ можетъ мѣряться въ лирикѣ съ каждымъ нѣмецкимъ поэтомъ. Но тамъ же встрѣтился Федьковичъ съ однимъ русинскимъ писателемъ, который, услышавъ его нѣмецкія стихотворенія, убѣдилъ его писать по-русински. Такъ началось его русинское писательство. Въ 1863 болѣзнь доставила ему отставку и небольшую пенсію. Вернувшись домой, онъ нашелъ свою мать въ живыхъ, но въ большой нуждѣ; скорѣ она умерла. Земляки-Гуцулы выбирали его въ разныя земскія должности, а въ 1867 году онъ былъ назначенъ окружнымъ школьнымъ инспекторомъ. Въ 1872 онъ оставилъ службу, жилъ нѣсколько времени во Львовѣ, работая при обществѣ „Просвіта“, и наконецъ снова вернулся домой.

Стихотворенія Федьковича собраны были въ нѣсколькихъ книжкахъ въ 1860-хъ годахъ („Поезіи Юсіфа Федьковича“, Львовъ, 1862, съ автобіографическимъ письмомъ къ Дѣдицкому и статьей послѣдняго; второй и третій выпускъ, Коломыя, 1867). Его повѣсти, печатавшіяся въ 1862—1867 годахъ въ „Вечерницахъ“, „Метѣ“, „Нивѣ“ и „Правдѣ“, собраны въ книжкѣ: „Повісті Осипа Федьковича“, Кіевъ, 1876, съ автобіографіей и предисловіемъ Драгоманова о галицкой литературѣ.

Сочиненія Федьковича явились въ такое время, когда у Галичанъ именно завязался споръ о литературныхъ направленіяхъ. Его стихотворенія и особенно рассказы, писанные съ непосредственностью свѣжаго, не школьнаго человѣка и съ несомнѣннымъ талантомъ, въ стилѣ, близкомъ къ малорусскому и русскому реализму народныхъ рассказовъ, явились новымъ свидѣтельствомъ, что живая литература возможна только на живомъ языкѣ. Федьковичъ родился въ Буковинѣ, гдѣ народъ — православный, гдѣ по крайней мѣрѣ церковныя понятія не такъ спутаны и раздвоены, какъ у галицкихъ униатовъ. Поляковъ также нѣтъ въ Буковинѣ; официальный языкъ—нѣмецкій, который хотя непонятенъ для народа, но не могъ мѣшаться въ народный языкъ, а Федьковичъ не прошелъ и семинарскаго образованія, и остался совершенно свободенъ отъ книжной искусственности. Поэтому, ставши русинскимъ писателемъ, онъ прямо заговорилъ тѣмъ языкомъ, который былъ роднымъ языкомъ его семьи и его края. Его содержа-

ніе — тѣ прямыя впечатлѣнія, какія онъ переживалъ самъ, та дѣйствительная жизнь, которую онъ видѣлъ кругомъ себя. Горизонтъ его не широкъ, — но онъ не придуманъ.

Подъ вліяніемъ взглядовъ народной партіи, дѣятельность галицкихъ поэтовъ и повѣствователей приняла гораздо болѣе оживленный характеръ; вмѣсто натянутаго риѣмошлетства, слышится настоящая поэзія, въ повѣстяхъ и разсказахъ является дѣйствительная жизнь. Одной изъ главныхъ причинъ этого поворота, какъ вообще усиленія народной партіи было то, что въ галицкое движеніе вмѣшиваются и украинскія силы — мы и поставимъ ихъ здѣсь вмѣстѣ съ собственно галицкими. Въ ряду поэтовъ и повѣствователей, наиболѣе извѣстны или дѣятельны: О. Конисскій, поэтъ и разсказчикъ, которому галицкіе критики отдавали иногда первое мѣсто между современными южнорусскими поэтами; О. Яковенко (псевдонимъ?), въ послѣднее время напечатавшій повѣсть, гдѣ изображаются (какъ и у Нечуя-Левицкаго) русско-украинскія общественныя отношенія; Данило Млака (псевдонимъ), родомъ Буковинецъ, авторъ стихотвореній, которыя очень пѣнныя, и разсказовъ; Степ. Руданскій, печатавшій вольный переводъ „Иліады“, въ стихахъ; Евгенийъ Згарскій; Заревичъ; Н. Лѣсѣкевичъ; Гетьманецъ (псевдонимъ: между прочимъ, переводы изъ сербскихъ пѣсенъ, изъ Некрасова); Корнило Устѣиновичъ (род. 1840), сынъ Николая, издавшій, кромѣ отдѣльныхъ стихотвореній, свои „Письма“ (ч. I—II, Львовъ, 1875), т.-е. собраніе сочиненій, гдѣ заключаются историческія поэмы „Вадимъ“ и „Искоростень“, дума „Святославъ Хоробрий“, трагедія „Олегъ Святославичъ Овруцкій“: эти сочиненія встрѣчены были галицкой критикой съ сочувствіемъ, но для поэзіи здѣсь слишкомъ много ученой археологіи и міѳологіи; и др.

Галицкій театръ, какъ замѣчено, воспользовался всѣмъ матеріаломъ нашей малорусской литературы; затѣмъ довольно много переводилось, между прочимъ, съ польскаго и русскаго; оригинальныя пьесы писали Гушалевицъ, Данило Млака, Федьковичъ, Устѣиновичъ. Изъ Львова драматическая труппа дѣлала поѣздки по провинціальнымъ городамъ...

Ученая дѣятельность Русиновъ представляетъ уже нѣкоторый запасъ трудовъ особенно по старой исторіи, но ей нужно сдѣлать еще многое для изученія галицкой старины и народности. Старѣйшимъ дѣятелемъ былъ здѣсь извѣстный Денисъ Зубрицкій (1777—1862). Съ 1829 года онъ былъ членомъ ставропигійскаго института и долго управлялъ его типографіей, завѣдывалъ архивомъ и съ великимъ трудолюбіемъ изучалъ галицкую старину. Свой первый историческій трудъ онъ написалъ по-нѣмецки: „Die griechisch-katholische Stavropigial-

Kirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut“, Вѣна, 1830; далѣе, по-польски—изслѣдованіе о старыхъ галицкихъ типографіяхъ: „Historiczne badanie o drukarniach rusko-slawiańskich w Galicyi“, Львовъ, 1836; по-польски также писалъ онъ ту исторію Галиціи, которая позднѣе вышла въ полномъ видѣ въ русскомъ переводѣ Бодянского: „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси“, М. 1845. Составивши обширное собраніе историческихъ актовъ, Зубрицкій просилъ австрійское правительство объ изданіи своего труда, но получилъ отказъ и тогда предоставилъ этотъ матеріалъ петербургской археографической комиссиі, которая и употребила его въ своихъ изданіяхъ. Затѣмъ, опять по-польски была написана „Kronika miasta Lwowa“ (1844) по актамъ львовскаго городского архива. Въ 1848 году Зубрицкій былъ членомъ „головной рады“, редакторомъ „Галицкой Зори“, принималъ дѣятельное участіе въ вопросахъ галицкой народности; онъ написалъ тогда упомянутую выше политическую брошюру: „Die ruthenische Frage in Galizien, von einem Russen“, и по поводу проекта о раздѣленіи Галиціи по народностямъ другую брошюру, по-польски: „Granice między polskim i ruskim narodem w Galicyi“ (последняя также и по-нѣмецки). Наконецъ, въ пятидесятыхъ годахъ онъ началъ издавать уже на русскомъ языкѣ: „Исторію древняго галицко-русскаго княжества“ (4 ч. Львовъ, 1852—1855), доведенную до 1337 года. Какъ видимъ, Зубрицкій былъ человѣкъ стараго вѣка; выше приведенъ его отзывъ о „мрачныхъ изступленникахъ“, какими онъ считалъ галицкихъ писателей, желавшихъ ввести въ книгу народный языкъ; но самъ онъ только въ концѣ жизни овладѣлъ тѣмъ „русскимъ языкомъ“, какимъ пишутъ Галичане старой школы.... Выше мы говорили о трудахъ Як. Головацкаго. Для старой исторіи Галицкой Руси много работалъ Исидоръ Шараневичъ (род. 1829), профессоръ львовскаго университета, писавшій и по-нѣмецки, и по-польски, и по-русски; выше, въ библиографіи указаны его главные труды, къ которымъ прибавимъ еще его „Стародавний Галичъ“ (1860) и „Стародавний Львовъ“ (1861). Заслуженный дѣятель по изученію галицкой старины есть Антоній Петрушевичъ (род. 1821), ученый каноникъ архикатедральной церкви св. Георгія во Львовѣ, галицкій библиографъ, историкъ и филологъ: отдѣльные изслѣдованія его по галицкой церковной исторіи печатались въ „Галицкомъ историческомъ сборникѣ“, „Галичанинѣ“, „Науковомъ сборникѣ“, между прочимъ: „Исторія Почаевскаго монастыря и его типографіи“, „Краткое извѣстіе о Холмской епархіи“; имъ изданы: „Львовская лѣтопись съ 1498 по 1649 годъ“ (Львовъ, 1868) и „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“ изъ лѣтописныхъ отрывковъ и разныхъ современныхъ историческихъ замѣтокъ (въ „Литературномъ

Сборникъ“ Галицкой Матицы, т. I, 1872—1873). Въ послѣднее время Петрушевичъ велъ полемику по поводу старо-чешскихъ памятниковъ, какъ „Судъ Любуши“ и „Краледворская рукопись“, подлинность которыхъ онъ отвергаетъ. По филологіи и исторіи литературы есть почтенные труды Омеляна Огоновскаго (род. 1833), профессора въ львовскомъ университетѣ (теперь онъ и предсѣдатель, „голова“, общества Просвіта); между прочимъ онъ издалъ новый комментарий къ „Слову о полку Игоревѣ“ (Львовъ, 1876) и вообще много работалъ въ рядахъ новой литературной школы. Омелянъ Партицкій (род. 1840), профессоръ учительской семинаріи, также одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей этой школы, составилъ нѣмецко-русскій, т.-е. русинскій словарь (1867), издалъ обширную „Читанку“, т.-е. хрестоматию, вышеупомянутую книжку о поэзи Шевченка и пр. Другая читанка составлена Александромъ Барвинскимъ. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ галицкихъ писателей есть Иванъ Верхратскій (род. 1846). Ему принадлежатъ: „Початки до уложенія номенклатуры и терминологіи природописной, народнѣи“ (4 вып., Львовъ 1864—72); „Знадоби до словаря южно-русского“ (Львовъ, 1877), важный лексикографическій матеріалъ; много статей въ журналѣ „Правда“; наконецъ, сборникъ стихотвореній („Калина“, 1874; „Байки“, 1876) и пр. Иванъ Левицкій издалъ въ „Правдѣ“ 1874 — 1876, и отдѣльно, довольно обширный очеркъ южнорусской мифологіи: „Світотгляд українського народа“.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ разрядѣ писателей, относящихся на половину къ польской, на половину къ русинской литературѣ. Это — отрасль польской „украинской школы“, писатели польскіе, которые, увлекаясь южнорусской народностью (но вмѣстѣ считая ее отгѣнкомъ польской), передавали ея бытовья и историческія тѣмы на южнорусскомъ языкѣ, писанномъ польской азбукой,—явленіе, правда, рѣдкое и довольно странное, но симпатичное, какъ образчикъ возможности мирнаго сожительства и образовательнаго союза двухъ племенъ. Таковъ былъ въ сороковыхъ годахъ Тимко Падуро (1801—1871, родомъ съ Украйны), наиболѣе извѣстный изъ этихъ писателей (Русма Тумка Padurri. Wydanie posmertne, Львовъ 1874, съ біографіей); собиратели народныхъ пѣсенъ въ Галиціи, какъ Вацлавъ изъ-Олѣска, Жегота Паули, о которыхъ упомянемъ далѣе; далѣе, Сп. Остапчевскій (Spirydion Ostaszewski: Piń kory kazok, Вильно, 1850), умершій въ глубокой старости въ 1875 году ¹⁾; Левъ Евг. Венглиньскій (Nowyi poezyi maloruskii etc. w czystom jazyci Czerwonorusyniw. 3 ч. Львовъ и Перемышль, 1859); Павлинъ Свенцицкій

¹⁾ Правда, 1875, 689.

(1840—1876), Полякъ-„хлопоманъ“, писавшій по-русински подъ псевдонимомъ „Павель Свій“ или „Стахурскій“, и т. д.

Если сравнить настоящее положеніе русинскаго возрожденія съ тѣмъ, что было тридцать лѣтъ тому назадъ, нельзя не увидѣть въ немъ большого успѣха. Отчасти онъ былъ данъ виѣшними обстоятельствоми, — какъ бѣльшая степень политической свободы, которая не была завоевана самими Русинами; но отчасти онъ достигнуть ихъ усиліями. За это время русинскій языкъ получилъ доступъ въ школу и общественную жизнь; литература сдѣлала успѣхи и въ научной, и въ поэтической области; въ университетахъ львовскомъ и черновецкомъ (въ Буковинѣ, основанномъ въ 1874) нѣкоторые предметы читаются на русскомъ языкѣ; основался русскій театръ; выросъ интересъ къ народности, который обнаруживается усилившимся литературнымъ потребленіемъ и успѣхомъ обществъ, основанныхъ для расширенія народнаго образованія ¹⁾; вмѣсто единственнаго прежде, образованнаго класса — клирошанъ, является новый слой образованнаго свѣтскаго класса; политическое сознаніе вырастаетъ.

Внутри галицкаго общества возникло, правда, разногласіе: партія „старо-русская“ упорно враждуетъ противъ народной, закрываетъ для нея учрежденія, которыя должны бы быть обще-народными, и не принимаетъ участія въ ея работахъ на пользу народности. Народная партія должна пробивать сама дорогу для своей дѣятельности. Эта вражда исторически понятна; каковы бы ни были недостатки и эгоистическіе мотивы отдѣльныхъ лицъ, здѣсь выразились два теченія идей: одно ищетъ спасенія народности въ союзѣ съ сильнѣйшимъ племенемъ (въ союзѣ, за которымъ должно ожидать подчиненія и поглощенія сильнѣйшимъ); другое настаиваетъ на племенной индивидуаль-

¹⁾ Общества старой партіи: Матица, общ. имени Качковскаго; новой: Просвѣта товарищество имени Шевченка. Общества академической молодежи, также съ цѣлями народно-образовательными: Сѣчь (Січ), Русская Основа, Буковина—въ Вѣнѣ; академическій кружокъ (находившійся прежде подъ влияніемъ старой партіи) и Дружній Лихвар — во Львовѣ. Въ послѣднее время два львовскіе кружка соединились: акад. кружокъ перешелъ къ народной партіи.

Виѣшніе размѣры литературы увеличились. Дѣдицій, издавая въ 1860 сочиненія Устіановича, радуется, что кругъ читателей галицкихъ расширился до того, что изданія въ 1000—2000 экз. исчерпываются меньше чѣмъ въ годъ: «Явленіе то,—замѣчаетъ онъ,—говорить такъ доботно о укрьпившемся розвоу житія нашего народнаго. же навѣтъ у недověрѣвъ зчезае сомнѣнье въ существованіе животныхъ силъ австрійско-русского народа.

Въ настоящее время выходятъ: политическая газета «Слово», органъ старой партіи; «Правда», изданіе политическое и литературно-научное, органъ новой партіи; далѣе: «Письмо з Просвѣти», разъ въ мѣсяць для членовъ общества; «Газета школьна», Изд. Партицизмъ; «Русскій Сіонъ», органъ уніатскаго митрополита Сембратовича; «Ластівка», дѣтскій журналъ на малор. языкѣ, Клемертовича—всѣ во Львовѣ. Въ Коломнѣ выходитъ литературный журналъ «Весна», Исидора Трембизкаго.

ности. Право народной партіи не подлежит сомнѣнію, и старая партія дѣлала теоретическую и практическую ошибку, когда не умѣла понять и не хотѣла признать его. Молодая партія видимо беретъ верхъ, особенно пользуясь нашими малорусскими силами, которые не могли дѣйствовать у себя дома ¹⁾. Необходимость обращаться къ народному языку въ Галиціи, очевидно гораздо настоятельнѣе, чѣмъ въ Малороссіи: русская народность въ Галиціи окружена чужими племенами, находится подъ чужимъ господствомъ, еще не достигла полной, столько обѣщанной равноправности, не имѣетъ подспорья въ русской литературѣ, какъ Малороссія. „Старо-русская“ партія этого не понимаетъ, и о ней доселѣ можно сказать то, что говорилъ Максимовичъ объ ея дѣятеляхъ въ сороковыхъ годахъ, что они „отъ одного берега отстали, а къ другому не пристали“.

Итакъ, здѣсь, какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ остается еще очень много работы для установленія національной жизни. Галицкіе патріоты далеко не выяснили своего отношенія къ „двумъ русскимъ народностямъ“. „Старо-русская“ партія, толкуя объ „обще-руссизмѣ“, не умѣла доселѣ даже знакомить Галичанъ съ русской литературой, и успѣла сдѣлать свою точку зрѣнія антипатичной и даже ненавистой, отыскивая въ „обще-руссизмѣ“ союзниковъ своимъ ретрограднымъ наклонностямъ; но будетъ очень странно, если союзъ съ „обще-руссизмомъ“ сама новая партія будетъ представлять возможнымъ только въ той недѣльной формѣ, какую даетъ ему „Слово“... Народовцы, защищая галицко-малорусскую народность, опасаясь поглощенія „Москвою“, меньше вникаютъ въ свойства этой послѣдней, чѣмъ нужно для вѣрнаго историческаго пониманія дѣла и, можетъ быть, для расчетовъ о будущемъ. Галицко-украинское единство, на которомъ они всего больше настаиваютъ, также не достаточно выяснено. Правда, по народному характеру, быту, языку, Галичане и Малоруссы одинъ народъ, — одинъ и по многимъ явленіямъ исторіи, — но не по всѣмъ. Въ ихъ исторіи есть различія, которыя не могли остаться безъ вліянія на складъ народности. Еще съ глубокой старины, иноземныя вліянія бывали сильнѣе на западѣ южнорусской земли, чѣмъ на востокѣ. Со времени присоединенія Галиціи къ Польшѣ, и завоеванія Кіева Литвой, положеніе южнорусской народности тамъ и здѣсь было сходно, но не тождественно; народность восточная сохранила больше чувства независимости, и въ ней созрѣло зерно козачества, возстаній, поэзіи „думъ“. Съ половины

¹⁾ О домашнихъ отношеніяхъ народовцевъ см., напр, ихъ собственные разсужденія въ «Правдѣ», 1872, 236 и слѣд.; 1876, 799—808, 953—959. Отзвѣы о современномъ положеніи украинской литературы въ Россіи, тамъ же, 1876, 500—505, 545—546, 633—640.

XVII вѣка Украина стала опять въ совѣтѣмъ иныя отношенія, соединившись съ родственнымъ племенемъ, сохранивши вѣру, освободившись отъ чужеплеменнаго господства, между тѣмъ Галиція потеряла ту самую вѣру, изъ-за которой въ XVI—XVII вѣкахъ шла такая отчаянная борьба, гдѣ и сами Галичане имѣли свою великую заслугу; польскія вліянія возобладали здѣсь до того, что одна народная масса—порабощенная и полусознательная—сохранила старицу обычай и народность; и сама эта народность, говоря по правдѣ, доселѣ еще мало успѣла воздѣйствовать на литературную образованность. Литературное возрожденіе малорусскаго племени въ Россіи на поль-столѣтія опередило Галичанъ, и народная стихія, когда появилась въ малорусской книгѣ, съ разу явилась въ ней во всей чистотѣ языка, тогда какъ въ Галиціи народный языкъ доселѣ не можетъ выбиться изъ чуженародныхъ наслоеній.

Такимъ образомъ единство галицко-украинское есть относительное. Правда, и вообще въ національныхъ возрожденіяхъ требуется извѣстное усиліе, чтобы возстановить потерянную или ослабленную связь общества съ народомъ, надо изучать или „опроститься“; но для галицкаго Русина сдѣлать это относительно южнорусской старины и народности труднѣе, чѣмъ для Малорусса. Мы понимаемъ ту привлекательность, какую имѣютъ для галицкаго Русина сильныя проявленія южнорусскаго характера въ украинской исторіи; но въ отождествленіи двухъ этихъ отгѣнковъ есть все-таки искусственность, натяжка, которыя еще не покрыты и не упразднены собственнымъ развитіемъ или, по крайней мѣрѣ, сильнымъ усвоеніемъ украинства. Можетъ ли галицкій Русинъ непосредственно считать своими старыя козацкія думы, или новую поэзію Шевченка? Кромѣ того: Галичане отождествляютъ свою литературу съ малорусской,—но послѣдняя многообразнымъ образомъ связана съ развитіемъ русской литературы, и съ этой стороны Галичанамъ опять необходимо ближе познакомиться съ содержаніемъ и направленіями русской литературы ¹⁾. А главное, изученіе это важно было бы и съ болѣе общей точки зрѣнія: русская (по ихъ терминологіи: „россійская“) народность есть ближайшая силь-

¹⁾ О недостаткахъ галицкой интеллигенціи вообще, и въ частности по этому вопросу, не разъ говорилось въ русской литературѣ, напр., въ статьяхъ, указанныхъ выше въ библиографіи. Ср. также Ламанскаго, Национальности итальянская и славянская, стр. 15.

Люди, которымъ нельзя отказать въ широкомъ взглядѣ и большомъ знаніи славянства, предостерегаютъ отъ крайностей украинофильства (см. Ягича, Archiv für slav. Philologie, I, 542—543) Украинофилы галиціе имѣютъ, конечно, свой raison d'être (какъ и у русскихъ, крайности имѣютъ свое историческое объясненіе) и другой славянской авторитетъ (Штура, Славянство и мѣръ будущаго, М. 1867, стр. 140—141), — но во всякомъ случаѣ требуется болѣе внимательнаго изученія вопроса о великорусскихъ и малорусскихъ отношеніяхъ въ прошломъ и въ современности, чѣмъ ему даютъ Галичане.

ная народность, въ которой они могли бы находить опору для своей національной будущности и которой, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣ новой внутренней работы надъ своей организаціей, еще предстоитъ своя роль въ будущихъ судьбахъ Славянства.

Остается еще одна небольшая область русскаго языка — Угорскіе или Венгерскіе Русины, въ сѣверо-западной Венгріи, на южныхъ склонахъ Карпатъ, въ сосѣдствѣ Словаковъ на западѣ, Мадьяръ и Румынъ на югѣ, Галицкихъ Русиновъ по ту сторону Карпатъ, съ населеніемъ до 500,000, которое дѣлится на „Верховинцевъ“ и „Долинянъ“ (жителей горъ и долинъ). Это были коренные жители края, къ которымъ впоследствии приходили въ разное время новые выселенцы изъ южной Руси. Во время прихода Мадьяръ, Русскіе, какъ говорятъ историческія преданія, были ихъ проводниками, союзниками, передовымъ отрядомъ ихъ войска. Въ то время Русскіе были уже христіанами по восточному обряду, и въ первые вѣка не только пользовались національной свободой, имѣли собственное управление, но и при самомъ венгерскомъ дворѣ слышался русскій языкъ. Но съ теченіемъ времени дѣло измѣнилось. Политическія и династическія связи Венгріи уже рано доставили вліяніе католицизму; многіе Русскіе были перекрещены, другіе считались язычниками. Русское боярство, занимавшее мѣста въ мадьярской аристократіи, мало-по-малу потеряло свою народность и смѣшалось съ этой аристократіей. Русскіе, оторванные политически отъ своихъ единоплеменниковъ, больше и больше теряли свои права; съ половины XVII вѣка здѣсь водворилась унія, и венгерскіе Русины пришли въ то же, или еще худшее положеніе, какъ Русины галицкіе. Русскихъ въ краѣ также были только „попъ да хлопъ“.

Австрійское правительство старалось ограждать русскій народъ, т. е. крестьянство, отъ помѣщичьяго мадьярскаго угнетенія. При Маріи-Терезіи изданъ былъ „урбаріумъ“, опредѣлявшій крестьянское землевладѣніе и повинности; Іосифъ II уничтожилъ крѣпостную зависимость; въ 1848 г. венгерскій парламентъ отмѣнилъ барщину: но такъ какъ ближайшая власть была все-таки въ рукахъ Мадьяръ, то они умѣли обходить законъ и притѣсненія продолжались по прежнему. Подобнымъ образомъ церковная жизнь была крайне отягощена вмѣшательствами католическихъ епископовъ, мадьярскихъ помѣщиковъ и т. п. Русскіе епископы, нѣкогда выборные, стали назначаться правительствомъ, и въ число ихъ попадали злѣйшіе „мадьяроны“ (какъ называютъ русскихъ ренегатовъ), какъ недавній епископъ Панковичъ. Русское юношество, учившееся въ семинаріяхъ въ Вѣнѣ или Пештѣ, отставало отъ своей народности, и мало приносило ей пользы, зани-

мая потомъ духовныя мѣста на родинѣ. Народный патриотизмъ въ русскомъ смыслѣ навлекалъ подозрительность и притѣсненія.

Но, какъ ни заброшенъ былъ этотъ русскій островъ, какъ ни была невозможна какая-нибудь помощь, народное чувство здѣсь не заглохло и къ нашему времени заявляется хотя еще слабыми, но несомнѣнными стремленіями къ развитію. Здѣсь, какъ и въ Галиціи, первыми защитниками народности были духовные люди, епископы, какъ Бачинскій въ прошломъ столѣтіи, Василій Поповичъ въ недавнее время, каноники и монахи, у которыхъ ревность къ церкви сопровождалась и заботой о паствѣ, т.-е. о забытомъ всеми народѣ. Упомянемъ изъ нихъ историковъ угорско-русской церкви, протоигумена Іоанникія Базилевича (ум. 1821), который написалъ, впрочемъ, по-латыни, исторію русскаго князя Θεодора Коріатовича, жившаго въ Угорской Руси и основавшаго монастырь мукачевскій; каноника Андрея Балудянскаго, въ Ужгородѣ или Унгварѣ (ум. 1853), издавшаго церковную исторію на трехъ языкахъ—русскомъ („Исторія“, 3 ч., Виенна, 1851—52), латинскомъ и мадьярскомъ.

Сорокъ восьмой годъ и здѣсь былъ началомъ особеннаго національнаго движенія. Русскіе сначала очень сочувствовали венгерскому возстанію, въ надеждѣ, что это будетъ установленіемъ народной самобытности; они уже скоро разочаровались, — революціонное правительство преслѣдовало русскихъ патриотовъ, — но мысль о національномъ правѣ была возбуждена и нашла своихъ ревнителей. Первымъ изъ нихъ былъ Адольфъ Добрянскій, который былъ дѣятельнымъ заступникомъ своего народа въ правительственныхъ сферахъ и умѣлъ соединить около себя кружокъ людей, готовыхъ работать и бороться за народное дѣло. Его считаютъ начинателемъ угорско-русскаго возрожденія. Во время борьбы съ венгерскимъ возстаніемъ, австрійское правительство пожелало выслушать русскую депутацію, и депутація, во главѣ которой былъ Добрянскій, заявила желанія своего народа, состоявшія въ автономіи Угорской Руси, равноправности съ Мадырами, учрежденіи русскіхъ школъ и университета во Львовѣ и т. д. Желанія были благосклонно приняты; русскіе патриоты исполнились надеждами, которыя, конечно, потомъ не оправдались... Главнымъ помощникомъ Добрянскаго въ народномъ дѣлѣ былъ каноникъ Александръ Духновичъ (1803—1865), личность, какія встрѣчались и въ другихъ славянскихъ литературахъ въ критическія минуты ихъ перваго пробужденія. Духновичъ происходилъ отъ одного изъ князей Черкасскихъ, который замѣшанъ былъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, бѣжалъ въ Угорскую Русь и принялъ эту фамилію. Духновичъ учился въ Кошицахъ и Ужгородѣ, съ 1827 года поступилъ на службу въ епархіальную канцелярію, съ 1833 г. былъ священникомъ, и съ 1843 г. каноникомъ

въ Пряшевѣ. Свою книжную дѣятельность онъ посвятилъ народной литературѣ, писалъ все, что требовалось для первыхъ книжныхъ потребностей народа и для школы—букварь, грамматику (1853), географію, народную педагогію (1857), „Хлѣбъ души“ (1857), писалъ драмы, собиралъ пѣсни, принималъ дѣятельное участіе въ галицкихъ журналахъ, основалъ „литературное заведеніе пряшевское“, правда, очень скромное, и ему же приписываютъ мысль объ основаніи „общества св. Василія“, которое открылось на другой годъ по его смерти, въ 1866. Духновичъ былъ и поэтомъ; его стихотворенія разбросаны по журналамъ и альманахамъ; одно изъ нихъ: „Я Русинъ былъ, есмь и буду“, приобрѣло большую популярность ¹⁾. Ученики Духновича продолжали патріотическое дѣло, въ качествѣ священниковъ дѣйствуя на свои паствы или работая въ литературѣ. Начали составляться патріотическіе кружки и собранія; общество св. Василія издавало учебныя и популярныя книги (между прочимъ, русскія грамматики Ив. Раковского и Кирилла Сабова), наконецъ, газету „Свѣтъ“ (1867—71), подъ редакціей сначала Игнаткова, потомъ Сабова, наконецъ, Кирилла Кимака, при которомъ газета прекратилась вслѣдствіе гоненій отъ упомянутаго выше Панковича. Кромѣ того, издавались „Церковная Газета“ Раковского (1856—57), „Учитель“ (1867). Послѣ закрытія „Свѣта“, Кимакъ началъ издавать сатирическую газету „Сова“, гдѣ напалъ на систему и кругъ Панковича, но и „Сова“ должна была прекратиться послѣ нѣсколькихъ нумеровъ, и издатель выѣхалъ въ Россію, гдѣ сталъ учителемъ въ классической гимназіи.

И здѣсь опять, какъ въ Галиціи, власти вмѣшивались въ вопросы правописанія, чтобы языкъ не походилъ на „московскій“. Былъ планъ замѣнить кирилловскую азбуку латино-мадьярской. Наперекоръ тому, что дѣлалось въ Галиціи, власти желали ввести кулишовку...

Изъ другихъ писателей Угорской Руси назовемъ еще народнаго и патріотическаго поэта Александра Павловича, и историка Угорской Руси І. Дулишковича: „Историческія черты Угро-русскаго народа“, 3 вып. Унгварь, 1875—77.

Въ послѣдніе годы издавалась газета „Карпатъ“ Николая Гомичкова, но не внушала особеннаго довѣрія угро-русскимъ патріотамъ.

Головацкій въ упомянутомъ разсказѣ о русинской литературѣ хвалитъ Угорскую Русь, что она „не соблазнялась ни партикуляризмомъ, ни украинофильствомъ, ни кулишовкой, а старалась употреблять чистый русскій языкъ“. Стараніе, впрочемъ, до сихъ поръ еще не было исполненіемъ. Газета „Свѣтъ“ уже была въ недоумѣніи: „какъ имѣемъ

¹⁾ О Духновичѣ см. Нила Попова въ «Бесѣдахъ» общ. любит. русск. слов., вып. III. М. 1871, стр. 50—61; здѣсь приведена и названная пѣсня.

писати?⁴ и недоумѣніе можетъ вырости, какъ скоро книга будетъ разсчитывать не на тѣхъ только людей, которые нѣсколько научились церковному языку въ семинаріи. „Русскій“ языкъ угорскихъ писателей—такая же неправильная смѣсь, какъ у „старо-русской“ галицкой школы, и пониманіе литературнаго вопроса — то же. Но такъ мудрено вести живое народное дѣло ¹⁾.

Съ народнымъ движеніемъ въ Галицкой Руси, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, соединилось стремленіе къ изученію народной поэзіи, старины и преданій.

„Собраніемъ пѣсенъ,—говоритъ Головацкій ²⁾,—до новѣйшаго времени никто не занимался, хотя въ пѣсенникахъ набожныхъ иногда попадаются и пѣсни простонародныя свѣтскія. Впрочемъ, сборниковъ такихъ не встрѣчается старше XVII вѣка, и то на языкѣ славяно-польско-русскомъ ³⁾. Несмотря на отсутствіе всякой творческой искры въ этихъ виршахъ, онѣ переходили изъ рукъ въ руки, благодаря охотѣ до пѣсенъ и пѣнія. Въ тѣ времена все пѣло, или слушало пѣніе. Самые вельможные, несмотря на измѣну народу и вѣрѣ его, охотно держали у себя бандуристовъ, которые распѣвали козацкія думы, думки и разныя пѣсни. Съ этими-то южно-русскими господами перешли и въ Галицкую Русь многія былевныя и бытовыя пѣсни изъ Украйны обѣихъ сторонъ Днѣпра, освѣжающія и поддерживающія доселѣ народный духъ Червоно-руссомъ. Самое духовенство русское, какъ извѣстно, благопріятствовало и благопріятствуетъ пѣсенности своего народа, чѣмъ, по признанію даже польскихъ писателей, превосходитъ оно духовенство польское и вообще католическое... Дьячки, дѣти священниковъ и вообще причта церковнаго, ихъ учни, всегда были и есть большіе охотники къ пѣнію, пѣли и поютъ, сколько собственныя стиходѣлія, столько же и пѣсни народнаго творчества. По крайней мѣрѣ еще въ недавнее время не обходилось ни одно пиршество у духовныхъ и свѣтскихъ, горожанъ, чиновниковъ, дворянъ, безъ русскихъ пѣсенъ; да и вообще по вечерамъ города и села представляли собой, особливо

¹⁾ Напр. угорскій «Карпаты», какъ нѣкоторые Галичане «старо русской» школы, возставалъ противъ украинскихъ попытокъ писать народнымъ языкомъ, потому что это—«языкъ слугъ», и ихъ тенденція—«слить господъ со слугами». Затѣмъ послѣдовательно было бы защищать «господъ», а господа въ Угорской Руси — Магьяры; и дѣйствительно, во время послѣдней войны «Карпаты» во вкусѣ господъ защищали Турцію, и громилъ Россію.

Ср. Свѣтъ 1869, №№ 30, 32; «Карпаты», 1877—78. Вѣстн. Евр., 1878, янв., 371—372.

²⁾ См. въ предисловіи къ его пѣсенному сборнику въ «Чтеніяхъ» 1863, кн. III.

³⁾ Ср. въ «Русалкѣ Днѣстровой» 1837, стр. 117—120: «пѣснѣи зо староѣ рукописи» (какъ отмѣчено въ оглавленіи).

въ лѣтнее время, какъ бы одинъ огромный хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ: все пѣло и распѣвало. Говорю, пѣло и распѣвало, потому что въ нынѣшнее время каждый, кто только сколько-нибудь помазался школой, скорѣе затянетъ какую ни есть арію изъ оперы, или куплетъ водевильный, чѣмъ русскую пѣсню, либо же молчитъ, словно Нѣмецъ; разумѣется, excerptis excipiendis, особливо что касается до простаго народа. Здѣсь все еще, слава Богу, по старинѣ: нравы, обычаи, обряды, преданія, вѣрованія и пѣсенность не выводятся, и не выведутся, пока Русь останется Русью, кто бы что тамъ ни говорилъ и ни дѣлалъ. Не напрасно же искоконные сосѣди наши, Поляки, называютъ насъ „упрямой Русью“ (uparta Ruś). Да и зимой молодежь обоого пола поетъ на своихъ „вечорницахъ“ и „досвѣткахъ“ (посидѣлкахъ), при забавахъ, играхъ, праздникахъ, самыхъ работахъ, не говоря уже объ обрядахъ, особливо свадебныхъ. Въ особенности женщины строго смотрятъ, чтобы на нихъ все было „по старовинѣ, якъ съ давнихъ давень бывало“, чтобы „то, що не за насъ настало, — какъ говорятъ онѣ, — не черезъ насъ и перестало“. Даже тамъ, гдѣ смѣшанное населеніе, Русскіе и Ляхи, послѣдніе на свадьбахъ весьма часто поютъ пѣсни русскія, приглашаютъ нарочно ихъ спѣвакъ (пѣвцовъ и пѣвицъ), не только для пѣнья, но и чтобы показали и научили ихъ, какъ это тамъ водится у Руси, какъ Русь, напримѣръ, отправляетъ „закладчину хаты“, справляетъ „весѣлье“ (свадьбу); не рѣдко, кромѣ своего ксѣндза, приглашаетъ и попа, чтобы онъ „и хату посвятивъ, и панихиду одправивъ, и души помершихъ помянувъ“ и т. д.

Русинская народная поэзія имѣетъ столько близкаго, родственнаго съ украинской, что часто съ нею тождественна, и именно въ своихъ старыхъ элементахъ; новые историческіе періоды, когда народная жизнь въ Галиціи и на Украинѣ шла разными путями, внесли извѣстное различіе и въ народномъ творчествѣ. Украинскій народъ въ особенности создалъ поэзію думъ, фактическимъ центромъ которыхъ была Днѣпровская Русь; но какъ у Сербовъ героическая поэзія Косовскаго цикла перешла далеко за предѣлы края, гдѣ совершались событія, такъ и козацкія думы разошлись, кажется, по всей области южнорусскаго языка. Хотя инныя отрасли народа вовсе не участвовали, или мало, въ самыхъ подвигахъ, но поразительныя событія овладѣвали умами и чувствомъ, и чужая пѣсня принималась какъ своя. Любопытно, что съ пѣснями изъ Украины усвоивалось даже нарѣчіе, на которомъ онѣ были созданы. — такъ что уже этотъ фактъ указываетъ на мѣсто, гдѣ произошли пѣсни.

Впрочемъ, эти пѣсни могли отчасти имѣть и болѣе близкихъ проводниковъ, чѣмъ тѣ, взятые съ Украины бандуристы, о которыхъ

упоминает Головацкій. Козацкое движеніе отчасти захватило, вмѣстѣ съ другими окрестными мѣстами, и Галичь ¹⁾.

„Козачество,—говоритъ Житецкій,—сосредоточило въ себѣ передовую и въ то же время притягательную силу. Оно привлекло къ себѣ народныя массы изъ всѣхъ земель южнорусскихъ... Одушевленіе овладѣло всею громадою народа, до самой ея глубины, — вмѣстѣ съ тѣмъ возрасло и поэтическое вдохновеніе, плодомъ котораго были думы. А поэтическое творчество, какъ извѣстно, ведетъ за собою творчество въ языкѣ, и потому-то языкъ думъ, несмотря на всю древнюю основу, есть новый языкъ. Въ немъ достигло малорусское нарѣчіе той нормы, которая составляетъ характеристику собственно украинскаго говора, чуждаго звуковыхъ архаизмовъ, свойственныхъ другимъ малорусскимъ говорамъ... Его вліянія подчиняются другіе малорусскіе говоры... „Ще до сей поры, — говоритъ Головацкій, — въ декоторыхъ сторонахъ (Галиціи) уважають въ народѣ украинское нарѣчіе буцѣмъ красче, благороднѣйше... Вмѣстѣ съ думами, оно давно расширилось по всей Галиччинѣ; сами Горяне (Гуцулы, Верховинцѣ, Бойки, Лемки) спѣвають пѣснѣ украинскаго похоженья (козацкїи) по тамошнему (т.-е. украинскому) выговору, коли тымчасомъ въ лиричныхъ спѣванкахъ и въ обрядовыхъ пѣсняхъ заховують свое помѣстне нарѣчіе“ ²⁾.

Выше упомянуто, что для Галиціи первымъ собирателемъ пѣсень былъ Доленга-Ходаковскій (Адамъ Черноцкій), который въ началѣ столѣтія, при первыхъ шагахъ этнографіи и археологіи, предчувствовалъ много вопросовъ, ставшихъ потомъ на очередь въ наукѣ. Въ знаменитой статьѣ „O Słowiańszczyźnie przed Chrześcijaństwem“ (1818, изданной потомъ отдѣльно, Краковъ, 1835) онъ обратилъ вниманіе польскихъ ученыхъ на важность изученія народныхъ пѣсень — польскихъ и русскихъ, и собиралъ ихъ, хотя самъ не успѣлъ издать своего собранія. Его примѣру стали слѣдовать другіе, и образчики галицкихъ пѣсень вошли въ собраніе Челяковского („Slovanské nár. písně“, кн. 2—3, 1825—1827) и Максимовича (первый сборникъ, 1827, изъ польскихъ рукъ). Затѣмъ первое обширное собраніе русинскихъ пѣсень, долго остававшееся лучшимъ, издалъ Вацлавъ изъ-Олѣска, или Залѣсскій, прибавивъ музыку, написанную Липинскимъ и замѣчательное по времени введеніе о народномъ творчествѣ ³⁾. Пѣсни были записаны здѣсь латинскою азбукою, которую Залѣсскій и предлагалъ вмѣсто кирилловскаго письма; это Галичанамъ не понравилось,

¹⁾ На это есть указанія въ лѣтописи Самовидца, который говоритъ, что у Хмельницкаго былъ «полюкъ Животовскій, бо тамъ козацтво звалось ажъ и по за Днѣстромъ коло Галича», и проч.

²⁾ Росправа, 42, 39; Житецкій, 290—291.

³⁾ Waclaw z Oleska, Pieśni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego, Львовъ, 1833.

но богатый сборникъ произвелъ впечатлѣніе, открывая въ первый разъ богатство народнаго творчества, льстившее и помогавшее національному чувству. Лестило и то, что это богатство было признано національными противниками. Августинъ Бѣлѣвскій, разбирая тогда этотъ сборникъ, открыто восхвалялъ высокое достоинство и красоту южно-русскихъ пѣсень, и ставилъ ихъ выше не только сербскихъ, но и пѣсень прочихъ Славянъ. Упомянемъ дальше „*Ruskoje Wesile*“ (Перемышль, 1835) Иосифа Лозинскаго — описаніе свадебныхъ обычаевъ, гдѣ приведено нѣсколько пѣсень, записанныхъ латинской азбукой: впоследствии Лозинскій помѣстилъ описаніе разныхъ народныхъ игръ въ „*Зорѣ Галицкой*“, 1860. Выше названъ сборникъ Лукашевича, гдѣ червоно-русскій отдѣлъ взятъ отъ Вацлава Залѣскаго. Затѣмъ новое собраніе издалъ Жегота Паули („*Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi*“, 2 ч., Львовъ, 1839—1840), даже болѣе обширное, чѣмъ собраніе Залѣскаго, но далеко уступающее ему по редакціи: Жегота Паули переписалъ польскими буквами пѣсни изъ готовыхъ собраній, не критически обращался съ своими источниками, и напримѣръ приписывалъ иногда Галицкой Руси пѣсни, ей не принадлежащія и взятая имъ изъ русскихъ сборниковъ.

Кружокъ Маркіана Шапкевича, издавшій „*Русалку Днѣстровую*“ (1837), гдѣ было помѣщено болѣе 50 народныхъ пѣсень, проникся сознаніемъ важности народныхъ изученій; самъ Шапкевичъ и его друзья, напр. Головацкій, Вагилевичъ, Илькевичъ, усердно собирали пѣсни, пословицы, описывали обычаи и обряды. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ много русинскихъ священниковъ занимались собираніемъ народныхъ пѣсень, между прочимъ и извѣстные какъ писатели Иос. Левицкій, Ив. Гухалевичъ.

Въ Угорской Руси первый Михаилъ Лучкай, протоіерей въ Ужгородѣ (ум. 1843), въ своей *Grammatica Slavo-Ruthena* (1830) помѣстилъ четыре народныхъ пѣсни (*cantilenaе populares*, стр. 166—174). Въ новѣйшее время собираніемъ пѣсень занимались здѣсь также священники, Талапковичъ, Ал. Духновичъ, Ал. Павловичъ.

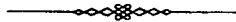
Въ 1861—62 Игнатій Галько издалъ во Львовѣ „*Народныи звичаи и обряды въ околицѣхъ надъ Збручемъ*“, 2 ч., гдѣ помѣщено также нѣсколько пѣсень, и пословицы, въ дополненіе сборника Илькевича. Въ „*Старосвѣтскомъ Бандурнетѣ*“ Закревскаго помѣщено и нѣсколько галицкихъ пѣсень изъ Залѣскаго, и сборникъ пословицъ Илькевича.

Въ 1864, во Львовѣ вышли „*Коломѣйки и шумки*“, сборникъ Саламона Счастливаго. Затѣмъ печатались пѣсни въ журналахъ ¹⁾, альманахахъ, небольшихъ сборникахъ. Наконецъ, самый обширный сборникъ состав-

¹⁾ Замѣтимъ «*Коляди Гуцулівъ*», въ Метѣ 1863, II, 164—172.

лень былъ Я. О. Головацкимъ. Онъ собиралъ ихъ, во времена Шашкевича, въ 1834—40, въ многочисленныхъ странствіяхъ по Галицкой и Угорской Руси, присоединилъ къ нимъ все, что было издано другими, затѣмъ получилъ много рукописныхъ собраній, и передалъ свое собраніе Бодянскому. Въ 1863 году Бодянский началъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей“ печатаніе этого замѣчательнаго собранія, которое должно составить нѣсколько томовъ ¹⁾. Здѣсь помѣщены пѣсни самыхъ разнообразныхъ видовъ: думы былевья козацкія; думы о событіяхъ обыкновенныхъ; бытовья козацкія; воинскія и рекрутскія; гайдамацкія; чумацкія и бурлацкія; господарскія и скотарскія; думки народныя; думки образованнаго сословія: — коломыйки и шумки; — обрядныя пѣсни; колядки; ладканя или пѣсни свадебныя; пѣсни при крестинахъ; педровки; гайлики или весеннія хороводныя пѣсни; веселыя и охочія: насмѣшливыя, шутливыя, праздничныя, необычныя; корчемныя и піяцкія; субботки и т. д. Въ сборникъ вошли собранія Гушалевича, Торонскаго, пѣсни, собранныя въ Угорской Руси Талапковичемъ, Духновичемъ, Павловичемъ и проч.

Богатый матеріалъ русинской народной поэзіи и вообще народнаго быта, обычаевъ, преданій, и прибавимъ, языка ²⁾, далеко еще не собранныхъ, даетъ обширное поприще для изслѣдованій. Галичане показали довольно много усердія въ собираніи, но изслѣдованій до сихъ поръ очень немного. На нашъ взглядъ, изученіе, направленное на народный бытъ, могло бы быть чрезвычайно благодарной задачей для галицкихъ ученыхъ, не только въ чисто-научномъ, но и практически народномъ смыслѣ: это ближе знакомило бы съ народомъ, который есть все-таки господствующая идея возрожденія, основная опора національной жизни; это была бы еще одна связь съ русскимъ „общерусскимъ“ національнымъ сознаніемъ, съ русской литературой—то и другое принесло бы галицкому возрожденію несомнѣнную пользу.

¹⁾ «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», съ предисловіемъ Болянскаго, заключающимъ подробную библіографію пѣсенныхъ собраній. Изданіе начато съ III книги 1863 года и продолжалось въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ „Чтеній“.

²⁾ До сихъ поръ еще нѣтъ настоящаго южнорусскаго словаря, какъ тѣ, какіе есть у другихъ Славянъ: словари Караджича, Юнгманна, Линде были великими фактами національной литературы, а первые два — могущественными двигателями «возрожденія».